КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВЪ ЮЖНОЙ УКРАИНѢ ВЪ XV СТОЛѢТІИ. **В. Антоновича**	1—19
II.	АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ. **Н. Бѣляшевскаго.**	20—64
III.	КЪ ВОПРОСУ О СТАРИННЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. По поводу брошюры проф. Н. Сумцова «Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній». **А. Крымскаго**	65—76
IV.	ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.)	77—92
V.	НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВЛЕВОЛЫНСКАГО БЫТОПИСАНІЯ. **Волынца**	93—109
VI.	НОВЫЯ ДАННЫЯ О СОЮЗАХЪ НЕЖЕНАТОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЮГѢ РОССІИ. **В. Ястребова.**	110—128

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Письмо святителя Феодосія Углицкаго. **А. Л.** б) Къ исторіи возстанія Наливайка. **В. А.** в) Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи. Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.** г) Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ. **Егора Акимова.** д) Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ. **А. Крымскаго.** е) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. Сообщ. **В. Науменко.**	1—17
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Списокъ населенныхъ мѣстъ кіевской губерніи. Изданіе Кіевск. Губ. Стат. Комитета. **Ал. А—ча.** б) А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. **И. Стешенка.** в) Выставка древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на возрѣніе Государя Императора. **Б.** г) Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редациею Михайла Грушевскаго. **Н. М.**	18—36
	ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г.	1—4
	КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» (*въ концѣ книги*).	1—
III.	ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (353—368). 2) Любецкій Архивъ. (209—224).	

Дозволено цензурою Кіевъ 9 октября 1896 года.

Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной Украинѣ въ XV столѣтіи.

При пересмотрѣ гродскихъ книгъ Брацлавскаго воеводства XVIII столѣтія мы встрѣтили нѣсколько документовъ XV столѣтія, явленныхъ въ эти книги въ позднѣйшее время; въ виду малочисленности документальныхъ свидѣтельствъ о землевладѣніи въ Украинѣ въ XV столѣтіи, мы полагаемъ, что документы эти не лишены историческаго интереса по данному вопросу, и потому приводимъ ихъ въ связи съ другими данными, касающимися исторической судьбы упомянутыхъ въ нихъ мѣстностей. Къ несчастію, русскіе акты XV ст., явленные въ XVIII, переписаны въ гродскихъ книгахъ латинскимъ шрифтомъ, потому, возстановляя языкъ подлинниковъ, мы не могли возстановить ихъ правописанія. Встрѣтившіеся намъ документы относятся къ слѣдующимъ четыремъ мѣстностямъ:

1. Жаботинъ и Оловятинъ.

Въ 1722 году братья Яковъ и Петръ Житкевичи продали чашнику Летичевскому Лаврентію-Стефану Каменскому свои наслѣдственныя имѣнія: мѣстечко Жаботинъ и село Оловятинъ „съ селами и селищами, издавна къ этому имѣнію принадлежащими, а именно: Куликовцы, Лубенецъ, Плескачевка, Дѣтвѣвый Островъ, Каменка, лѣсъ Бовтыкъ, поляны: Бузукова и Солопов-

ка[1]). При этомъ случаѣ братья Житкевичи явили въ гродскую книгу всѣ сохранившіеся у нихъ фамильные документы, удостовѣрявшіе ихъ права на владѣніе исчисленными имѣніями. Древнѣйшій изъ этихъ документовъ—выписъ изъ книгъ гродскихъ Кіевскихъ, выданный 1609 года октября 19, Василію Житкевичу, посвидѣтельствованный членами гродскаго кіевскаго суда съ приложеніемъ гродской печати. Въ выписѣ этомъ сказано, что Василій Житкевичъ явилъ въ гродскія кіевскія книги другой, болѣе древній, выписъ изъ тѣхъ-же книгъ, выданный его отцу Тихону Житкевичу, 1570 г. октября 8, посвидѣтельствованный урядомъ замку кіевскаго: Остафіемъ Ивановичемъ Ружинскимъ, намѣстникомъ, Иваномъ Солтаномъ, судьею, и Леономъ Верещакою, писаремъ. Послѣдній выписъ свидѣтельствуетъ, что въ 1570 г. Тихонъ Житкевичъ явилъ въ книги кіевскаго замка подлинный документъ, снабженный королевскою печатью и подписью короля Александра слѣдующаго содержанія:

„Александръ Божею милостью король польскій Великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомоитскій и пр. ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ, кто на него воззритъ или услышить его чтеніе, кому о томъ вѣдати нужно будетъ, что билъ намъ челомъ земянинъ брацлавскій, Мокій Житкевичъ, и сказалъ передъ нами, ижъ дей дѣдъ его, небожщикъ Стефанъ выслужилъ на продку нашемъ, на великому князю Витовду имѣнія въ воеводствѣ кіевскомъ на имя: Жаботинъ[2]) и Оловятинъ и селища къ нимъ здавна надлежачіе, пустые и оселые надъ рѣкою Тасьминомъ. Листы предковъ нашихъ онъ дей у себя мѣлъ, и якъ поганство татарове брали имѣнія его, и жену и дѣтей взяли, и тѣ листы у него на тотъ часъ побрали, а къ тому дей якъ нашъ замокъ кіевскій сгорѣлъ, не доставши (онъ Мокій записей замковыхъ) тѣхъ листовъ, они въ замкѣ были истреблены; а то дей вѣдомо всѣмъ земянамъ кіевскимъ, што тѣ имѣнія и селища его дѣдизна и отчизна; ино земяне нѣ-

---

[1]) Книга гродская Виннцкая записовая и поточная № 4607, листы 49 на оборотѣ и 55.

[2]) Нынѣ мѣстечко черкасскаго уѣзда.

которые о томъ повѣдали, што тѣ имѣнія и селища его дѣдизна и отчизна; и билъ намъ челомъ, абысьмо въ томъ ему ласку нашу учинили и подтвердили ему симъ нашимъ листомъ на вѣчность. Ино мы з ласки нашой за его намъ вѣрные и справедливые службы тѣ вышеписанныя его имѣнія: Жаботинъ и Оловятинъ, со всѣми до нихъ надлежачими селищами и пустыми урочищами надъ рѣкою Тасьминомъ потвержаемъ симъ нашимъ листомъ на вѣчность ему самому, дѣтямъ и напотомъ будучимъ щадкамъ з людьми и землями пашными, з пасѣками, з ловы рыбными и бобровыми гоны, зъ лѣсами и дубровами, болотами и сѣножатями, зъ гаями, зарослями, зъ рѣками, рѣчками и крыницами, зъ ставами и ставищами, зъ млынами и вшелякими платами и доходами ихъ и данями, по тому, якъ на тии имѣнія и селища вышеписанные продокъ нашъ дѣду его далъ и якъ здавна въ границахъ своихъ были. Воленъ онъ тие свои имѣнія и селища вышеписанные отдать, продать, обмѣнять, на церковь записать и ку лучшому своему пожитку обратить и разширить, якъ самъ найлепѣй разумѣетъ. На потверженіе чего и печать нашу королевскую привѣсить разказали к сему нашему листу. Писанъ въ Кракови в лѣто 1509 [1]), августа 6 дня. Подпись руки е. к. м. тыми словы: Александръ король [2]).

Приведенный документъ удостовѣряетъ, что Жаботинъ и обширная, тянувшая къ нему полоса земли надъ Тасьминомъ состояли de jure въ преемственномъ владѣніи земянскаго рода Житкевичей со времени Витовта (въ первой половинѣ XV столѣтія) до 1722 года. Изъ данныхъ какъ приведеннаго документа, такъ и другихъ документовъ, явленныхъ Житкевичами, можетъ быть съ незначительными пробѣлами возстановлена родословная

---

[1]) Очевидно, вслѣдствіе незнанія польскими канцеляристами славянскаго счисленія, въ цифрѣ, обозначающей годъ, сдѣлана ошибка. Александръ умеръ въ 1506 году.

[2]) Кн. гродск. Винницкая записовая и поточная 1722 г. № 4607 л. 52—53. Въ актовой книгѣ документъ этотъ переписанъ латинскимъ шрифтомъ со вставкою по мѣстамъ польскихъ терминовъ; мы старались по возможности установить русскій текстъ документа.

этого земянскаго рода; она представляетъ слѣдующую генеалогическую таблицу:

Стефанъ (современникъ Витовта)
№
Мокій (упом. 1509)
№
Тихонъ (уп. 1570).

Василій (уп. 1609) — Тихонъ

Лука (уп. 1621) Даніилъ (уп. 1653—55) Федоръ (уп. 1621—29)

Иванъ (уп. 1692)

Яковъ (уп. 1703—1722) Петръ (уп. 1713—1722).

Изъ письма, писаннаго въ 1621 году Федоромъ Тихоновичемъ къ его двоюродному брату Лукѣ Василіевичу, видно, что дѣдъ ихъ Тихонъ пріобрѣлъ сверхъ Жаботинской волости другія имѣнія въ брацлавскомъ воеводствѣ, именно—въ винницкомъ повѣтѣ Войтовцы на р. Бугѣ и Новоселки, въ которыхъ и жили его внуки, споривше между собою о дѣлежѣ наслѣдства; Федоръ желалъ оставить за собою владѣнія въ винницкомъ повѣтѣ и предоставить Лукѣ Жаботинскій ключъ, между тѣмъ какъ послѣдній требовалъ на свою долю Новоселокъ [1]).—Федоръ Тихоновичъ занималъ важную должность судьи гродскаго Винницкаго и сверхъ своей отчины владѣлъ еще селомъ Шандыровомъ (нынѣ брацлавскаго уѣзда), доставшимся ему въ приданное за женою [2]). Братъ Федора, Даніилъ Тихоновичъ занималъ въ 1653—1655 г.г. должность инстигатора короннаго и въ 1654 и 1655 годахъ избранъ былъ депутатомъ на сеймъ отъ воеводства брацлавскаго [3]).—Обоимъ братьямъ, повидимому надлежали также въ Брацлавскомъ воеводствѣ въ 1664 г. села: Бушинцы и Остапковцы (нынѣ брацлавскаго уѣзда) [4]).—Впрочемъ въ второй половинѣ XVII столѣтія линія Тихоновичей-Житкевичей прекратилась,

[1]) Кн. град. Винницкая № 4607, л. 53 на обор.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. ч. VII, т, II, стр. 399.

[3]) Тамже, ч. II, т. I, стр. 453 и 465 и т. II, стр. 4.

[4]) Тамже, ч. VII, т. II, стр. 548.

ибо въ продажной записи Якова и Петра Ивановичей 1722 г. они заявляли, что они единственные наслѣдники какъ прадѣда своего Василія, такъ и двоюродныхъ дядей Даніила и Федора Тихоновичей.

Принадлежность Жаботина Житкевичамъ фактически была упразднена въ половинѣ XVII столѣтія.—Во время Богдана Хмельницкаго, они, подобно другимъ украинскимъ шляхтичамъ, должны были удалиться изъ края, и Жаботинъ вошелъ, въ качествѣ сотеннаго города, въ составъ Чегринскаго козацкаго полка; въ 1649 г. сотникомъ Жаботинскимъ былъ Иванъ Шуликъ [1]). При преемникахъ Хмельницкаго Жаботинъ, среди гетманскихъ междуусобій, стоитъ всегда на сторонѣ того гетмана, который владѣлъ Чегриномъ; онъ поддерживалъ до конца Дорошенка, послѣ его паденія сдался въ 1677 г. туркамъ, а послѣ ихъ ухода призналъ власть Самойловича; но въ 1678, послѣ прихода новой турецкой арміи, Жаботинъ подчиняется Юрію Хмельницкому; въ наказаніе за это, послѣ ухода турокъ, Семенъ Самойловичъ въ 1679 г. разрушилъ городъ и всѣхъ жителей перевелъ на лѣвый берегъ Днѣпра [2]).

Такимъ образомъ Жаботинъ пришелъ въ совершенное запустѣніе; между тѣмъ его бывшіе владѣльцы Житкевичи—Лука Василіевичъ и сынъ его Иванъ—скрывались въ Польшѣ, ожидая удобнаго случая, чтобы предъявить свои права на дѣдизну. Только въ исходѣ XVII столѣтія Иванъ Лукичъ, служившій въ польскомъ войскѣ въ качествѣ, „полковника его королевской милости“, появился въ кіевскомъ воеводствѣ; въ 1692 году мы встрѣчаемъ его подпись на протестѣ дворянъ кіевскихъ противъ притѣсненій, испытываемыхъ ими отъ козацкаго полковника Василія Искрицкаго [3]). Вскорѣ потомъ престарѣлый полковникъ вѣроятно умеръ, потому что уже въ 1703 году представителями ро-

[1]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 669. Въ 1649 году король Янъ Казиміръ, желая задобрить Хмельницкаго, далъ ему жалованную грамоту на потомственное владѣніе разными имѣніями; въ числѣ ихъ названы: Жаботинъ съ слободкою Каменкою и лѣсъ Болотышъ. Впрочемъ грамота эта осталась повидимому безъ примѣненія. Акты Южной и Западной Россіи т. X, стр. 463.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 128, 138, 146, 147, 282 и 285.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. ч. III, т. II, стр. 248.

да являются его сыновья: Яковъ и Петръ. Подпись перваго изъ нихъ мы находимъ на постановленіи съѣзда кіевскихъ дворянъ, состоявшагося въ 1703 г. подъ Лугинами [1]), а въ 1713 оба брата принимаютъ дѣятельное участіе въ защитѣ Евстратія Самборовича, игумена кіевскаго Кириловскаго монастыря, противъ заѣзда на его имѣніе, Андреевку, произведеннаго дворянами Шумлянскимъ и Щеневскимъ [2]).—Въ это время братья Житкевичи попытались возстановить свои права на Жаботинское имѣніе; но колонизація запустѣвшей области подвигалась слишкомъ медленно; кромѣ Жаботина и Оловятина [3]) остальныя урочища оставались пустыми селищами, и доходъ изъ обширныхъ притасьминскихъ земель былъ ничтожный [4]); вслѣдствіе этихъ экономическихъ причинъ, Житкевичи рѣшились продать свою Жаботинскую дѣдизну, оставивъ за собою лишь имѣнія въ Брацлавщинѣ. Новый владѣлецъ, Каменскій, смотрѣлъ впрочемъ на свое пріобрѣтеніе, доставшееся ему весьма дешево, какъ на выгодную спекуляцію; воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что князья Любомирскіе, купившіе Смѣлянщину, стремились къ округленію своихъ владѣній, Каменскій продалъ имъ около 1730 года свои права на Жаботинскую волость, которая такимъ образомъ вошла въ составъ Смѣлянскаго имѣнія. Въ 1787 г. кн. Ксаверій Любомирскій продалъ это имѣніе цѣликомъ, въ томъ числѣ и Жаботинъ, кн. Потемкину; послѣ смерти послѣдняго оно было раздѣлено между его наслѣдниками, и Жаботинъ пришелся на долю его сестры графини Самойловой, наслѣдниками которой былъ вновь проданъ шляхтичу Фльорковскому.

---

[1]) Тамже, стр. 594.

[2]) Тамже, ч. I, т. IV, стр. 366—369.

[3]) Нынѣ село Головятинъ

[4]) Изъ мѣстностей, упомянутыхъ въ запродажной записи, Солоповка и Вузукова (нынѣ с. Вузуковъ) названы—полянами; далѣе слѣдуетъ „лѣсъ Болтыкъ", вѣроятно нынѣшнее село Болтышка чигрин. у., и Дѣтковый Островъ, мѣстоположеніе котораго намъ неизвѣстно; Куликовка, Лубенцы, Плескачевка и Каменка были пустыми селищами.

2. Мліевъ.

Документы, явленные Житкевичами, свидѣтельствовавшіе какъ о древности ихъ рода, такъ и о правахъ владѣнія обширными украинными помѣстіями, очевидно произвели впечатлѣніе на дворянъ Брацлавскаго воеводства и возбудили соревнованіе лицъ, сохранившихъ фамильныя преданія о родовомъ землевладѣніи въ Литовское время; лица эти готовы были заявить въ гродъ свои документы и на основаніи ихъ отыскивать давно утерянныя земельныя владѣнія; къ несчастью, у многихъ документы не сохранились; тогда у нѣкоторыхъ лицъ явилось стремленіе восполнить этотъ недостатокъ, взявъ за образецъ документы Житкевичей; одна изъ попытокъ подобнаго рода относится къ Мліеву (мѣстечко черкасскаго у.). Годъ спустя послѣ Житкевичей въ Винницкій гродскій судъ явился Федоръ Пашута „пресвитеръ ritus gvaeco-uniti при церкви архистратига Михаила въ селѣ Сорокотяжинцахъ“ [1]) и явилъ для занесенія въ гродскія книги документъ, „писанный русскимъ стилемъ, безъ печати и корректы“ [2]), который долженъ былъ удостовѣрять о правахъ рода Пашутъ на м. Мліевъ. Гродскій судъ принялъ и записалъ документъ въ актовую книгу, присоединивъ, впрочемъ, вышеприведенную оговорку объ отсутствіи печати и корректы, которая лишала этотъ документъ всякаго юридическаго значенія [3]). При сличеніи оказывается, что документъ, явленный свящ. Пашутою, есть не что иное, какъ буквальная копія документа Житкевичей, съ тою лишь разницею, что вмѣсто Жаботина вставленъ Мліевъ, вмѣсто Витовта находимъ имя Великаго князя Владиміра и вмѣсто Василія, Тихона и Стефана Житкевичей вписаны имена: Богдана, Ермолая и Ларіона Пашутъ. Впрочемъ, апокрифическій характеръ документа явствуетъ не только изъ самаго текста и отсутствія печати и „корректы“; онъ можетъ быть доказанъ свидѣтельствомъ другихъ, извѣстныхъ понынѣ, документовъ. Названіе Мліева упоминается первый разъ въ до-

[1]) Нынѣ брацлавскаго уѣзда подольской губ.

[2]) Т. е. не посвидѣтельствованный гродскимъ судомъ.

[3]) Книга гродская Винницкая, записовая и поточная 1723 г. № 4608 л. 40—41.

кументѣ 1499 года; въ этомъ году В. К. Александръ пожаловалъ селища: Имгліево, Орловичи и Линчинцы Черкасскому земянину Грыньку Васькевичу; селища эти составляли раньше „отчизну и выслугу“ звенигородскаго земянина Федька Васькевича, но послѣдній былъ убитъ татарами, дѣтей онъ не оставилъ, а на вдовѣ его женился Грынько Васькевичъ, которому В. К. Александръ и разрѣшилъ владѣть выслугою покойнаго. Въ 1510 г. Сигизмундъ I подтвердилъ грамоту Александра на потомственное владѣніе Грынька Васькевича селищами: Мліево, Орловичи и Линчинцы [1]). Жена Грынька, Анна Васькевичева, пережила и второго мужа и въ 1533 году передала всѣ три упомянутые селища, въ качествѣ приданаго за дочерью, зятю своему Черкасскому земянину, Ивану Зубрику; передачу эту утвердилъ В. К. Сигизмундъ I [2]). Наслѣдникомъ Ивана Жибрика былъ сынъ его Василій, извѣстный по документу 1562 года [3]); послѣ смерти послѣдняго, имѣнія его перешли во владѣніе его единственной дочери Христины, которая, доживъ до глубокой старости, продала въ 1633 г. Мліевъ и другія свои наслѣдственныя имѣнія гетману Станиславу Конецпольскому, желая избѣгнуть „великихъ досадъ, причиняемыхъ ей козаками“. Мліевъ оставался собственностью Конецпольскихъ до начала XVIII столѣтія. Послѣ смерти послѣдняго изъ рода Конецпольскихъ—Яна-Александра (1719) украинныя его имѣнія достались его родственникамъ Валевскимъ; но послѣдніе жиливъ Великой Польшѣ и затруднялись наслѣдствомъ, расположеннымъ въ отдаленной области, экономическія условія которой были имъ неизвѣстны потому уже въ 1723 году они продали всѣ свои украинныя помѣстья кн. Юрію Любомирскому; послѣдній присоединилъ ихъ къ Смилянской волости; при этомъ за владѣніе Мліевымъ ему пришлось вести упорную тяжбу съ князьями Яблоновскими, владѣвшими Корсунскимъ староствомъ и послѣ „руины“ захватившими безправно Мліевъ, какъ анексъ этого староства [4]). Лю-

[1]) Грамоты великихъ князей Литовскихъ, изд. В. Антоновича и К. Козловскаго, стр. 33 и 44.

[2]) Тамъ же стр. 58—59.

[3]) Тамъ же стр. 92.

[4]) Руликовскій. Słownik geograficzny VI, 522, 526.

бомирскіе владѣли Мліевымъ до 1787 года, когда кн. Ксаверій Любомирскій продалъ Смѣлянщину кн. Григорію Потемкину, наслѣдникамъ котораго (Воронцовымъ) Мліевъ принадлежитъ понынѣ.

Изъ этого краткаго перечня судьбы Мліева видно, что документъ, предъявленный въ 1723 году свящ. Федоромъ Пашутою, утверждавшій, будто Мліевъ принадлежалъ его предкамъ со времени „Великаго князя Владиміра“ до 1609 года, представляетъ совершенный вымыселъ; составленъ онъ притомъ съ явнымъ разсчетомъ на неопредѣленность въ то время правъ на землевладѣніе въ Украинѣ, въ которую шляхта едва стала возвращаться послѣ „руины“ и „паліивщины“; въ этомъ именно 1723 году право на Мліевъ было продано Валевскими кн. Юрію Любомирскому, но фактически имѣніемъ владѣли Яблоновскіе; среди этой путаницы, очевидно, Федоръ Пашута разсчитывалъ предъявить свои права и, конечно, не надѣясь добиться Мліева, могъ попытаться получить нѣкоторую сумму за уступку своихъ мнимыхъ правъ, которыя могли еще болѣе усложнить и безъ того запутанное дѣло.—Впрочемъ, претензіи на Мліевъ не были чистымъ продуктомъ фантазіи отца Федора; въ семьѣ Пашутъ, вѣроятно сохранялось преданіе о томъ, что нѣкогда одинъ изъ ихъ предковъ владѣлъ Мліевымъ и преданіе это было основано на дѣйствительномъ фактѣ. Дѣло въ томъ, что Христина Васильевна Жубриковна была замужемъ 3 раза: первые два мужа ея: Филонъ Балакиръ и Ѳедоръ Розношинскій погибли въ стычкахъ съ татарами; третій-же мужъ ея былъ Андрей Пашута—Кореневскій, который и показанъ въ тарифѣ подымной подати воеводства кіевскаго 1631 г. какъ владѣлецъ Мліева [1]).

---

3. Рашковъ.

Въ числѣ замковъ, построенныхъ В. К. Витовтомъ для охраны южныхъ предѣловъ его государства, упоминается замокъ

[1]) Słownik geograficzny т. VI, стр. 522. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. I стр. 382—фамилію даннаго лица пишутъ Пашута, Пахута и даже Пахула вѣроятно вслѣдствіе извращенія въ транскрипціяхъ.

Калауръ или *Каравулъ*. Замокъ этотъ существовалъ уже въ 1402 году; въ спискѣ областей, городовъ и замковъ, входившихъ въ составъ В. К. Литовскаго, который Свидригайло приложилъ къ договору, заключенному имъ съ крестоносцами въ 1402 г., названъ Калавуръ [1]). Мѣсто, гдѣ находился этотъ замокъ, долго оставалось неизвѣстнымъ,—подобно многимъ другимъ Витовтовымъ замкамъ (Упскъ, Гербедеевъ и т. д.). Нѣсколько лѣтъ назадъ извѣстный знатокъ русско-литовской старины А. П. Яблоновскій сообщилъ мнѣ свѣдѣніе, что въ окрестности м. Рашкова (подольской губ. ольгопольскаго у.) на Днѣстрѣ есть урочище, сохранившее понынѣ названіе „Калауръ". Года два спустя мнѣ случилось посѣтить Рашковъ, и я занялся собраніемъ свѣдѣній, относящихся къ этому урочищу. Нынѣшнее мѣстечко Рашковъ расположено частью на низменномъ берегу Днѣстра, частью въ долинѣ рѣчки Рашковки, впадающей здѣсь въ Днѣстръ; надъ мѣстечкомъ господствуетъ высокій незаселенный кряжъ приднѣстровской плоской возвышенности, подымающійся почти отвѣсно на 70 саженъ высоты; въ углу этой возвышенности, между Днѣстромъ и Рашковкою, на лѣвомъ берегу послѣдней, на горѣ, сохранилось прекрасное городище; оно обнесено валомъ, имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника и на трехъ углахъ вооружено обширными ронделями, которые характеризируютъ фортификаціонныя сооруженія XV столѣтія; вблизи городища, съ южной его стороны, находится небольшой лѣсокъ, сохранившій понынѣ названіе „Калауръ". Всѣ перечисленныя обстоятельства наводили на предположеніе, что упоминаемый въ началѣ XV столѣтія витовтовый замокъ Калауръ находился вблизи нынѣшняго Рашкова. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось слѣдующимъ документальнымъ свидѣтельствомъ: 29 января 1742 года въ Винницкія гродскія книги Петръ Яковлевичъ Судимунтовичъ-Чечель явилъ цѣлый рядъ хранившихся у него фамильныхъ документовъ, по поводу тяжбы, которую Чечели давно уже вели съ Мелешками за межи своихъ имѣній; въ числѣ этихъ документовъ представленъ былъ выписъ изъ

[1]) Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów etc т. I стр. 331.

книгъ гродскихъ Брацлавскихъ, выданный 13 октября 1580 г. Григорію Судимунтовичу-Чечелю, прапрадѣду Петра [1]), удостовѣренный судовою гродскою печатью и подписью брацлавскаго гродскаго писаря, Григорія Байбузы: выписъ этотъ, писанный по русски, къ несчастію нѣсколько пострадалъ отъ времени, такъ что нѣтоторыя мѣста не могли быть прочитаны въ 1742 году. Вотъ его текстъ:

„1580 г., октября 13 дня на уряде гродскомъ Брацлавскомъ ставши очевисто земянинъ Е. К. М. воеводства Брацлавскаго Григорій Судимунтовичъ-Чечель оповедалъ тыми словы: ижъ што привилегія, наданые предку моему отъ славное памети великого князя Витовда и короля Е. М. Ольбрыхта, Андрею Судимунту, на селища мои отчизные, лежачіе въ воеводствѣ Брацлавскомъ: Кущинцы, Борсуковцы, Щуринцы, а надъ рѣкою Днѣстромъ селище *Калауръ* зъ приселкомъ *Рашковомъ* и селищами, въ воеводствѣ Брацлавскомъ лежащими, (одна строка не разобрана); которые-то я привилегія свое ($^1/_2$ строки не разобрано) козацкого, яко въ Украинѣ, въ замку Винницкомъ приятелю моему ($^1/_2$ строки не разобрано); што изъ допущеня Божого року теперъ идучого 1580, мѣсяца октября 8 дня, той замокъ Винницкій згорилъ, въ которомъ замку схованые у пана Семена Ободенскаго тыи привилегія мои погорили“ [2]).

Приведенный документъ ясно удостовѣряетъ, что Рашковъ былъ въ XV—XVI столѣтіяхъ приселкомъ Калаура, и дозволяетъ безъ колебаній считать слѣдами этого замка какъ существу-

---

[1]) Вотъ данныя генеалогіи Чечелей, извлеченныя изъ явленныхъ фамильныхъ ихъ документовъ:

Андрей Судимунтъ (XV в.).

Борисъ

Григорій подстароста гродск. Брацлав. (упом. 1545—1596).

Андрей

Григорій (упом. 1617—1644).

Яковъ

Петръ. (упом. 1742).

[2]) Книга гродская Винницкая записовая и поточная, 27, листъ 28.

ющее городище, такъ и урочище, сохранившее названіе бывшей Витовтовой крѣпости.

Калауръ, впрочемъ, не долго оставался достояніемъ Судимунтовичей; уже въ 1442 году онъ былъ пожалованъ вмѣстѣ съ обширною степною полосою простиравшеюся до береговъ Чернаго моря, въ пожизненное владѣніе Бучацкому [1]);—но въ 1545 году „Калауръ на Днѣстрѣ держалъ Грицко Чечель“ [2]). Въ концѣ XVI столѣтія поселеніе уже извѣстно подъ названіемъ бывшаго предмѣстія *Рашкова* и принадлежитъ къ числу обширныхъ помѣстій, пріобрѣтенныхъ въ Поднѣстровіи Яномъ Замойскимъ. Въ 1617 году замокъ былъ добровольно сожженъ поляками въ угоду туркамъ, которые, заключая договоръ у Буши съ гетманомъ Жолкевскимъ, потребовали упраздненія пограничныхъ крѣпостей подъ предлогомъ, что онѣ служатъ притонами, изъ которыхъ козаки врываются въ Турцію [3]).—Поселеніе было вновь возстановлено около 1646 года; въ этомъ году Замойскій наградилъ своего слугу Юрія Тржцинскаго „за многолѣтнія его заботы въ осаживаніи Рашкова“ [4]) Въ это же время и возникла новая крѣпость у подножія горы, о которой Целлярiусъ упоминаетъ, какъ о „Сильной крѣпости на границѣ безлюдной степи“ [5]). Въ 1648 году Рашковъ вошелъ въ составъ Брацлавскаго козачьяго полка въ качествѣ сотеннаго города [6]). Послѣ гибели въ Сучавѣ Тимофея Хмельницкаго, Богданъ назначилъ Рашковъ на содержаніе его вдовѣ Розандѣ.

Съ 1662 года, во время „руины“ городъ подвергался, подобно всей правобережной Украинѣ, превратностямъ и разореніямъ; онъ поочередно признавалъ надъ собою власть соперничавшихъ гетмановъ: Дорошенка, Брюховецкаго, Ханенка, вслѣдствіе чего подвергался нападеніямъ и разореніямъ какъ

---

[1]) Маркевичъ.—Записки Одесскаго Общ. ист. и древн. т. XVII, ст. 19—20.

[2]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VI, т. I, стр. 26.

[3]) Pamiętniki do panowania Zygm. III. Wład. IV i Iana Kazim. т. I, 56. Piasecki. Kronika стр. 227.

[4]) Книга град. Винницкая № 4597, л. 222.

[5]) Cellarius. Regni Poloniae. D. d. novissima descriptio. Amsterdam 1659, стр. 368.

[6]) Акты Юж. и Зап. Рос. т. X, стр. 305.

этихъ гетмановъ, такъ и войскъ тѣхъ державъ, которыя имъ покровительствовали; въ теченіе 12 лѣтъ (1663—1675) Рашковъ переходилъ 11 разъ изъ рукъ въ руки и 3 раза взятъ былъ приступомъ и разоренъ. (1665—Дорошенкомъ, 1671—Собесскимъ, 1675—Ибрагимъ-пашею). Среди этой сумятицы погибла и владѣлица Рашкова Розанда Хмельницкая, ограбленная и замученная сторонникомъ Брюховецкаго, полковникомъ Дроздомъ [1]).—Вѣроятно, вслѣдствіе послѣдняго турецкаго разоренія городъ совершенно запустѣлъ, такъ какъ до конца столѣтія имя его уже не упоминается ни въ документахъ, ни въ козацкихъ лѣтописяхъ.

Между тѣмъ въ теченіе всего этого времени Замойскіе считали Рашковъ своею собственностію, если не de jure, то de facto. Въ 1664 году владѣльцемъ Рашкова числился Янъ Замойскій, воевода сендомірскій [2]), вскорѣ-же потомъ онъ передалъ права на всѣ свои украинныя имѣнія, въ томъ числѣ и на Рашковъ, въ качествѣ приданаго, дочери своей Іоаннѣ-Варварѣ, вступившей въ бракъ съ Александромъ Конецпольскимъ [3]). Фактически Конецпольскіе могли овладѣть Рашковымъ только послѣ прутскаго договора (1711) и владѣли имъ недолго. Въ 1719 году умеръ послѣдній представитель этого рода, и нѣсколько лѣтъ спустя наслѣдники его продали всѣ украинныя имѣнія Конецпольскихъ Любомирскимъ; послѣдніе владѣли Рашковымъ до исхода XVIII ст., когда онъ былъ проданъ за долги Александра Любомирскаго и пріобрѣтенъ въ казну по приказанію Екатерины II. Затѣмъ, Павелъ Первый подарилъ это имѣніе волынскому намѣстнику Тутолмину, но внукъ послѣдняго вновь обременилъ имѣніе неоплатными долгами, вслѣдствіе которыхъ Рашковъ путемъ публичной продажи перешелъ во владѣніе Барщевскаго, наслѣдникамъ котораго принадлежитъ понынѣ.

Другія имѣнія, пожалованныя Андрею Судимунту Витовтомъ: Кущинцы, Барсуковцы и Щуринцы (лежавшія въ нынѣш-

[1]) Тамъ же т. V, стр. 264.

[2]) Кн. град. Винницкая № 4602, л. 79.

[3]) Słownik geograficzny, т. IX, стр. 533.

немъ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губерніи) остались во владѣніи его потомковъ Судимунтовичей-Чечелей до исхода XVIII столѣтія. Щуринцы не сохранили своего прежняго названія или, можетъ быть, перестали существовать во время руины; имени этого села мы не встрѣчаемъ ни въ документахъ XVII и XVIII столѣтій, ни въ спискахъ населенныхъ мѣстъ нынѣшней подольской губерніи. Барсуковцы принадлежали Чечелямъ въ XVII столѣтіи; въ 1616 году Чечель велъ тяжбу съ Адамомъ Сенявскимъ за земли, захваченныя незаконно послѣднимъ, принадлежавшія селамъ Чечеля Барсуковцамъ и Кущинцамъ [1]). Въ описаніи Брацлавскаго замка 1545 года сказано, что „Кущинци держитъ Грицько Чечель“ [2]). Въ 1629 году Кущинци, „alias Чечелевка“, принадлежали Григорію Андреевичу Чечелю, который продолжалъ владѣть селомъ въ 1664 году; въ то время въ Кущинцахъ, „alias Чечелевкѣ“, считалось 34 дома и двѣ мельницы [3]). Наконецъ, послѣднее встрѣтившееся намъ извѣстіе объ этомъ селѣ относится къ 1754 году—тогда оно находилось во владѣніи Петра Яковлевича Судимунтовича-Чечеля [4]).

---

4. Микулинцы.

Въ нынѣшней подольской губерніи, въ долинѣ рѣки Згари, праваго притока Буга, на границѣ уѣздовъ Литинскаго и Винницкаго, расположена группа селъ, составлявшая уже въ началѣ XV столѣтія крупное помѣстіе мѣстнаго земянскаго рода Микулинскихъ, заимствовавшаго свою фамилію отъ названія главнаго поселенія своихъ имѣній, села Микулинецъ. Вотъ интересный по бытовымъ подробностямъ документъ, свидѣтельствующій о происхожденіи землевладѣнія Микулинскихъ.

„Жигимонтъ, Божею милостію король польскій, В. К. Литовскій, Русскій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ,

---

[1]) Zródła Dziejowe, т. XXI, стр. 582, 599.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. VI, т. стр. 26.

[3]) Кн. гродская Винницкая № 4602, л. 63 на об. и 75 на обор.

[4]) Кн. гродская Винницкая № 4638, Л. 354.

чинимы знаменито симъ нашимъ листомъ привилеемъ, хто на него посмотритъ, албо его услышитъ, нынешнимъ и потомъ будучимъ, кому того потреба вѣдати будетъ: біючи намъ чоломъ земянинъ нашъ повету Брацлавского Олехно Иванковичъ Микулинскій, покладалъ передъ нами привилей на имѣнія свое дидызные и отчизные; а то естъ перший привилей отъ продка нанашого Швидригайла, великого князя Литовского, у которому князь Швидригайло пишетъ, штожъ вел. кн. Витовтъ послалъ былъ Богдана Микулинского зъ войскомъ своимъ на татаре; которого за Браславомъ татарове убылы, и, уторгнувши въ повитъ Брацлавскій, шкоды немалые учнилы и, замокъ Винницкій добувши, спалыли и Ивана Богдановича сына его зъ жоною взялы, при которому вси привилея и твердости на имѣнія его отчизные: села—Микулинци, Борковъ Новоселицю, Рогъ и Почапинци, въ повити Брацлавскомъ лежачие, побрали. Ино В. К. Швидригайло того Ивана Богдановича Микулинского откупиты зъ орды повелилъ и тыи вси села его отчизные ему и потомкомъ его на вичность опять далъ и тымъ привилеемъ своимъ потвердилъ. Притомъ и другий привилей святои и хвалебнои памяти найяснѣйшого короля Е. М. Казимира, пана отца нашого покладалъ, где, зъ ласки своей господарской, король Е. М. Супрунови Ивановичови Микулинскому за вирные его послуги тотъ привилей В. К. Швидригайла, отцу его Ивану на тые села и имѣнія даный, тымъ привилеемъ своимъ потвердылъ вѣчностью, къ тому еще село Супруновъ и половыцю села Мызякова [1]) также ему и потомкамъ его на вѣчность далъ. И бйучи намъ чоломъ, просилъ насъ тотъ Олехно Микулинскій, шчо будучи многокротъ у потребахъ и колко разъ въ тяжкомъ вязеню татарскомъ. За чолобытіемъ и прозьбою его и за причиною пановъ родъ нашихъ, тые привилея, такъ Швидригайла В. К. Л. яко тежъ и тотъ привилей короля Е. М. Казимира, пана отца нашого, продкомъ його на тые имѣнія, села: Микулинци, Берковъ, Новоселыцю, Рогъ, Почапинци и половыцю

[1]) Села: Микулинцы, Початинцы, Новосельца и Борковъ лежатъ въ литинскомъ уѣздѣ, Супрунковъ и Мизяковъ въ Винницкомъ, Рогъ теперь не существуетъ; вѣроятно въ послѣдствіи имя этого поселенія было замѣнено.

Мизякова, даные, симъ привилеемъ нашимъ тое все потвержаемъ и также зъ ласки нашои королевскои даемъ; маетъ тотъ Олехно имѣній своихъ дидизныхъ и отчизныхъ самъ и по нимъ диты, потомки и щадки его вично и непорушно держаты и уживаты, а намъ, Господарю, зъ ныхъ имѣній своихъ службу земскую военную служыты маетъ такъ якъ и инные шляхта В. князства Литовского. А на твердость того и печать нашу казалы есьмо прывисити къ сему нашому листу. При томъ булы: панъ Миколай Выжыгайло, бискупъ Жомоитскій, а воевода Подляскій, маршалокъ нашъ, панъ Богданъ Ивановъ Сопига. Писанъ въ Неполомыцахъ, подъ літы Божого нароженя 1531, мисяца августа 5 день, индыктъ 4. Михайло писарь, намѣстникъ Медницкій. Sigismundus Rex. M. P.—Привѣшена печать великая коронная [1]).

Кромѣ приведеннаго текста, уцѣлѣлъ другой документъ, свидѣтельствующій о принадлежности Згарскихъ имѣній Микулинскимъ въ первой половинѣ XV вѣка: Иванъ Богдановичъ Микулинскій, кромѣ упомянутаго въ выше приведенномъ актѣ Супруна, имѣлъ еще другого сына Карпа, получившаго при раздѣлѣ имѣній съ братомъ село Почапинцы. Карпъ Ивановичъ Микулинскій билъ челомъ В. К. Свидригайлу, прося защиты отъ сосѣдей, захватившихъ принадлежавшія ему земли; вслѣдствіе этой просьбы Свидригайло назначилъ коммиссію межевую, состоявшую подъ предсѣдательствомъ державцы Брацлавскаго кн. Василія Сангушковича изъ брацлавскихъ земянъ: Тихона Слупицы, Василія Омельковича и Семена Юсыповича. Коммиссія эта объѣхала межи земель, принадлежащихъ къ Почапинцамъ, закрѣпила ихъ межевыми знаками: „на деревьяхъ грани вытесали, копцы усыпали есмы и въ рици Згару, въ озери Антоновы для вечистого знаку паль забити казали“. Затѣмъ коммиссары составили подробное описаніе границы, отдѣлившей земли Почапинскія отъ земель Хмѣльницкихъ бояръ: Васька, Кондрата и Евсея (изъ Багриновецъ), людей Солискихъ и земянъ: пана Максима Тимковича, п. Ярмолы изъ Пултовецъ, п. Евсея Якушинскаго (изъ Якушинецъ), пана Данила и п. Кмиты. До-

[1]) Книга гродская Винницкая № 4615, Л. 174 на об. 177. Кн. Летичевская № 5253 Л. 177 на об. Такъ же „Грамоты великихъ князей Литовскихъ стр. 76—78.

кументъ этотъ, составленный въ Новоселицѣ 17 декабря, индикта 7 (1444 г.), былъ утвержденъ В. К. Свидригайломъ 21 мая, индикта 9 (1446 г.) [1]).

Родъ Микулинскихъ продолжалъ владѣть пожалованными ему Витовтомъ и Свидригайломъ имѣніями до половины XVII столѣтія. По свидѣтельству граничнаго документа въ 1546 году Микулинцы принадлежали Яну и Петру Микулинскимъ, а Почапинцы пани Духнѣ Микулинской [2]). По словамъ описанія Брацлавскаго замка въ 1552 году Микулинцы принадлежали вмѣстѣ съ приселками: Новоселицею и Барковымъ тѣмъ-же Микулинскимъ; въ имѣніи этомъ была церковь и при ней приходской священникъ, въ селѣ находилось 130 крестьянскихъ дворовъ и 18 дворовъ вольныхъ людей; владѣльцы устроили прудъ на Згарѣ и построили мельницу. Почапинцами продолжала владѣть Духна Микулинская; въ селѣ существовала церковь, былъ приходской священникъ, 13 людей данныхъ, 4 вольныхъ, „два ставы и млынъ“ [3]). Въ 1570 году Почапинцы принадлежали Петру Микулинскому, а въ 1580 году онъ владѣлъ и Супруновымъ [4]). Въ концѣ XVI столѣтія родъ Микулинскихъ дѣлится на двѣ вѣтви: Микулинскую и Почапинскую; въ первой вѣтви представителемъ рода является Янъ Микулинскій, который стремится всякими правдами и неправдами объединить въ своемъ владѣніи большую половину Микулинской дѣдизны: въ 1596 году онъ владѣетъ Микулинцами; въ 1598 изгоняетъ путемъ заѣзда изъ Боркова вдову Гордія Микулинскаго—Раину Чечелевну; въ 1606 отнимаетъ посредствомъ заѣзда части Микулинецъ, Боркова и Новосельцы, купленныя у его-же родного брата его дядею Иваномъ Микулинскимъ; въ 1613 онъ покупаетъ у племянницы Маруши Коліевской (урожденной Микулинской) принадлежавшія ей части въ селахъ: Микулинцахъ, Рогѣ, Супруновѣ, Борковѣ, Новоселицѣ и Почапинцахъ и въ

---

[1]) Кн. гродская Винницкая № 4615, л. 174 на об. Кн. грод. Летичевской № [illegible] л. 177 на об. Также грамоты В. К. Литовскихъ стр. 6—9.

[2]) Dagiel. [illegible] Poloniae II, 196.

[3]) Арх. Ю.-З. Россіи ч. VII, т. I 609—610

[4]) [illegible] ч. VII, т. I, 228. Документъ собранія Ц. Неймана.

1618 изгоняетъ изъ этихъ селъ племянника Александра Микулинскаго, во владѣніи котораго оставляетъ только Новоселицу. Въ томъ-же 1618 году Янъ Микулинскій вѣроятно скончался, потому что пріобрѣтенными имъ имѣніями владѣетъ уже его жена Маріанна, урожденная Стрыжевская; въ 1629 году владѣльцами этихъ имѣній являются его дѣти: Романъ Микулинскій и Анна Рушковская, урожденная Микулинская [1]). Въ концѣ XVI и XVII столѣтія представителемъ другой линіи Микулинскихъ—Почапинской былъ Иванъ Микулинскій, писарь земскій Брацлавскій; въ 1602 году онъ владѣлъ Почапинцами и въ 1606 велъ съ своимъ родственникомъ, Яномъ, тяжбу за купленныя имъ земли у брата Яна въ Микулинцахъ и т. д. Около 1618 года имѣнія его: Почапинцы и Супрунковъ наслѣдовалъ сынъ его Александръ, у котораго они были отняты тѣмъ-же Яномъ Микулинскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ Александръ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, изъ котораго былъ выкупленъ въ 1621 г. за 4,000 злотыхъ, занятыхъ для этой цѣли княземъ Стефаномъ Четвертинскимъ. Мы встрѣчаемъ актовыя свидѣтельства, что съ 1629 по 1638 г. Александръ Микулинскій владѣлъ Почапинцами, гдѣ онъ построилъ замокъ; въ селѣ этомъ числилось тогда 128 крестьянскихъ дымовъ [2]). Документъ 1638 года есть послѣднее извѣстіе, сообщаемое архивными источниками о родѣ Микулинскихъ; очевидно, родъ этотъ исчезъ въ грозное для дворянскаго сословія время Хмельницкаго; мы не знаемъ, погибли-ли послѣдніе представители рода во время крестьянскаго возстанія, или бѣжали изъ Брацлавщины и, разорившись, уступили свои права на брацлавскія помѣстія другимъ лицамъ, но, во всякомъ случаѣ, имя ихъ болѣе не упоминается въ брацлавскихъ гродскихъ книгахъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія новые владѣльцы появляются въ згарскихъ помѣстіяхъ: въ 1664—1666 годахъ Микулинцы, Почапинцы, Борковъ и Новоселица (во всѣхъ этихъ селахъ считалось 56 дымовъ и двѣ мельницы) принадлежатъ

[1]) Zródła dziejowe т. XXI, стр. 398, 405, 522, 561, 562, 307, 312. Кн. городск. винницкая № 3602 л. 59 на об.

[2]) Zródła dziejowe, т. XXI стр. 72, 522, 307. Kwiaty i owoce (Kulikowski) стр. 296, книги гродскія Винницкія: № 4597, л. 25 и 4602, л. 65 на об.

Стефану Волинскому [1]). Но Волинскіе не долго удержали въ своихъ рукахъ бывшіе Микулинскія имѣнія; уже въ началѣ XVIII столѣтія имѣнія эти распадаются и переходятъ каждое порознь къ новымъ владѣльцамъ. Микулинцами владѣютъ въ XVIII столѣтіи Кордыши, Карчевскіе и др., Почапинцами—Зелинскіе, Супруновъ, основанный въ XV столѣтіи Супруномъ Ивановичемъ Микулинскимъ, раньше другихъ помѣстій былъ отчужденъ Микулинскими; еще до 1644 года село это пріобрѣлъ покупкою гетманъ Мартинъ Калиновскій, владѣвшій имъ до смерти; затѣмъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій Супруновъ принадлежалъ Солтыкамъ и, наконецъ, около 1740 пріобрѣтенъ Потоцкими [2]).

В. Антоновичъ.

---

[1]) Кн. град. Винницкаго № 4602, л. 71—72 и кн. град. летичевская № 5245, л. 59 и об. 60, 63 на об. и 72.

[2]) Кн. град. Винницкія: № 4597, л. 26 на об., № 4602, л. 74 и № 4603, л. 231, также арх. Стрыжовскій—замѣтки Ц. Неймана.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Три года тому назадъ археологическій съѣздъ и связанныя съ нимъ археологическія изслѣдованія обхватили территорію Литвы. Настоящій съѣздъ подвинулся на сѣверъ, въ сосѣднюю область балтійскаго поморья, и, такимъ образомъ, въ своемъ движеніи является вполнѣ послѣдовательнымъ. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ, кажется, впервые осуществился этотъ принципъ послѣдовательности, такъ какъ прежніе съѣзды обыкновенно дѣлали большіе скачки, перенося свою дѣятельность изъ одного угла нашего обширнаго отечества зачастую въ совершенно противоположный. Система эта имѣетъ много и за, и противъ. Именно благодаря обширности Россіи, съѣзды, перескакивая съ одного мѣста на другое, возбуждали энергію мѣстныхъ обществъ и дѣятелей, вносили жизненный элементъ, не будь скачковъ—многія окраины такъ бы и не получили всего этого, имъ долго пришлось бы ждать своей очереди, и это было бы тѣмъ болѣе печально, что археологическіе съѣзды, какъ прежде, такъ особенно въ послѣднее время, никогда не были чисто археологическими: подъ знаменемъ археологіи собирались представители различныхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся изслѣдованіемъ различныхъ сторонъ какъ прошлой, такъ отчасти и современной жизни; археологическіе съѣзды послѣдняго времени можно поэтому съ полной справедливостью назвать историческими съѣздами въ томъ обширномъ значеніи, какое придается теперь исторической наукѣ. Необходимость объединенія, живого обмѣна всегда чувствовалась и чувствуется; нужно было только явиться объединяющему началу, и работающія въ одинаковыхъ или близко соприкасающихся

областяхъ силы неминуемо должны были потянуться къ нему. Такъ и случилось; объединяющимъ началомъ сдѣлались археологическіе съѣзды. Но эти скачки, съ другой стороны, вредили систематичности, такъ необходимой во всякаго рода научной работѣ, не давали возможности выработать извѣстный общій планъ дѣйствій, результатомъ котораго могла быть цѣльность работы. Все это такъ, но въ данномъ случаѣ мы можемъ представить и серьезныя причины, оправдывающія такой образъ дѣйствій, прибавимъ—образъ дѣйствій, вытекающій вполнѣ естественно изъ общаго хода нашей жизни; причины эти общеизвѣстны: наука наша еще очень молода, у насъ мало научнаго багажа, сравнительно съ пространствомъ, мало работниковъ, громадныя области отстаются еще почти незатронутыми научными изслѣдованіями, поэтому, еслибы съѣзды и не выходили изъ роли иниціатора, только пока еще лишь возбуждающаго къ научной работѣ, вызывающаго къ жизни новыя силы, собирающаго научный матеріалъ, то этого было бы вполнѣ достаточно, и за съѣздами навсегда бы осталась громадная заслуга, оказанная ими наукѣ. Но обыкновенно наряду съ собираніемъ идетъ и обобщеніе, поднимаются общіе вопросы, а тамъ, гдѣ почва подготовлена, подводятся и итоги.

Характеристикой недавно закончившагося X-го археологическаго съѣзда является именно послѣднее обстоятельство. Не даромъ какъ въ рефератахъ, такъ и въ различныхъ рѣчахъ, произносившихся въ теченіе съѣзда, часто упоминалось слово „культура“, и дѣйствительно, благодаря этой „культурной насиженности“, роль съѣзда выразилась, главнымъ образомъ, въ подведеніи итоговъ тому, что сдѣлано было многими годами даже десятилѣтіями сознательной умственной работы на полѣ познанія прошлаго мѣстнаго края. Благодаря этому обстоятельству, была достигнута и другая цѣль, преслѣдуемая съѣздами,—научный обмѣнъ: многочисленные члены съѣзда, пріѣхавшіе съ разныхъ сторонъ, многіе изъ захолустныхъ угловъ, могли воочію убѣдиться, къ какимъ результатамъ приводитъ энергичный, упорный трудъ, могли видѣть, какъ слѣдуетъ работать, какъ слѣдуетъ относиться къ прошлому своей страны, къ тѣмъ памятникамъ, которые остались намъ отъ этого прошлаго. Резуль-

таты того впечатлѣнія, которое производило все видѣнное, отчасти уже отразились и на самой работѣ съѣзда: если не ошибаемся, еще ни на одномъ изъ нихъ не поднималось столько вопросовъ, не высказывалось столько пожеланій, касавшихся различныхъ сторонъ исторической науки, какъ именно здѣсь, на рижскомъ съѣздѣ; правда, въ данномъ случаѣ нужно считаться съ общимъ ходомъ научнаго движенія, но, съ другой стороны, можно думать, что однимъ изъ импульсовъ были представленные съѣзду результаты работъ мѣстныхъ ученыхъ. Чтобы дать понятіе объ этой работѣ, коснемся вкратцѣ того, что сдѣлано было *предварительными комитетами* по устройству съѣзда.

Кромѣ предварительнаго комитета въ Москвѣ, при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, имѣвшаго объединяющее значеніе, были образованы также два комитета на мѣстѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ: одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ, причемъ въ составъ рижскаго комитета вошли и представители недалеко лежащей Митавы. Разумѣется, на рижскій комитетъ легла главная масса работы; центромъ здѣсь было Общество Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній съ предсѣдателемъ бароном ъ Бруйнинкгом ъ во-главѣ; вокругъ этого общества группировались и раздѣляли съ нимъ общіе труды какъ отдѣльныя лица, такъ и другія общества, и таковыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ не мало; именно принимали непосредственное участіе: Общество Литературы и Исторіи въ Митавѣ, Ученое Эстляндское Литературное Общество въ Ревелѣ, Эстонское Ученое Общ. въ Юрьевѣ, Общество для изученія острова Эзеля, Литературное Общ. въ Феллинѣ, Ученое Латышское Общество въ Ригѣ. Уже этотъ одинъ перечень показываетъ, что недостатка въ мѣстныхъ рабочихъ силахъ не было; если мы еще замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ насчитываютъ не одинъ десятокъ лѣтъ существованія и дѣятельности, то станетъ яснымъ, почему почва оказалась такъ хорошо подготовленной. Предварительнымъ комитетомъ были произведены въ разныхъ мѣстахъ раскопки, разрабатывались различные вопросы, касающіеся мѣстныхъ древностей. Главнымъ результатомъ дѣятельности рижскаго предвар. комитета явилась превосходно составленная Археологическая

выставка; въ нее вошли предметы изъ музеевъ Риги, Митавы, Ревеля, Юрьева, Феллина, Аренсбурга, Вильны и нѣкоторые частные экспонаты; выставка состояла изъ пяти главныхъ отдѣловъ: 1) наиболѣе обширный—предметы собственно археологическіе, эпохъ первобытной и до-исторической, 2) матеріалы археографическіе, 3) печати, 4) монеты и медали, 5) золотыя и серебряныя издѣлія болѣе поздняго времени изъ различныхъ церквей, обществъ (напр. Черноголовыхъ Гильдій и др.). Всѣхъ предметовъ на выставкѣ около полторы тысячи; но что особенно цѣнно въ данномъ случаѣ—это научно составленный *каталогъ* выставки, составляющій томъ въ 255 страницъ, со вступительной статьей (въ 85 стр.) проф. Гаусмана, дающей прекрасный очеркъ прибалтійскихъ древностей, и съ 34 таблицами фототипій, изображающихъ наиболѣе типичные предметы; выставка дѣло переходящее, каталогъ-же навсегда закрѣпилъ ее.

Археологическая выставка дала понятіе о внѣшней сторонѣ прошлой жизни; устроенная же по случаю съѣзда *Латышская этнографическая выставка* представила яркую, наглядную картину быта современнаго населенія Прибалтійскаго края—Латышей и Эстонцевъ. Въ виду того, что выставка эта является *первой* областной этнографической выставкой въ Россіи, въ виду того, что задача эта, не смотря на новизну дѣла, выполнена блестяще, мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ передать исторію возникновенія выставки и указать на тѣ матеріалы, которые она заключаетъ. Дѣло это возникло по иниціативѣ и трудами Ученаго Латышскаго Общества въ Ригѣ. Еще раньше общество это задалось цѣлью устроить Латышскій этнографическій музей и уже начало собирать матеріалъ для него; снаряжены были даже съ этой цѣлью на частныя средства экспедиціи; но всего этого было недостаточно. Когда образовался предварительный комитетъ, и Общество приглашено къ участію въ немъ, дѣло было поставлено въ новыя условія и пошло успѣшно: въ теченіе 1894—5 г.г. мѣстности, населенныя Латышами и пограничныя, посѣтило *10 экспедицій*, членами ихъ были собраны богатыя коллекціи старинныхъ костюмовъ и другихъ этнографическихъ предметовъ, былъ возбужденъ интересъ среди деревенскаго населенія къ вы-

ставкѣ, такъ что и по возвращеніи экспедицій поступленія продолжались. Въ виду изобилія матеріала, рѣшено было устроить выставку на особой площади и размѣстить въ нарочно съ этой цѣлью построенныхъ зданіяхъ. Для устройства выставки былъ образованъ особый комитетъ съ Ф. П. Гросвальдомъ во главѣ; комитетъ этотъ отправилъ спеціалистовъ въ столицы и въ Прагу для ознакомленія съ существующимъ этнографическимъ матеріаломъ и технической стороной дѣла, имъ-же были разосланы циркуляры священникамъ, волостнымъ старшинамъ, народнымъ учителямъ и другимъ лицамъ по всей Курляндіи и Лифляндіи съ указаніемъ, какимъ путемъ любители этнографіи могутъ содѣйствовать комитету выставки. На этотъ призывъ отозвалось 60 лицъ, взявшихся собирать матеріалы; нѣкоторыя лица взялись самостоятельно устроить цѣлые отдѣлы на выставкѣ; благодаря отзывчивости общества, была улажена и матеріальная сторона дѣла, и этнографическая выставка, стоившая 20,000 рублей, была готова ко дню открытія съѣзда. Выставка расположена на красивой площади, среди разбитаго парка, тянущагося по берегу городского канала; большинство предметовъ распредѣлено въ главномъ зданіи, часть въ крытыхъ навѣсахъ, часть-же въ особыхъ зданіяхъ, представляющихъ изъ себя въ то-же время и экспонаты; ихъ нѣсколько: курляндская старинная изба, старинная лифляндская изба, жилой домъ новѣйшаго времени, баня. Выставка устроена по широкому плану, обнимаетъ всѣ стороны жизни латышскаго народа, какъ матеріальныя, такъ и духовныя; состоитъ она изъ 18-ти отдѣловъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) территорія, 2) исторія и право, 3) антропологія и статистика, 4) языкъ, 5) народная словесность, 6) литература, 7) школа, 8) общества (отдѣлъ характерный для Прибалтійскаго края: обществъ, преслѣдующихъ различныя цѣли, въ Лифляндіи—*372*, въ Курляндіи—201; цыфры говорятъ сами за себя), 9) музыка и пѣніе, 10) живопись, 11) театръ, 12) одежда, 13) строенія, 14) кустарная промышленность, 15) пчеловодство, 16) сельское хозяйство, 17) рыболовство, 18) мореходство. Выставка имѣетъ каталогъ (на русскомъ и латышскомъ языкахъ), въ которомъ, кромѣ объясненія предметовъ, каждому

изъ отдѣловъ предпосланы небольшіе очерки, гдѣ помѣщены также и указанія на литературу по каждому вопросу. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли соединить съ археологическимъ съѣздомъ этнографическую выставку; наше настоящее такъ тѣсно связано съ прошлымъ, что такія выставки являются необходимымъ дополненіемъ, не говоря уже о томъ самостоятельномъ интересѣ, какой онѣ представляютъ въ различныхъ отношеніяхъ научно-общественнаго характера. Примѣръ такого сравнительно небольшого народа, какъ народъ латышскій, наглядно показалъ, что можно сдѣлать, если отнестись сознательно къ дѣлу, если внести въ него ту любовь, безъ которой все будетъ носить мертвый отпечатокъ. Кромѣ этихъ двухъ выставокъ, во время съѣзда была открыта еще третья,—*Цеховая*, гдѣ были выставлены предметы, принадлежащіе мѣстнымъ цехамъ, пользующимся въ Ригѣ большимъ значеніемъ и имѣющимъ особую организацію.

Укажемъ въ заключеніе на тѣ работы, которыя были исполнены къ съѣзду отдѣльными лицами: А. Бухгольцъ составилъ библіографическій указатель сочиненій по археологіи Прибалтійскаго края, І. Зицка (I. Sitzka)—археологическія карты того-же края, Лебисъ-офъ-Менаръ вмѣстѣ съ маститымъ ученымъ пасторомъ Биленштейномъ—карту лифляндскихъ городищъ, тотъ-же Лебисъ-офъ-Менаръ—карту Лифляндіи времени Ливонскаго ордена.

Перейдемъ къ самому съѣзду.

Нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ его. Благодаря энергіи и предупредительности *Распорядительнаго комитета съѣзда*, она была обставлена какъ нельзя лучше: купеческими обществами (т. н. большая и малая гильдіи) съѣзду были предоставлены двѣ роскошныя залы—одна для археологической выставки, другая для засѣданій съѣзда, депутатамъ отведены помѣщенія, организованы обѣды и т. д. Кромѣ того, городомъ, дворянствомъ и мѣстнымъ губернаторомъ были устроены пріемы членовъ съѣзда, отличавшіеся радушіемъ и гостепріимствомъ.

Рижскій съѣздъ былъ однимъ изъ наиболѣе многолюдныхъ и оживленныхъ; всѣхъ записавшихся членовъ было 627, изъ

нихъ 185 пріѣхало изъ внутреннихъ губерній, было также довольно много и заграничныхъ ученыхъ, главнымъ образомъ германскихъ—въ ихъ числѣ и Рудольфъ Вирховъ.

Засѣданія съѣзда, по принятому обыкновенію, раздѣлились на секціи по характеру трактуемыхъ предметовъ, причемъ однако была образована особая секція „Древностей Прибалтійскихъ", куда вошли рефераты разнороднаго характера (всѣ на нѣмецкомъ языкѣ). Всѣхъ засѣданій состоялось 33, на нихъ было доложено 98 рефератовъ; въ свободное время члены съѣзда осматривали Ригу и ея достопримѣчательности, кромѣ того, были совершены и загородныя поѣздки—въ Митаву [1]) и въ Трейденъ, лежащій въ чудномъ уголкѣ, т. н. Ливонской Швейцаріи; здѣсь были произведены раскопки кургановъ, наглядно познакомившія членовъ съѣзда какъ съ погребальными типами, такъ и съ характеромъ находимыхъ въ могильникахъ предметовъ; болѣе отдаленныя поѣздки были предприняты нѣсколькими членами съѣзда, уже послѣ его закрытія,—въ Кенигсберегъ, а также въ Маріенбургъ и Данцигъ, гдѣ были осмотрѣны мѣстные музеи.

Цѣль нашей замѣтки—передать вкратцѣ содержаніе рефератовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Южной Россіи, поэтому на остальныхъ мы останавливаться не будемъ, упомянемъ лишь о тѣхъ, которые представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ. Но, прежде, чѣмъ перейти къ этому, и чтобы покончить съ прибалтійской стариной, приведемъ названія нѣкоторыхъ рефератовъ изъ этой группы; сдѣлаемъ это съ цѣлью указать тѣ *темы*, которыя были взяты для рефератовъ. Вотъ эти рефераты: проф. Гаусманъ—*Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣд-*

[1]) Въ Митавскомъ музеѣ хранится, между прочимъ, надгробная бляха, украшенная гербомъ и арматурой, съ нѣмецкой надписью (въ стихахъ) приблизительно слѣдующаго содержанія: „Когда Янъ Казиміръ, Полякъ, былъ избранъ королемъ и когда татары и козаки поднялись противъ него, я, Германъ Майдель, былъ военнымъ сотоварищемъ, я былъ молодъ, трудолюбивъ, самоотверженъ, работалъ на пользу отечества, внушавъ страхъ рабочимъ, во многихъ смѣлыхъ битвахъ побѣждалъ врага, и моей наградой было то, что я былъ убитъ, моя слава въ томъ, о король, что я умеръ на твоей службѣ; род. 1625, умеръ 1651.

нія 50 лѣтъ"; баронъ Бруйнингкъ—„*Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ*"; проф. Гаусманъ—„*О разныхъ типахъ ливонскихъ могильниковъ*"; К. Бой—„*О курляндскихъ могильникахъ*"; пасторъ Биленштейнъ—„*О древне-латышскихъ городищахъ*"; проф. Р. Вирховъ—„*О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи*", пасторъ Гуртъ—о собранной имъ коллекціи эстонскихъ народныхъ преданій (собраніе состоитъ изъ 136-ти томовъ, сюда вошло: около 40500 древнихъ народныхъ преданій, около 8500 сказокъ, около 45000 пословицъ, около 37000 народныхъ загадокъ, около 52000 записей народныхъ суевѣрій и т. п.). А. Бертинъ—„*Собираніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ*"; И. Крюгеръ—„*О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка*". Къ этому перечню нужно прибавить еще одинъ рефератъ на русскомъ языкѣ такого же обобщающаго характера—А. А. Спицына—„*Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскихъ губерній*".

Рефератовъ, посвященныхъ Южной Россіи, было въ общемъ немного; но и они въ достаточной мѣрѣ показываютъ, что изслѣдованіе древностей юга идетъ непрерывно, что интересъ къ нимъ не прекращается и что, съ другой стороны, почва юга не перестаетъ быть неизсякаемымъ источникомъ находокъ разнаго рода предметовъ, такъ что недостатокъ чувствуется лишь въ рабочихъ силахъ.

Остановимся прежде всего на двухъ рефератахъ проф. В. Б. Антоновича. Первый изъ нихъ озаглавленъ—„*Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ*". Матеріаломъ для этого сообщенія послужили находки и изслѣдованія, сосредоточенныя въ нѣсколькихъ усадьбахъ, лежащихъ на гористой сторонѣ Кирилловской улицы. Въ 1893 году, при срѣзываніи подножія горы, были обнаружены кости мамонта. На эту находку обратилъ вниманіе мѣстный любитель и собиратель древностей г. Хвойка, который сообщилъ о ней референту, и послѣдній обслѣдовалъ ее съ археологической стороны, проф. же Армашевскій—съ геологической.

Кромѣ костей мамонта, которыя принадлежали нѣсколькимъ особямъ, было найдено 15 бивней, тутъ-же найдены и кремневыя отбивныя орудія, такъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ т. н. стоянкой палеолитическаго періода каменнаго вѣка, т. е. съ самой древнѣйшей эпохой человѣчества, какую мы знаемъ. Въ Россіи подобнаго рода находокъ было сдѣлано уже нѣсколько (7), но особенность кіевской стоянки состоитъ въ томъ, что кости и орудія найдены на значительной глубинѣ отъ поверхности, и не въ слоѣ лёсса, какъ всѣ другія находки, а на границѣ съ пластами третичной эпохи, который составляла синяя глина, такъ что стоянку эту нужно признать древнѣйшей изъ доселѣ обнаруженныхъ въ Россіи.

Въ этомъ же самомъ мѣстѣ, но только въ верхнемъ слоѣ холма оказались слѣды другого поселенія, относящагося уже къ болѣе позднему періоду каменнаго вѣка—неолитическому. Стоянка расположена на большомъ пространствѣ; разнаго рода остатки встрѣчались въ культурномъ слоѣ, толщиной $^1/_2$—2 арш.; найдены здѣсь очаги съ углемъ и золой, рядомъ съ ними встрѣчались пищевые остатки—раковины двухъ видовъ, орудія изъ кремня и кости, черепки отъ сосудовъ; присутствія металла не обнаружено.

Преобладающими орудіями являются изготовленныя изъ роговъ или костей животныхъ, начиная отъ лося, кончая козулей; это разнаго рода острія, наконечники стрѣлъ и копій, топоры; нѣкоторыя изъ орудій орнаментированы. Гораздо меньше кремневыхъ орудій—полированные топоры, ножи, скребки и т. п. Большое разнообразіе представляютъ предметы гончарства; здѣсь встрѣтилось даже нѣчто въ родѣ гончарныхъ печей; однѣ изъ нихъ имѣютъ видъ нишей, другія—цилиндрическихъ углубленій, стѣнки и своды ихъ обмазаны толстымъ слоемъ глины, которая укрѣплялась расщепленными кольями; ниши наполнены сосудами, иногда въ нѣсколько рядовъ, въ одномъ случаѣ встрѣтилась печь съ уцѣлѣвшими сосудами. Гончарство не отличается совершенствомъ: сосуды приготовлены безъ помощи гончарнаго круга, глина не чистая, иногда съ примѣсью кусочковъ раковинъ. Что касается формы сосудовъ, то можно отмѣтить 3—4

вида: довольно большіе широкогорлые горшки, нѣчто въ родѣ кувшиновъ съ узкими горлышками, небольшія мисочки, чарки; орнаментъ очень разнообразенъ, состоитъ изъ разныхъ наколовъ, нарѣзовъ, оттисковъ и т. п. На этомъ же мѣстѣ открыты и 3 погребенія; въ двухъ случаяхъ скелеты лежали въ согнутомъ положеніи, въ третьемъ—въ полусидячемъ; при одномъ изъ скелетовъ найденъ топоръ изъ рога, круглый камень-отбойникъ, служившій для приготовленія кремневыхъ орудій, глиняная пряслица и черепки отъ сосуда,—всѣ эти предметы совершенно аналогичны другимъ предметамъ, найденнымъ на стоянкѣ. Мѣстность, гдѣ находится стоянка, лежитъ рядомъ съ оврагомъ, въ которомъ гораздо раньше были обнаружены пещеры, относящіяся къ той же эпохѣ, и по этому поводу референтъ высказалъ предположеніе, что пещеры могли служить для первобытныхъ жителей этой мѣстности зимними помѣщеніями, стоянки же—лѣтними. Раскопки, продолжавшіяся здѣсь 2 года, заинтересовали и другихъ мѣстныхъ жителей, и въ одной изъ сосѣднихъ усадьбъ—художника Святославскаго—открыта такая же стоянка, отличающаяся, однако, отъ предыдущей нѣкоторыми особенностями. Среди пищевыхъ остатковъ здѣсь преобладали кости рыбъ, раковинъ найдено меньше, меньше было и костяныхъ и роговыхъ издѣлій, кремневыхъ же—больше; среди глиняныхъ предметовъ встрѣтился новый для данной мѣстности видъ—черепки, покрытые орнаментомъ путемъ раскраски; б. м. въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ иноземной культуры; дѣйствительно, есть мѣстность, гдѣ такіе раскрашенные сосуды встрѣчаются очень часто,—это Поднѣстровье; среди глиняныхъ издѣлій обращаютъ на себя вниманіе антропоморфическія—грубыя изображенія людей—мужчинъ и женщинъ; на этой же стоянкѣ встрѣчались еще какіе-то загадочные камни, состоящіе изъ костей мелкихъ животныхъ, рыбъ и остатковъ органическихъ веществъ; не есть ли это консервы, аналогію которымъ можно найти въ пищевыхъ остаткахъ свайныхъ построекъ? Что запасы существовали и на этой стоянкѣ, на это указываетъ одинъ изъ найденныхъ сосудовъ—онъ былъ наполненъ раковинами, еще не

раскрытыми и, слѣдовательно, приготовленными лишь къ употребленію.

Третья группа памятниковъ, открытыхъ все въ той-же мѣстности, относится уже къ гораздо болѣе позднему времени. У подошвы горы, составляющей одну сторону Кирилловской улицы, на пространствѣ полуверсты, обнаружено старо-славянское языческое кладбище; скелеты лежатъ головами къ востоку, при нихъ находятся желѣзныя вещи и украшенія; послѣднія не богаты—кольца и серьги изъ низкопробнаго серебра, бусы; всего здѣсь найдено 80 гробницъ. Одна изъ могилъ представляетъ нѣкоторыя особенности, выдѣляющія ее изъ остальныхъ: скелетъ лежалъ головой на сѣверо-востокъ, у головы находился отдѣланный клыкъ кабана, возлѣ рукъ какое-то костяное орудіе, сколоченное желѣзными гвоздями, тутъ-же найдены кремни и раковины; б. м. это могила переходнаго періода—отъ каменнаго къ желѣзному. Въ заключеніе референтъ остановился еще на одной могилѣ той-же мѣстности, могилѣ, еще болѣе близкой къ намъ по времени, чѣмъ вышеописанное старо-славянское кладбище; здѣсь найдены бусы изъ сердолика, 2 серебряныя серьги, серебряныя же большія бусы и на шеѣ—арабская монета.

По поводу первой части реферата, гдѣ описаны находки палеолитической стоянки, В. Д. Соколовъ высказалъ предположеніе, что большую глубину залеганія костей и орудій можно объяснить оползнемъ горы, и, если это такъ, то и глубокая древность этой стоянки подлежитъ сомнѣнію. На это проф. Антоновичъ отвѣтилъ, что сомнѣнія, конечно, возможны, но въ данномъ случаѣ онъ высказываетъ лишь мнѣнія геологовъ—проф. Армашевскаго и проф. Феофилактова, производившихъ геологическое изслѣдованіе мѣста находки. Въ дополненіе къ этому А. М. Покровскій замѣтилъ, что неправильности въ залеганіи пластовъ нѣтъ, нѣтъ также и оползней, и что поэтому пластъ, въ которомъ обнаружены находки, дѣйствительно нужно признать переходнымъ между третичнымъ и слѣдующимъ за нимъ болѣе новымъ.

Упомянемъ за одно о новѣйшей находкѣ остатковъ мамонта вмѣстѣ съ крестьянскими орудіями. Обнаружена она возлѣ го-

рода Томска на берегу рѣки Томи. Ее обслѣдовалъ проф. Н. Ѳ. Кащенко и результаты изложилъ въ рефератѣ: „*Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта*". Особенность этой находки заключается въ томъ, что здѣсь кости скелета принадлежали одному мамонту; скелетъ почти полный, не хватаетъ только нѣсколькихъ незначительныхъ костей.

Другой рефератъ проф. Антоновича носитъ иной характеръ; онъ тѣсно примыкаетъ къ другимъ работамъ того-же автора, въ которыхъ дѣлается систематическое распредѣленіе памятниковъ старины юга Россіи на типы; онъ озаглавленъ: „*Попытки группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра*". Сравнительно съ другими видами древностей городища до сихъ поръ пользовались небольшимъ вниманіемъ археологовъ; между тѣмъ городища представляютъ особенный интересъ.

Указавъ на то, что нужно разумѣть подъ словомъ городище—оставленное укрѣпленное мѣсто поселенія,—референтъ перешелъ къ вопросу о распредѣленіи городищъ по типамъ. Сортировка городищъ по предметамъ, найденнымъ случайно или добытымъ путемъ раскопокъ, не даетъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ находки на городищахъ обыкновенно очень рѣдки (бываютъ, конечно, и исключенія), а раскопки сопряжены съ разнаго рода неудобствами: городища зачастую занимаютъ большую площадь, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ собственно нужно производить раскопки, раскапывать же всю площадь нѣтъ смысла, какъ въ виду большихъ матеріальныхъ затратъ, такъ и въ виду указанной выше рѣдкости находимыхъ предметовъ. Референтъ предлагаетъ свой методъ, состоящій въ наблюденіи подъ контурами, въ сличеніи содержимаго городищъ, если таковое имѣется, съ содержаніемъ расположенныхъ по близости кургановъ и, наконецъ,—въ сопоставленіи съ лѣтописями и извѣстіями. При помощи этого метода городища бассейна средняго теченія Днѣпра распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Древнѣйшимъ типомъ можно считать *городища-майданы*; майданы, по народной терминологіи—раскопанныя могилы, представляютъ до сихъ поръ научную загадку; ихъ существуетъ нѣсколько видовъ (3), обычную существенную часть ихъ состав-

ляетъ кольцеобразное возвышеніе съ выходомъ съ одной стороны; это центральное возвышеніе снабжено бываетъ побочными, т. н. крыльями, которыя располагаются иногда въ нѣсколько рядовъ; различныя предположенія о назначеніи и времени этихъ городищъ-майдановъ не были основаны на чемъ-ниб. положительномъ, такъ какъ и раскопки майдановъ не давали почти никакихъ результатовъ; вопросъ этотъ остается открытымъ. Только пока въ одномъ случаѣ можно сказать кое-что, болѣе или менѣе опредѣленное о майданахъ: въ бассейнѣ южнаго Буга, возлѣ Кальныка, на длинномъ узкомъ мысѣ, отрѣзанномъ рвомъ и валомъ, стоятъ два громадныхъ городища-майдана и возлѣ нихъ т. н. скифскіе курганы,—эти послѣдніе даютъ указаніе и на время возникновенія майдановъ; но это только единичный случай.

Слѣдующій типъ—*циркулярныя городища*; по формѣ они представляютъ кругъ или овалъ, образованный невысокимъ валомъ—въ 2—$2^1/_2$ арш. высоты, иногда и рвомъ; площадь ихъ въ разрѣзѣ даетъ обыкновенно выпуклую по срединѣ линію. Что касается времени ихъ, то въ данномъ случаѣ можно пользоваться двумя указаніями: прежде всего, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній на мѣстности, гдѣ расположены городища; затѣмъ, городища эти непосредственно находятся въ связи съ древне-славянскими курганами; на основаніи всего этого ихъ можно считать первоначальными славянскими городищами.

Еще ближе къ намъ по времени *городища княжескія*; въ эту группу включены городища только до половины XIII вѣка. Расположены они на возвышенности, обыкновенно надъ рѣкой; мѣсто выбиралось такъ, чтобы возвышенность была соединена съ материкомъ возможно узкимъ перешейкомъ, который перекапывался рвомъ и укрѣплялся валомъ. Контуры городищъ имѣютъ неправильную форму: валомъ, идущимъ по внѣшнему краю, старались охватить всю поверхность городища; послѣдняя бываетъ выпуклой и вогнутой; не довольствуясь однимъ валомъ, ихъ насыпали параллельно нѣсколько, и городище является окруженнымъ рядомъ концентрическихъ валовъ, и это служитъ однимъ изъ отличительныхъ признаковъ этого рода городищъ; такихъ, расположенныхъ концентрически, валовъ бываетъ нѣ-

сколько—2, 3, 5, и на городищѣ Вышгорода—даже 8; валы въ общемъ довольно высоки. Названіе *княжескихъ* придано имъ на томъ основаніи, что по справкамъ съ лѣтописью, на всѣхъ этихъ мѣстахъ въ великокняжескую эпоху существовали города. Для примѣра можно указать на территорію Черныхъ Клобуковъ; въ лѣтописи мы находимъ упоминаніе о семи городахъ, принадлежащихъ Берендичамъ, два изъ нихъ названы—это Ставецъ и Неятынъ. Семь древнихъ городищъ и обнаружены на р. Раставицѣ; изъ нихъ городище у м. Бѣлиловки было древнимъ Раставцемъ, такъ какъ въ одномъ документѣ XVII в. м. Бѣлиловка названа Раставцемъ, городъ же Неятынъ—городище у с. Ягнятина; 5 другихъ городищъ находятся у Ружина (древн. Щербовъ), Буки (Бакожинъ), Коропчіева, Таборова и Шендеривки; время всѣхъ этихъ городищъ—XII вѣкъ. Но, конечно, не всѣ мѣстоположенія древнихъ лѣтописныхъ городовъ установлены точно, напр.—г. Юрьевъ, жители котораго въ виду набѣговъ Половцевъ были переселены Святополкомъ въ г. Святополчь (теперешнее село Витачово); онъ находился на среднемъ теченіи Роси, и можно высказать догадку, что въ настоящее время это городище не далеко отъ м. Бѣлой Церкви; на немъ, между прочимъ, въ 1877 году была найдена позолоченная панагія съ надписью Георгій. Другимъ такимъ же неопредѣленнымъ по мѣстоположенію лѣтописнымъ городомъ является Пересѣченъ, лежащій недалеко отъ Кіева, по направленію къ Переяславу; по мнѣнію Максимовича, Пересѣченъ могъ находиться въ мѣстности, носящей теперь названіе Китаевской Пустыни или Китаева; здѣсь, дѣйствительно, расположено городище этого типа. Всѣ такія городища относятся къ концу XI, XII и къ половинѣ XIII ст.

Городища литовскаго времени составляютъ слѣдующій типъ: по времени они относятся къ XV—XVI в.в.; вслѣдствіе того, что въ эту эпоху вводится въ употребленіе огнестрѣльное оружіе, городища измѣняютъ свою форму: стороны ихъ выравниваются, по угламъ дѣлаются круглые выступы—„рондели“.

Какъ на образецъ городищъ этого типа, референтъ указалъ на городъ Караулъ, основанный Витовтомъ, построившимъ

много укрѣпленій по нижнему Днѣстру, Поморью и Днѣпру; до послѣдняго времени мѣсто этого города не было точно опредѣлено; въ настоящее время это можно сдѣлать: въ одномъ изъ документовъ XV в. упоминается г. Караулъ съ приселкомъ Рашковымъ; Рашковъ существуетъ въ настоящее время; по справкѣ на мѣстѣ возлѣ Рашкова оказалось городище и лѣсокъ, носящій названіе Караула; въ документахъ находятся также извѣстія, что городище это было заброшено и, слѣдовательно, сохранилось оно до настоящаго времени въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Съ конца XVI, въ XVII и XVIII в.в. укрѣпленія получаютъ новыя характерныя особенности—они прямолинейны, снабжены бастіонаяи. Такихъ, оставленныхъ уже, крѣпостей, много; для примѣра можно указать на м. Бѣлую Церковь или на Кодакъ; въ послѣднемъ укрѣпленія были построены Боплановъ въ 1635 г.

Отмѣтимъ замѣчаніе В. Д. Сизова, высказанное по поводу реферата. В. Д. Сизовъ выступилъ въ защиту раскопокъ городищъ, такъ такъ раскопки, хотя бы въ видѣ пробныхъ траншей, могутъ дать кое-какіе предметы, а эти послѣдніе могутъ служить нѣкоторымъ основаніемъ при опредѣленіи времени городищъ.

Въ общемъ система проф. Антоновича по своей ясности и обоснованности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Если при группировкѣ и были опущены нѣкоторые типы городищъ, встрѣчающіеся въ данной мѣстности, о чемъ заявилъ и самъ референтъ, то это сдѣлано или въ виду рѣдкости ихъ, или малоизвѣстности.

Въ началѣ своего сообщенія референтъ заявилъ о малой обслѣдованности городищъ, пожелаемъ же, чтобы и въ этомъ направленіи шло такое-же движеніе впередъ, какое идетъ въ другихъ областяхъ археологіи, напримѣръ, въ изслѣдованіи кургановъ.

Выскажемъ кстати нѣсколько пожеланій болѣе общаго характера. Въ каждомъ дѣлѣ, въ каждой работѣ удовлетворительное исполненіе находится въ зависимости отъ полноты находя-

щагося въ распоряженіи матеріала. Эта же самая азбучная истина имѣетъ мѣсто и при археологическихъ работахъ, и именно здѣсь мы зачастую натыкаемся на недостаточность или—правильнѣе—малоизнѣстность нужнаго матеріала. Дѣйствительно, свѣдѣнія о нашихъ памятникахъ старины по большей части носятъ случайный характеръ, они разбросаны по разнымъ источникамъ, и только въ рѣдкихъ случахъ можно встрѣтиться съ систематическимъ собираніемъ (какъ напримѣръ, собираніе такого рода свѣдѣній черезъ волости, предпринятое въ началѣ семидесятыхъ годовъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ). Въ послѣднее время въ нашей наукѣ замѣчается стремленіе къ обобщенію такихъ данныхъ въ формѣ составленія археологическихъ картъ. Кто хотя немного знакомъ съ процедурой этого рода работъ, тотъ знаетъ, какая масса трудностей встрѣчается на пути, сколько ненужнаго хлама приходится перебрать, сколько потратить безплодныхъ усилій! И часто въ концѣ концовъ нужно бываетъ отказываться отъ работы изъ-за отсутствія матеріала. Вотъ почему намъ кажется, что вопросъ о приведеніи въ извѣстность существующихъ у насъ памятниковъ старины (мы имѣемъ въ виду болѣе крупные виды: городища, курганы, валы, стоянки и др.) долженъ быть поставленъ на первую очередь,—необходимъ *инвентарь* нашей старины, тогда только и можно будетъ намѣтить общій планъ изслѣдованій, приступить къ систематизаціи. Но вопросъ, конечно, въ осуществленіи. Есть два способа: первый, практиковавшійся уже и практикующійся отчасти и въ настоящее время—собираніе свѣдѣній отъ мѣстныхъ жителей; такимъ путемъ добыто уже много данныхъ, но здѣсь неудобнымъ представляется то обстоятельство, что эти свѣдѣнія поступаютъ отъ разныхъ лицъ, различно понимающихъ предложенные имъ вопросы, вслѣдствіе чего имѣютъ мѣсто иногда и недоразумѣнія; второй состоитъ въ осмотрѣ и зарегистрированіи памятниковъ старины *на мѣстѣ* лицами, знакомыми хотя бы и въ общихъ чертахъ съ задачами и пріемами науки о древностяхъ. Если бы были организованы съ этой цѣлью экспедиціи, или, выражаясь скромнѣе экскурсіи, состоящія изъ нѣсколькихъ лицъ или порученныя одному, то, ведя дѣло постепенно, не го-

нясь за быстротой и соединивши затѣмъ свѣдѣнія, собранныя первымъ способомъ и взятыя изъ другихъ источниковъ, можно было бы, дѣйствительно, получить въ концѣ концовъ сравнительно полный инвентарь памятниковъ старины какой-нибудь извѣстной области.

Послѣ этого небольшого отступленія обратимся снова къ съѣзду и къ сообщеннымъ на немъ рефератамъ.

Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ рефератъ Н. Е. Брандербурга—„*Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?*“ Могилы эти, типъ которыхъ довольно извѣстенъ и раскопкой которыхъ спеціально занимался референтъ, кромѣ костяковъ, съ постоянно сопутствующими имъ костями лошадей, даже тамъ, гдѣ погребены женщины и дѣти, заключаютъ разнообразные предметы: шлемы, сабли, золотыя и серебряныя украшенія; однѣ изъ нихъ схожи съ скиѳскими, другія напоминаютъ кіевскія (серьги), третьи же указываютъ на связь съ Византіей; черепа въ могилахъ всѣ короткоголовые. По времени могилы могутъ граничить съ XI вѣкомъ. Основываясь на находкахъ въ могилахъ и сопоставляя византійскія извѣстія, референтъ приходитъ къ заключенію, что племя, оставившее могилы, было кочевое, воинственное и находилось въ связяхъ съ тогдашними культурными центрами, каковыми, съ одной стороны, была Византія, съ другой—Кіевъ. Племя это—Печенѣги (Пацинаки византійскихъ извѣстій).

Послѣ прочтенія реферата, отличавшагося полнотой и обстоятельностью, первымъ сдѣлалъ замѣчаніе академикъ Анучинъ. Замѣтивъ, что *при раскопкахъ не слѣдуетъ пренебрегать не только костями человѣка, но также и животныхъ*, акад. Анучинъ остановился на скелетахъ двухъ лошадей изъ этихъ раскопокъ, которые ему пришлось видѣть въ артиллерійскомъ музеѣ. Для Европы существуютъ два типа лошадей: западный, европейскій, и восточный, азіатскій; найденные въ курганахъ кіевской губ. скелеты относятся къ первому типу, и обстоятельство это нѣсколько усложняетъ вопросъ о принадлежности могилъ восточнымъ кочевникамъ.

Проф. Антоновичъ, остановившись на двухъ основныхъ положеніяхъ референта—на воинственности и кочевомъ бытѣ племени, оставившаго эти могилы,—замѣтилъ, что нахожденіе остововъ лошадей еще не говоритъ за кочевой бытъ, а указываетъ лишь на то, что народъ этотъ былъ конный; что-же касается воинственности, то нужно принять въ соображеніе эпоху, къ которой могутъ быть отнесены могилы: это—эпоха князей завоевателей; сдѣлавъ затѣмъ характеристику предметовъ, оппонентъ считаетъ нѣкоторые изъ нихъ скорѣе славянскими, чѣмъ восточными; наконецъ территорія: это территорія Полянъ, никогда не бывшая вся цѣликомъ во владѣніи кочевниковъ. Такимъ образомъ, могилы эти могутъ принадлежать славянскому племени и, прежде всего, Полянамъ.

А. А. Спицынъ выразилъ мнѣніе, что курганы, раскопанные Н. Е. Бранденбургомъ, принадлежатъ Половцамъ. Вещи изъ этихъ кургановъ, особенно серьги характернаго типа, зеркала, золотая ткань и кораллы, могутъ быть относимы приблизительно лишь къ XIII в.; совершенно такія-же серьги и подобныя зеркала найдены были въ курганахъ Донской области и ставропольской губ., которые естественнѣе всего приписывать Половцамъ, такъ какъ на это указываютъ и мѣсто, и время погребеній, и неизмѣнность погребенія съ конемъ, свидѣтельствующая о степномъ образѣ жизни народа, оставившаго курганы.

Послѣ замѣчанія Н. Е. Бранденбурга, что онъ не ограничиваетъ территорію предѣлами кіевской губ., въ преніяхъ приняли участіе проф. А. И. Соболевскій, проф. Ю. А. Кулаковскій и С. С. Слуцкій, послѣдній по поводу мнѣнія, высказаннаго А. А. Спицынымъ. Проф. Соболевскій замѣтилъ, что подходящимъ народомъ въ мѣстахъ, указанныхъ А. А. Спицынымъ, могутъ быть Ясы, находившіеся въ сношеніяхъ съ Косогами и носящіе въ XV в. названіе Черкасъ. Названіе это появляется затѣмъ на западѣ Россіи, по отношенію къ жителямъ степной области; по имени этого народа и названъ г. Черкассы. Ясы появляются далѣе въ Бессарабіи и Трансильваніи, и о нихъ, какъ объ особой народности, сообщаютъ писатели XVI в.; и они оставляютъ слѣдъ въ названіи города Яссы

Проф. Ю. А. Кулаковскій, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Ясахъ, которыхъ онъ отождествляетъ съ Аланами, привелъ извѣстія о пребываніи этого народа въ Крыму и въ южно-русскихъ степяхъ въ XIII и началѣ XIV вв., а именно: указалъ на данныя, заключающіяся въ посланіи еписк. Ѳеодора отъ 1240 г., а также на сообщенія объ участіи Аланъ въ походахъ Ногая и др. Обращаясь затѣмъ къ „національности" погребенія съ конемъ, проф. Кулаковскій не высказывался за опредѣленное племя, но настаивалъ на принадлежности этого типа погребенія „народу-коннику", какимъ не могли быть Поляне.

С. С. Слуцкій высказался противъ пріурочиванія могилъ съ конемъ Половцамъ, т. к. типъ могилъ, принадлежащихъ Половцамъ—курганы съ каменными бабами.

На что А. А. Спицынъ возразилъ, что раскопки кургановъ съ каменными бабами показали, что насыпи эти заключаютъ необыкновенное разнообразіе въ погребеніяхъ, начиная отъ скиѳской эпохи, и что вопросъ, какому времени и народу принадлежатъ каменныя бабы, остается все еще нерѣшеннымъ.

Д. И. Иловайскій внесъ въ вопросъ новое предположеніе, напомнивъ о Черныхъ Клобукахъ, территорія которыхъ какъ разъ совпадаетъ съ той, гдѣ были найдены погребенія съ конемъ. Народъ этотъ въ XI вѣкѣ потерялъ кочевой характеръ, но остался конный и, благодаря сосѣдству съ Полянами, воспринялъ извѣстную степень культуры.

Проф. Антоновичъ по поводу мнѣнія Д. И. Иловайскаго замѣтилъ, касаясь одного народа Берендѣевъ, что имъ изслѣдована территорія, которую занималъ этотъ народъ—долина рѣки Раставицы, но даннаго погребальнаго типа тамъ не обнаружено.

И такъ, какъ видимъ, вопросъ объ этнографической принадлежности могилъ съ остовами лошадей вызвалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ мнѣній: тутъ мы встрѣчаемъ и Печенѣговъ, и Полянъ, и Половцевъ, и Ясовъ, и Аланъ, и Черныхъ Клобуковъ, но все таки вопросъ остается нерѣшеннымъ, какъ не рѣшены и многіе другіе, гдѣ дѣло касается этнографическаго пріурочиванія памятниковъ нашей старины.

Раскопокъ кургановъ на югѣ Россіи касались еще два сообщенія. Проф. Ю. А. Кулаковскій доложилъ *„О раскопкахъ крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.“* Разрытые курганы находятся между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Качи и Бельбека, на югъ отъ Бахчисарая, и являются самыми южными курганами. Погребенія обнаружены двухъ типовъ, но принадлежатъ повидимому одному и тому-же племени. Первый типъ—могилы, углубленныя въ материкѣ, покрыты онѣ деревомъ или камнемъ, скелетъ большей частью крашенный, лежитъ на подстилкѣ изъ рѣчного камня или на землѣ, головой на сѣверо-востокъ, ноги поджаты; въ могилахъ встрѣчаются грубые горшки, изрѣдка кремневыя орудія; бронза встрѣчается, какъ украшеніе, въ видѣ тонкихъ пластинокъ, нашитыхъ повидимому на кожу. Второй—каменные склепы, устраивавшіеся на готовыхъ уже курганахъ; склепы состоятъ изъ четырехъ большихъ плитъ, накрытыхъ пятой; извнутри плиты украшены линейнымъ орнаментомъ изъ черныхъ и красныхъ полосъ; костяки, также окрашенные, лежатъ въ такомъ-же положеніи, какъ и въ могилахъ перваго типа; встрѣчаются погребенія и въ сидячемъ положеніи; предметы, находимые въ нихъ—горшки, кремневыя орудія и бронзовые наконечники копій. Курганы съ такого рода погребеніями часто встрѣчаются какъ въ Крыму, такъ и сѣвернѣе; принадлежали они повидимому племени, которое застали скиѳы, двигаясь съ востока; на это даетъ указаніе и то обстоятельство, что самыя древнія могилы, вставленныя уже въ существовавшіе курганы съ вышеописаннымъ погребальнымъ типомъ, принадлежатъ скиѳамъ.

Въ заключеніе референтъ предложилъ назвать типъ такого погребенія *киммерійскимъ*.

Относительно послѣдняго предложенія референта В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что это названіе, по отношенію къ тѣмъ-же курганамъ, уже раньше было употребляемо Д. И. Самоквасовымъ въ его классификаціи кургановъ.

Большой интересъ представляютъ кости, добытыя изъ этихъ кургановъ; племя, повидимому, было большого роста съ сильно развитой мускулатурой. Слѣдуетъ только пожалѣть, что на этотъ, въ высокой степени важный антропологическій матеріалъ, какъ

въ данномъ случаѣ, такъ и вообще, обращается очень мало вниманія. На наше замѣчаніе, высказанное въ этомъ духѣ, уважаемый референтъ отвѣтилъ, что невозможно забирать изъ кургановъ и сохранять всѣ кости. Мы вполнѣ согласны, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это отчасти и излишне; если, напр., раскапываются сотни славянскихъ могилъ, то забирать всѣ костяки цѣликомъ—и неудобно и, пожалуй, безполезно для цѣлей науки; въ этихъ случаяхъ достаточно занести въ дневникъ раскопокъ точныя измѣренія какъ всего костяка, такъ и его конечностей (исключеніе представляютъ черепа—они обязательно должны быть сохраняемы, какъ это давно признано въ наукѣ); но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ раскапываются курганы, которые можно считать самыми древнѣйшими, курганы въ общемъ сравнительно немногочисленные, то тщательное сохраненіе всѣхъ частей скелета, зачастую представляющаго очень важныя остеологическія особенности, является необходимымъ.

І. А. Хойновскій, въ докладѣ—„*Курганы окрестностей г. Канева, кіевской губ.*“, изложилъ результаты раскопокъ, также произведенныхъ лѣтомъ этого года. Охарактеризовавъ предметы, добытые въ курганахъ и продемонстрировавъ рисунки съ нихъ [1]), референтъ очень обширно распространился объ этнографической принадлежности этихъ кургановъ и пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что курганы эти—славянскіе.

Проф. Антоновичъ возразилъ на это, что типъ этихъ кургановъ давнымъ давно извѣстенъ—ничего славянскаго въ нихъ нѣтъ, и они относятся къ т. н. скиѳскимъ курганамъ.

По имѣющимся у насъ частнымъ свѣдѣніямъ мы знаемъ, что вмѣстѣ съ г. Хойновскимъ раскопку этихъ кургановъ производилъ Н. Я. Тарновскій, у котораго хранятся и вещи, добы-

[1]) Рисунки эти были выставлены на археологической выставкѣ; вмѣстѣ съ рисунками были выставлены и нѣкоторыя вещи коллекціи г. Хойновскаго. Обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя цѣпи и другія украшенія съ красной эмалью, подобныя найденнымъ въ масальскомъ у. калужской губ. и спорадически встрѣчающимся въ южной и западной Россіи; по словамъ экспонента, вещи эти найдены выше Кіева, если не ошибаемся, у села Петровецъ. Находка эта настолько важна, что ее слѣдовало провѣрить на мѣстѣ. Напрасно только г. Хойновскій назвалъ эти украшенія „уборомъ жреца съ III столѣтія“ (sic!).

тыя изъ кургановъ. Будемъ надѣяться, что этимъ послѣднимъ со временемъ будетъ опубликованъ и дневникъ раскопокъ; только такимъ путемъ эти раскопки и могутъ сдѣлаться достояніемъ науки, всякія-же „мудрствованія лукавыя", съ прибавкой большой дозы фантазіи, затемняютъ дѣло, и зачастую только смѣшны, а съ другой стороны, вызываютъ сожалѣнія, что научные факты, вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ ними, гибнутъ для науки.

Очень важнаго по своему значенію вопроса касался рефератъ академика Д. Н. Анучина—*„О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи"*. Рефератъ этотъ съ очевидностью показалъ, насколько, съ одной стороны, тѣсна связь археологіи съ этнографіей, съ другой—какую услугу можетъ оказать археологія въ вопросахъ междуплеменныхъ сношеній и культурныхъ вліяній. Референтъ остановился главнымъ образомъ на древнихъ могилахъ X—XII вв. средней полосы Россіи, въ которыхъ встрѣчались, и довольно часто, кресты и образки. Нѣкоторые изъ крестовъ представляютъ изъ себя одинъ изъ разновидностей орнамента, употреблявшагося на украшеніяхъ,—ихъ референтъ не касался, но за то другіе, какъ напр. съ изображеніемъ распятія, и въ особенности образки, несомнѣнно христіанскаго происхожденія. Вопросъ сводится къ тому: имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ христіанами, погребенными по языческому обряду, или кресты и образки употреблялись язычниками только въ качествѣ украшеній или символовъ безъ сознанія ихъ настоящаго значенія? Въ томъ и другомъ смыслѣ были высказываемы мнѣнія учеными; референтъ склоняется къ послѣднему, и въ качествѣ доказательства приводитъ результаты раскопокъ, произведенныхъ въ послѣднее время Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ костромской губ. Курганы по содержанію представляютъ наибольшее сходство съ мерянскими, изслѣдованными гр. Уваровымъ; въ нихъ обнаружены погребенія, а иногда и трупосожженія; характеръ находимыхъ предметовъ указываетъ на болѣе тѣсныя сношенія съ востокомъ, чѣмъ съ западомъ. Среди подвѣсокъ найдено было также болѣе 40 крестовъ и образковъ; кресты разныхъ типовъ: врѣзанные въ круглые медальоны, соединенные съ полумѣсяцемъ, отдѣльные

кресты, обыкновенно равноконечные, иногда съ финифтью; разныхъ типовъ и образки: съ изображеніемъ Богородицы со Спасителемъ на рукѣ, святого съ копьемъ—вѣроятно св. Георгія и двухъ святыхъ. Большинство изъ нихъ найдено на груди и шеѣ; составляли они вѣроятно часть ожерелья, наряду съ другими привѣсками. Но 6 образковъ (2—Богоматери и 4—св. Георгія) найдены соединенными съ бронзовыми колечками около черепа и служили украшеніемъ серегъ, что говоритъ за употребленіе образковъ не какъ предметовъ священныхъ, а какъ украшеній. Въ одномъ только случаѣ среди данныхъ кургановъ встрѣтилось, повидимому, погребеніе христіанина; погребеніе ничѣмъ не отличалось отъ другихъ языческихъ, но у скелета, немного выше его, нашелся довольно большой складной крестъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ стоящихъ фигуръ святыхъ; на одной сторонѣ находится надпись: $\frac{\text{ГЛБ}}{\text{БО}}$, что очевидно обозначаетъ „Глѣбъ"—„Борисъ"; подобные кресты очень часто встрѣчаются въ южной Россіи и относятся къ XII—XIII вв. Въ заключеніе референтъ привелъ нѣсколько параллелей къ сообщеннымъ фактамъ изъ современной этнографіи; такъ напр., у Остяковъ кресты привѣшиваются къ вышитымъ бисеромъ нагрудникамъ наряду съ другими привѣсками.

Въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, поднятыхъ этимъ рефератомъ, принимало участіе нѣсколько лицъ. Упомянемъ о замѣчаніи В. И. Сизова, о профилактическомъ значеніи разныхъ символовъ, которые брались и изъ другихъ религій, какъ напр.—наши „змѣевики" съ головой Медузы.

Тема реферата Д. Н. Анучина настолько интересна, что весьма желательна дальнѣйшая разработка ея. Референтъ коснулся главнымъ образомъ этнографической стороны, въ такой-же мѣрѣ заслуживаетъ вниманія и другая сторона—культурныхъ взаимоотношеній.

Распространенія христіанства среди языческихъ племенъ касалось и сообщеніе свящ. С. Е. Звѣрева—„*Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ*". Для рѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ референтъ указалъ,

съ одной стороны, на косвенныя обстоятельства—давность христіанства на югѣ Россіи, сосѣдство съ епархіями Черниговской и Рязанской (между прочимъ проф. Голубинскій утверждаетъ, что часть нынѣшней воронежской губерніи входила тогда въ составъ обширной черниговской епархіи), и т. п., съ другой—на прямыя, заключающіяся въ находкахъ; такъ напр., въ Цимлянскомъ городищѣ вмѣстѣ съ предметами языческаго быта, встрѣчались разнаго рода крестики.

Замѣтимъ отъ себя, что кресты эти, насколько можно было судить по рисункамъ, представляютъ полное тождество съ находимыми въ большомъ количествѣ на югѣ—въ Кіевской и сосѣднихъ областяхъ.

Другому роду памятниковъ былъ посвященъ рефератъ проф. В. К. Мальмберга—*„Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ Южной Россіи“*. Матеріаломъ для реферата послужили два рода предметовъ: предметы изъ благородныхъ металловъ и расписныя вазы. Первые изъ нихъ, напр.—золотые и серебряные сосуды и украшенія, встрѣчаются обыкновенно въ большихъ курганахъ, т. н. скифскихъ царей; вторые—въ небольшихъ могилахъ, какъ полагаетъ референтъ—эллинскихъ колонистовъ. Выдающіеся по совершенству работы экземпляры, какъ металлическихъ, такъ и глиняныхъ издѣлій, считаются привозными; въ вопросѣ же, вызывающемъ разногласія, откуда привозились эти предметы—изъ Аттики или изъ Малой Азіи,—референтъ держится второго мнѣнія, замѣчая при этомъ, что нѣкоторыя вещи, какъ напр., чертомлыцкая и кульобская вазы приготовлялись греческими мастерами въ Россіи; референтъ особенно подробно остановился на одномъ ажурномъ золотомъ предметѣ, найденномъ проф. Н. И. Веселовскимъ, по которому можно замѣтить вліяніе мѣстнаго вкуса на греческаго мастера. Что касается расписныхъ вазъ, то референтъ соглашается съ тѣмъ, что лучшія изъ нихъ вывезены изъ Аттики, гдѣ въ концѣ VI и въ теченіе V в.в. эта отрасль искусства достигла высшаго совершенства и сдѣлала невозможной конкурренцію другихъ мѣстностей; но однако нѣкоторыя привозились изъ Малой Азіи, на что указываютъ, напр.,

амфорныя ручки съ штемпелями. Существованіе сношеній между югомъ Россіи и Малой Азіей подтверждается и находками другихъ предметовъ; изъ нихъ референтъ упомянулъ о двухъ бронзовыхъ вещахъ конца V вѣка,—это горгона, найденная въ 1892 году въ херсонской губерніи, и женская статуэтка, найденная около Херсонеса въ нынѣшнемъ году.

Рефератъ проф. Х. Р. фонъ-Штерна—„*О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи*“ касался тѣхъ-же древностей, что и предыдущій, но касался „жгучаго“, по выраженію референта, вопроса о все болѣе и болѣе усиливающейся фальсификаціи ихъ. Фальсификація распространяется на всѣ виды предметовъ: поддѣлываются монеты, терракоты, расписныя вазы и особенно въ послѣднее время издѣлія изъ золота. Референтъ дѣлаетъ характеристику поддѣлокъ каждаго вида древностей.

Менѣе всего опасной и мало распространенной является фальсификація монетъ; центръ поддѣлыванія монетъ Босфорскаго царства находился не въ Россіи; затѣмъ, поддѣлки, за исключеніемъ поддѣлокъ фабриканта Сазонова, настолько грубы, что ихъ всегда легко отличить.

За то поддѣлка другихъ предметовъ поставлена иначе: она производится на мѣстѣ, распространяется все сильнѣе и зачастую доводится въ техническомъ отношеніи до такого совершенства, что и спеціалисту трудно разобраться.

Глиняные сосуды въ общемъ фабрикуются также довольно грубо: они не такъ легки, какъ настоящіе, лакъ наводится толстымъ слоемъ, изображенія на сосудахъ примѣтивны; встрѣчаются между ними и не фальсификаты, а подражанія древнеклассической церамикѣ, какъ напр.—вазы, сдѣланныя не изъ глины, а изъ тяжелой алебастровой массы, въ стилѣ работъ Торвальдсена, и только впослѣдствіи пущенныя торговцами въ продажу подъ видомъ древнихъ. Терракотовыя издѣлія поддѣлываются искуснѣе, фабриканты иногда прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ, напр.: разбиваютъ ихъ и послѣ склеиваютъ, чтобы замаскировать вѣсъ, помѣщаютъ между фальшивыми и настоящія вещи, и т. п. Терракоты представляютъ обыкновенно человѣ-

ческія или звѣриныя фигуры; иногда фантазія фальсификатора разыгрывается—и поддѣлку легко отличить, въ общемъ же поддѣлка ограничивается копированіемъ извѣстныхъ образцовъ, и въ этомъ отношеніи особенной опасности для науки не представляется. Референтъ предлагаетъ въ болѣе значительныхъ собраніяхъ и музеяхъ выдѣлять такіе фальсификаты, это помогло бы разбираться въ нихъ и предостерегало бы отъ пріобрѣтенія поддѣлокъ.

Гораздо большій вредъ приноситъ фальсификація надписей (о ней были уже статьи В. В. Латышева и референта, послѣдняя въ XVIII т. Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и древностей). Фальсификація существовала уже и до выхода въ свѣтъ сборника надписей Латышева; послѣ выхода она усиливается, но, на первыхъ порахъ, въ сравнительно небольшой степени; надписи эти изготовлены на кускахъ древняго мрамора и представляютъ пеструю смѣсь греческихъ буквъ, причемъ шрифты взяты изъ различныхъ періодовъ; на нѣкоторыхъ надписяхъ встрѣчаются фантастическія изображенія, а иногда и рельефы. Но въ началѣ 90-хъ годовъ главные фальсификаторы—братья Гохманы въ Очаковѣ—заручились содѣйствіемъ болѣе образованныхъ сотрудниковъ, знакомыхъ съ греческой исторіей, литературой и эпиграфикой; фальсификація надписей приняла другой оборотъ, появляются связные греческіе тексты, въ эпиграфическомъ отношеніи сработанные безукоризненно, и только по нѣкоторымъ мелкимъ промахамъ (неумѣнье отличать буквы Θ и Φ, неправильность въ образованіи и согласованіи падежей) можно открыть поддѣлку. Мраморныя плиты—товаръ очень громоздкій, неудобный для далекаго траспорта, поэтому въ послѣднее время по незначительности сбыта поддѣлка надписей пріостановилась—мѣстные собиратели, наученные опытомъ, воздерживаются отъ пріобрѣтенія ихъ. Тогда вниманіе фальсификаторовъ обращается на другой родъ предметовъ.

Поддѣлка золотыхъ древнихъ издѣлій оказалась гораздо болѣе выгодной, такъ какъ для нихъ открывался широкій рынокъ и за границей. Поддѣлка производится подъ руководствомъ тѣхъ-же, или правильнѣе—того-же ученаго сотрудника. Трудно

точно опредѣлить, когда началась поддѣлка: въ одной коллекціи, находящейся въ Эрмитажѣ и составленной до 80-хъ годовъ, поддѣлокъ немного; съ 80-хъ годовъ фабрикація фальшивыхъ вещей все увеличивается и достигла въ настоящее время большихъ размѣровъ. Первыя поддѣлки, которыя референтъ имѣлъ возможность изучить, находились въ коллецкіи покойнаго Бурачкова, пожертвованной въ Одесскій музей; здѣсь есть золотая круглая коробочка со вставленными сирійскими гранитами, пара серегъ, браслетъ и золотая бляшка съ мифологической сценкой, исполненной плоскимъ рельефомъ; всѣ эти вещи, по словамъ жертвователя, были найдены въ Ольвіи. Однимъ торговцемъ была пріобрѣтена въ Екатеринославѣ бляшка съ такой-же сценкой; третій экземпляръ ея находится въ коллекціи Д. И. Толстаго. Референтъ останавливается на этихъ поддѣлкахъ потому, что онѣ представляютъ и нѣкоторыя черты общаго характера. Именно: прежде всего мѣстомъ нахожденія такихъ вещей всегда называется Ольвія,—мѣсто выбрано очень удачно, такъ какъ оно лежитъ въ глуши, въ другихъ-же мѣстахъ на побережьи Чернаго моря установленъ надзоръ: живутъ любители, которые легко могутъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ, или производятся раскопки, какъ напр.—въ Херсонесѣ. Вблизи Ольвіи (теперешнее село Парутино), въ Очаковѣ, живутъ главные распространители этихъ фальшивыхъ вещей—братья Гохманы; они то и являются руководителями дѣла. Пользуются они тѣмъ, что въ публикѣ распространены слухи о раскопкахъ парутинскими крестьянами своихъ участковъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, тѣ мѣста, гдѣ могутъ встрѣтиться цѣнныя находки, лежатъ внѣ крестьянскихъ участковъ, и здѣсь мѣстной владѣлицей гр. Мусиной-Пушкиной установленъ строгій надзоръ. Кромѣ того, характернымъ представляется и то, что поддѣлки, какъ напр., вышеупомянутая бляшка, распространяются въ нѣсколькихъ экземплярахъ—поддѣлыватели стараются вознаградить себя за приготовленный, штемпель или форму.

Не перечисляя всѣхъ извѣстныхъ поддѣлокъ, референтъ останавливается на болѣе замѣчательныхъ.

Такъ, кишиневскимъ собирателемъ г. Суручаномъ, лѣтъ пять тому назадъ была пріобрѣтена золотая корона съ надписью; надпись оказалась безграмотной, и поддѣлка была обнаружена.

Вслѣдъ за короной были изготовлены и другія вещи, напр. 3 пары золотыхъ сандалій и нѣсколько діадемъ; большинство этихъ вещей продано за границу.

Изъ письма покойнаго Курціуса референтъ узналъ, что въ Краковѣ находится пара золотыхъ сандалій, діадема и маска съ надписью; надпись эта, повидимому, принадлежитъ тому-же автору, что и надписи на мраморахъ, а поэтому можно судить, что и всѣ вещи поддѣльныя; между тѣмъ, одинъ нѣмецкій молодой ученый собирался даже писать статью по поводу этихъ вещей, а также и по поводу другихъ, происходящихъ будто-бы также изъ Ольвіи и находящихся въ Франкфуртѣ; можно поэтому судить, насколько совершенно исполнена поддѣлка. Изъ указанныхъ выше вещей другая пара сандалій была послана графу Бобринскому, третья-же была передана золотыхъ дѣлъ мастеру де-Морье въ Одессѣ для переплавки, такъ какъ компанія фальсификаторовъ не надѣялась сбыть ее; изъ этихъ сандалій была сдѣлана корона, попавшая въ коллекцію г. Фришена въ Николаевѣ; о ней сдѣлалъ сообщеніе Курціусъ въ засѣданіи Берлинскаго археологическаго общества и писалъ въ недавнее время членъ Имп. археологической коммисіи г. Веселовскій. Для того, чтобы продать эту корону, шайка поддѣлывателей пустилась на разныя хитрости, и черезъ подставныхъ лицъ—парутинскихъ крестьянъ—корона и другія вещи дѣйствительно были проданы за довольно большую сумму; въ поддѣльности же вещей нельзя сомнѣваться; ее обличаютъ надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ: предметы, по словамъ мнимыхъ находчиковъ, найдены въ одной могилѣ, надписи же, по характеру шрифтовъ, отдѣлены промежуткомъ въ 6 или 8 столѣтій!

Фальшивыя вещи въ общемъ изготовляются очень искусно, помощь образованнаго сотрудника очень усложняетъ дѣло опредѣленія, и, поддаваясь первому впечатлѣнію, легко впасть въ ошибку; только болѣе внимательное изслѣдованіе вещей людьми,

знающими дѣло, и можетъ открыть фальсификацію. Референтъ упомянулъ также и о пресловутой тіарѣ, пріобрѣтенной Луврскимъ музеемъ: по его мнѣнію, она также фальшивая. Въ заключеніе референтъ перешелъ къ важному и насущному вопросу—о мѣрахъ искорененія или на первыхъ порахъ сокращенія этого предосудительнаго промысла. Судебное или полицейское преслѣдованіе является дѣломъ очень труднымъ, такъ какъ, съ одной стороны, шайка дѣйствуетъ очень ловко, съ другой—жертвы этой шайки—коллекціонеры и любители—изъ ложнаго стыда обыкновенно не поднимаютъ дѣла; остается одно—дѣйствовать путемъ широкой гласности, предостерегая публику отъ покупки поддѣлокъ.

Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію референта и вотъ почему позволили себѣ такъ подробно передать содержаніе его интереснаго реферата.

Проф. фонъ-Штернъ коснулся только фальсификацій предметовъ классической древности, мѣстомъ производства которыхъ является Одесса (поддѣлкой здѣсь занимается мастерская де-Морье и какой-то литовскій еврей). Въ послѣднее время промыселъ этотъ захватываетъ болѣе широкій раіонъ, что находится въ связи съ увеличивающимся спросомъ на древности. Чтобы далеко не ходить, замѣтимъ, что въ Кіевѣ и, кажется въ Бердичевѣ, имѣются мастерскія древностей, правда, по работѣ, очень уступающія Одесскимъ; поддѣлываются тутъ древности главнымъ образомъ великокняжескаго періода, такъ какъ таковыя чаще всего встрѣчаются въ нашемъ краѣ. Кіевскіе коллекціонеры знакомы съ ними, и не мало ихъ перешло черезъ руки извѣстнаго кіевскаго торговца Богданова; при сбытѣ вещей употребляются и одинаковые пріемы: дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, распускаются слухи о находкахъ, помѣщаютъ среди поддѣлокъ нѣсколько настоящихъ вещей и т. п. Кіевскія поддѣлки еще пока довольно грубы, легко отличаются, но, благодаря тому, что нѣкоторые изъ кіевскихъ любителей древностей не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ ни знаніями, ни опытомъ, онѣ все таки имѣютъ сбытъ. Еще разъ пожелаемъ вмѣстѣ съ референтомъ о возможно большемъ рас-

пространеніи гласности въ этомъ дѣлѣ; много могли бы помочь тутъ сами собиратели, оглашая тѣ непріятные случаи, жертвой которыхъ имъ пришлось быть, называя и тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ они введены были въ заблужденіе, и зачастую заблужденіе довольно дорогое. Отъ ошибки никто не гарантированъ, такъ что ложный стыдъ можно и отбросить.

Древнѣйшей географіи и этнографіи южной Россіи касался частью рефератъ проф. Ѳ. Г. Мищенка—„*Извѣстія Геродота о внѣ-скифскихъ земляхъ Россіи*“, въ которомъ референтъ, сдѣлавъ подробную характеристику Геродота, какъ историка и этнографа, постарался дать объясненія тѣмъ мѣстамъ его извѣстій о Россіи, которыя касались народовъ, обитавшихъ за предѣлами Скифіи. Одни изъ нихъ занимали части нынѣшней Европейской Россіи, другіе—Азіатской и даже заходили за предѣлы теперешнихъ русскихъ владѣній. Референтъ отмѣчаетъ, что вообще Геродотъ обращаетъ больше вниманія на народы востока, съ которыми у грековъ были болѣе тѣсныя связи, чѣмъ на народы запада. При распредѣленіи народностей Геродота по племенамъ, проф. Мищенко приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: гелоны—это эллины, смѣшанные со скифами, и поэтому городище Укекъ, лежащее въ 8-ми верстахъ отъ Саратова, не было городомъ Гелономъ, какъ это нѣкоторые полагаютъ; будины, невры и агасфиры принадлежали къ народамъ иранскимъ; андрофаги, меланхлены, іирки, фиссагеты—къ финнамъ; аиппаи, песедоны—къ монголамъ; тавры—къ кельтамъ; массагеты—коллективное названіе многихъ племенъ, въ число которыхъ входили нынѣшіе киргизы и киргизъ-кайсаки. Что касается западной Скифіи, то Геродотъ болѣе всего интересуется днѣпровскимъ воднымъ путемъ, благодаря которому, вѣроятно, и въ то уже время предпріимчивые люди достигали береговъ Балтійскаго моря ради добычи янтаря.

Мы не будемъ останавливаться на замѣчаніяхъ, вызванныхъ этимъ, составленнымъ съ такимъ знаніемъ дѣла, рефератомъ,—они касались частныхъ вопросовъ—и повторимъ вмѣстѣ съ референтомъ, что изученіе Геродота, отца русской исторіи, лежитъ на обязанности русскихъ ученыхъ, изученіе тѣмъ болѣе

желательное, что Геродотъ даетъ обильный матеріалъ какъ географическій, такъ и этнографическій.

Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ рефератахъ, такъ или иначе касавшихся южной Россіи. Проф. Н. И. Петровъ въ сообщеніи *„Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, черезъ Ригу, въ Зарайскъ въ 1224—5 годахъ“* отрицаетъ возможность существованія этого образа въ Корсунѣ или Херсонесѣ Таврическомъ, и дѣлаетъ предположеніе, что такой образъ находился въ Кіевѣ, откуда былъ перенесенъ черезъ Смоленскъ, Ригу, Кессъ (проф. Соболевскій, по прочтеніи реферата, разъяснилъ, что Кессъ—это теперешній Венденъ) и Новгородъ въ Рязанскую землю; въ подтвержденіе своего мнѣнія проф. Петровъ указалъ на то, что въ русской церкви установленіе праздника въ честь перенесенія мощей св. Николая въ Баръ-градъ произошло въ 1089 г. и что слѣдовательно, образъ не могъ быть написанъ раньше, что въ Кіевѣ въ до татарскую эпоху былъ образъ этого типа, и т. д.

М. П. Истоминъ въ рефератѣ *„Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ“* старался опредѣлить время и путь, какимъ западное вліяніе проникло въ южно-русскую церковную живопись. Референтъ въ своихъ выводахъ основывается на матеріалѣ, найденномъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры. Это, прежде всего, рисовальныя руководства, изданныя въ Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Италіи и Венеціи, конца XVII и XVIII вв., по которымъ происходило обученіе; они наполнены главнымъ образомъ гравюрами изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; съ этихъ гравюръ и брали свои сюжеты южно-русскіе художники. На это даетъ нѣкотарого рода указанія другой видъ матеріала—*кужбушки* (Kunstbuch), въ которыхъ помѣщались пробные рисунки, эскизы и т. п. Такимъ образомъ, время особаго развитія западнаго вліянія опредѣляется концомъ XVII и первой половиной XVIII вв. Въ распоряженіи референта находился еще третій родъ матеріала—рукописные перечни тѣхъ иконныхъ и портретныхъ изображеній, какими были украшены стѣны лаврской церкви въ XVIII в.; на основаніи ихъ референтъ приходитъ къ заключенію, что эта стѣнная живопись, хотя и возоб-

новлялась нѣсколько разъ въ XVIII и XIX вв., но, по выработкѣ своего первоначальнаго содержанія, относится ко времени митрополита Петра Могилы.

Это послѣднее заключеніе вызвало замѣчаніе со стороны проф. Н. И. Петрова, доказывавшаго, что живопись Лаврской церкви XVII в. не имѣла ничего общаго съ живописью XVIII в. Вопросъ о живописи лаврской церкви—вопросъ животрепещущій, по крайней мѣрѣ онъ былъ такимъ до послѣдняго времени; теперь, какъ извѣстно, вся стѣнная живопись уничтожена и стѣны будутъ расписываться заново художникомъ П. В. Верещагинымъ. Уничтоженіе старой живописи уже успѣло вызвать полемику въ газетахъ, гдѣ особенно высказывались сожалѣнія объ уничтоженіи портретовъ благотворителей Лавры, и очень жаль, что уважаемый референтъ не затронулъ этого вопроса въ своемъ интересномъ сообщеніи;—пора бы спеціалистамъ объяснить намъ, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ уничтожена живопись, имѣющая историческое значеніе, или не имѣвшая его? Хотѣлось бы получить отвѣты и на нѣкоторые болѣе частные вопросы: сняты ли были точныя копіи или, по крайней мѣрѣ, фотографіи со всѣхъ изображеній, приняты ли были вообще мѣры къ тому, чтобы живопись эта, каково бы ни было ея происхожденіе, осталась доступной для изученія. Вѣдь и она составляетъ ступень въ исторіи живописи Лаврской церкви, и она оставила слѣды въ душахъ тѣхъ сотенъ тысячъ богомольцевъ, которые стекались съ разныхъ угловъ Россіи для поклоненія древней святынѣ....

Закончимъ нашъ перечень двумя рефератами проф. Д. И. Багалѣя. Первый изъ нихъ—„*О Магдебурскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи*“ представлялъ изъ себя краткое изложеніе обширнаго изслѣдованія автора, посвященнаго этому вопросу и составленнаго въ параллель къ изслѣдованіямъ профессоровъ Владимірскаго-Буданова и Антоновича о Магдебурскомъ правѣ въ городахъ правобережной Малороссіи. Для своего изслѣдованія референтъ пользовался главнымъ образомъ архивными матеріалами. Изслѣдованіе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) внѣшняя исторія Магдебурскаго права въ городахъ Переяславѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Стародубѣ и менѣе зна-

чительныхъ—въ Погарѣ, Почепѣ, Мглинѣ и др.; 2) внутреннее устройство городского управленія на основаніи фактическихъ матеріаловъ; 3) послѣдняя судьба городского самоуправленія по Магдеб. праву, съ указаніемъ причинъ и условій, неблагопріятствовавшихъ самоуправленію городовъ по магдеб. порядкамъ [1]).

Другой рефератъ проф. Багалѣя—„*Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей въ эпоху императора Александра I*“, помимо спеціальной темы, заключалъ и нѣсколько соображеній общаго характера; на нихъ мы прежде всего и остановимся. Упомянувъ о дружной работѣ на полѣ археологіи, которая замѣчается въ послѣднее время, референтъ указалъ на одинъ источникъ, недостаточно еще эксплуатированный русской археологіей,—это письменные памятники. И въ настоящее время многіе археологи пользуются историческими матеріалами для своихъ спеціальныхъ темъ, но этого въ общемъ недостаточно: вопросъ долженъ быть поставленъ шире, необходимо приступить къ систематизаціи тѣхъ данныхъ, которые касаются матеріальной стороны прошлой жизни и которыхъ такъ много какъ въ печатныхъ, такъ и въ письменныхъ источникахъ. Для этой цѣли могутъ дать обильный матеріалъ, напр., писцовыя книги или другіе историко-географическіе матеріалы, путешествія, содержащія много указаній археологическаго характера, много драгоцѣнныхъ свѣдѣній могутъ дать и архивы нашихъ археологическихъ учрежденій и статистическихъ комитетовъ, заключающіе огромный запасъ данныхъ для исторіи русской археологіи. Референтъ обращалъ вниманіе на эту послѣднюю; безъ нея въ большой степени будетъ затруднена классификація нашихъ памятниковъ; попытки научной классификаціи были уже, но, благодаря разбросанности источниковъ, при отсутствіи библіографическихъ указателей, общей археологической карты и исторіи изысканій, попытки эти оказались преждевременными и недостаточно обоснованными. Исторія археологическихъ изученій необходима и для опредѣленія достоинства и недостатковъ

[1]) Въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, мы пользовались для изложенія краткими резюме, помѣщенными въ „Извѣстіяхъ“ съѣзда.

самихъ методовъ и пріемовъ собиранія матеріала, а это имѣетъ большое значеніе, такъ какъ нигдѣ въ археологіи, особенно въ прежнее время, не было пущено въ научный обиходъ такъ много неосновательныхъ мнѣній и гипотезъ. Важное значеніе имѣла-бы такая исторія и въ нравственно-общественномъ отношеніи: была бы произведена оцѣнка работъ какъ крупныхъ дѣятелей, такъ и болѣе мелкихъ, зачастую посвятившихъ всю свою жизнь безкорыстной работѣ; наконецъ, и масса малоизвѣстныхъ или забытыхъ труженниковъ увидѣли бы, что ихъ скромныя усилія не пропали даромъ. Предлагаемая задача очень трудна, но все таки исполнима, а главное необходима; выполнена она можетъ быть только соединенными усиліями какъ центральныхъ археологическихъ учрежденій, такъ и областныхъ провинціальныхъ обществъ и дѣятелей; въ основу долженъ быть положенъ тотъ областной методъ, который далъ такіе блестящіе результаты при разработкѣ исторіи.

Программа, только что приведенная, очень широка; референтъ коснулся ея слегка, и, конечно, желательно, чтобы она была разработана детально. Если нѣкоторыя изъ ея частей не являются чѣмъ-то новымъ, то за референтомъ остается заслуга, что онъ снова поднялъ эти вопросы. Напр., мысль о выборкѣ археологическихъ данныхъ изъ разныхъ источниковъ явилась уже давно въ Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; ее предположено было осуществить въ формѣ *„Археологическаго словаря“*; было уже положено и начало словарю, но дѣло это впослѣдствіи замерло. Что касается исторіи археологическихъ изслѣдованій, то здѣсь основой, первымъ камнемъ должна явиться археологическая библіографія; вопросъ этотъ также давно уже былъ поставленъ на очередь покойнымъ представителемъ Московск. Археологич. Общества гр. А. С. Уваровымъ, такъ широко всегда понимавшимъ задачи русской археологіи; имъ была даже учреждена на этотъ предметъ премія при Обществѣ, но, до послѣдняго времени, дѣло это находилось въ зачаточной стадіи, и только теперь поставлено на надлежащую почву членомъ Имп. Археологической Коммиссіи А. А. Спицынымъ; имъ собранъ уже богатый матеріалъ; часть его, съ распредѣленіемъ по гу-

берніямъ, напечатана и скоро выйдетъ въ свѣтъ (въ I-мъ т. Трудовъ Русскаго Отдѣленія Императ. Русскаго Археологическаго Общества).

Въ второй части реферата проф. Багалѣй иллюстрировалъ свои вышеизложенныя соображенія краткими справками о томъ, что сдѣлано было Харьковскимъ университетомъ для археологіи въ царствованіе имп. Александра I. Уставъ 1804 г., дышавшій полнымъ довѣріемъ къ университетамъ, отдалъ въ ихъ вѣдѣніе среднія и низшія учебныя заведенія; такимъ образомъ установилась связь, и, благодаря ей, получило первый толчекъ и дѣло изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Профессора, при осмотрѣ училищъ, и дѣятели этихъ послѣднихъ стали собирать свѣдѣнія о древностяхъ, сюда-же были включены метереологическія и физико-географическія наблюденія, собираемыя по программамъ, составленнымъ физико-математическимъ и историко-филологическимъ факультетами Харьковскаго университета; историко-географическую программу составилъ авторъ „Русскихъ древностей“ проф. Г. П. Успенскій. Одинъ изъ визитаторовъ (профессоровъ, командированныхъ для осмотра училищъ)—Дюгуровъ, во время пребыванія въ Нѣжинѣ, изучилъ тамошніе древніе малорусскіе акты, а, отправившись въ Новороссію, изслѣдовалъ бытъ жившихъ тамъ Ногайскихъ Татаръ и напечаталъ о нихъ изслѣдованіе. Референтъ остановился главнымъ образомъ на трехъ типичныхъ археологическихъ развѣдкахъ: проф. Рижскаго, проф. Раммеля и Бѣлецкаго-Носенко.

Проф. Рижскій отправился на мѣсто древней Ольвіи. Въ своемъ отчетѣ онъ сообщилъ о древней надписи, высѣченной на камнѣ, найденномъ въ имѣніи адмирала де-Рибаса и сообщенной профессору свящ. Куницкимъ; на основаніи личнаго осмотра дѣлаетъ онъ описаніе Ольвійскаго городища; при отчетѣ препровождаетъ списки съ двухъ надписей, видѣнныхъ имъ у тамошнихъ жителей, и разныя древнія вещи—сосудъ, обломки сосудовъ, монеты. Проф. Рижскій, будучи въ Екатеринославѣ, ѣздилъ также на каналъ, который рылся въ обходъ пороговъ, такъ какъ узналъ, что тамъ находятъ разныя вещи; онъ сдѣлалъ описаніе Ненасытецкаго порога и канала, описалъ одно солено-горькое

озеро въ новомосковскомъ у. екатеринославской губ. и сдѣлалъ перечень различныхъ камней, доставленныхъ въ университетъ для минералогическаго кабинета.

Свѣдѣнія объ экскурсіи проф. Раммеля сохранились въ его воспоминаніяхъ. Онъ описываетъ, какъ отправился осматривать камень возлѣ Святогорскаго монастыря на берегу Донца. Камень былъ съ надписью; разобрать ее проф. Раммель не могъ, но сдѣлалъ факсимиле и отправилъ въ Петербургъ; надпись онъ сближаетъ „съ рунами сибирскихъ или скиѳскихъ народовъ", обнародованными Палласомъ.

Бѣлецкій-Носенко сообщаетъ данныя объ одномъ городищѣ прилуцкаго уѣзда, объ остаткахъ у населенія языческихъ обычаевъ, передаетъ разсказъ о находкѣ въ 1808 г. въ с. Радьковкѣ древней бронзовой статуи и прилагаетъ очень поэтическое описаніе ея.

Этимъ и исчерпывается все, что непосредственно касается южной Россіи.

Въ многочисленныхъ другихъ рефератахъ, доложенныхъ на съѣздѣ, затрогивались какъ частные, такъ и общіе вопросы русской археологіи. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ.

А. Я. Ефименко, въ рефератѣ *„Объ археологическихъ формахъ землевладѣнія у германцевъ и славянъ"*, указавъ, прежде всего, на то, что археологія должна включить въ область своихъ изученій и первобытное землевладѣніе, остановилась на недавно вышедшей работѣ берлинскаго проф. Мейцена. (A. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, den Kelten, Römer, Finnen und Slawen) и, разобравши нѣкоторыя выводы ея, подвергла ихъ критическому разбору. Докладчица не соглашается съ основнымъ положеніемъ нѣмецкаго ученаго, что т. н. „клиновая деревня" (Gewandorf) есть исключительная принадлежность германскаго племени и что у славянъ она отсутствуетъ; факты, между прочимъ и акты XVII в., говорятъ противное; изъ нихъ, напр., видно, что наши сѣверно-русскія деревни состояли иногда изъ нѣсколькихъ дворовъ, владѣвшихъ землей въ патріархальномъ родственномъ союзѣ, дѣлившихъ ее по частямъ въ собственность и отчуждавшихъ ее,

но съ соблюденіемъ на долгое время числа первоначальныхъ паевъ; такая деревня, по мнѣнію докладчицы, есть то-же, что и Gewandorf. Коснувшись затѣмъ деревенской общины, главнымъ образомъ, по отношенію къ вопросу—что было исходнымъ пунктомъ поземельныхъ отношеній—частная собственность или община, и не рѣшая этого вопроса въ ту или другую сторону, докладчица высказала мысль, что вопросъ о первобытномъ и послѣдующемъ землевладѣніи долженъ быть изслѣдуемъ многосторонне, на фактической почвѣ и строго научнымъ образомъ, и что разныя формы землевладѣнія не могутъ быть рѣзко противополагаемы.

Докладъ А. Я. Ефименко, отличавшійся обычнымъ блестящимъ изложеніемъ, вызвалъ продолжительныя пренія, главнымъ образомъ, по второму изъ затронутыхъ вопросовъ.

Проф. А. Ѳ. Мѣржинскій, съ неустающей энергіей работающій надъ изученіемъ первобытной культуры литовскаго племени, прочелъ на этотъ разъ рефератъ *„О священномъ дубѣ въ Ромове“*, гдѣ, помимо спеціальной темы, высказалъ и нѣсколько общихъ соображеній о почитаніи деревьевъ: съ деревомъ была соединена жизнь человѣка, въ дерево переходила душа усопшаго, въ немъ проживала душа предковъ и наконецъ въ немъ жило само божество; лѣчебную силу приписывали деревьямъ, стволъ или вѣтки которыхъ, разъединившись, снова срастались въ образованное такимъ путемъ отверстіе пролѣзали больные (напр. глазами, грыжей), будучи убѣждены, что болѣзнь переходила въ дерево.

Живой интересъ возбудилъ среди членовъ съѣзда докладъ В. И. Сизова—*„Характерныя черты могильника въ Пассельнѣ въ Курляндіи.“* Вещи, найденныя въ этомъ могильникѣ, ставятъ его отдѣльно отъ могильниковъ латышей, ливовъ и эстовъ; это и дало основаніе референту высказать предположеніе о принадлежности его курамъ или *вендамъ;* существованіе послѣднихъ въ Балтійскомъ краѣ подтверждается съ другой стороны извѣстіями Генриха Латыша.

Не обошлось, конечно, на съѣздѣ и безъ вѣчнаго вопроса о Руси. Въ сообщеніи *„О происхожденіи слова Русь“* К. И.

Якубовъ, изложивъ литературу вопроса и остановившись на мнѣніи, по которому слово Русь ставится въ связь съ финскимъ словомъ Ruotsi, а само финское слово производится отъ названіи общины гребцовъ—rods-män, жившихъ въ области Rodslagen, указалъ на новое толкованіе этого слова, предложенное гельсингфорскимъ профессоромъ Ю. Крономъ, именно, что Ruotsi есть финскій переводъ имени Норманнъ.

По поводу этого реферата, разумѣется, возникли пренія; основная мысль ихъ заключалась въ томъ, что за объясненіемъ этого слова надо идти не на сѣверъ, а на югъ и юго-западъ, гдѣ на существованіе племени Русь указываютъ названія рѣкъ, урочищъ и т. п. Между прочимъ, Д. И. Иловайскій высказался въ томъ смыслѣ, что въ лѣтописи Нестора испорченъ текстъ, и мѣсто о призваніи Варяговъ нужно понимать такъ что Русь призвала Варяговъ.

Не можемъ, наконецъ, не упомянуть о рефератѣ акад. В. В. Суслова—„*Новгородскій Софійскій Соборъ*,“ въ которомъ были изложены результаты реставраціи этого древняго храма, произведенной въ 1893—95 г. и повedшей къ очень важнымъ открытіямъ. Открыты фресковыя изображенія XI (свв. Константинъ и Елена) и XII вв. (ангелы и пророки въ главномъ барабанѣ храма и др.); ремонтъ собора далъ затѣмъ возможность въ деталяхъ изучить всю исторію храма, возстановить его первоначальный видъ, прослѣдить тѣ измѣненія, которымъ онъ подвергался въ послѣдующее время. Референтомъ была затрачена масса труда; уже одинъ бѣглый обзоръ художественно исполненныхъ копій съ открытыхъ фресковыхъ изображеній и многочисленныхъ рисунковъ и чертежей, которыми былъ наполненъ залъ засѣданія, могъ показать, сколько работы, интереса было вложено въ это дѣло, и потому намъ показались совершенно негармонировавшими съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставлялъ послѣ себя рефератъ, пренія, возникшіи послѣ прочтенія его, прибавимъ—пренія, выходившія иногда за предѣлы необходимой сдержанности. Замѣчаній, касавшихся сущности реферата, было немного; весь же сыръ-боръ загорѣлся по поводу заявленія проф. Соболевскаго, что при ремонтѣ храма

были уничтожены нѣкоторыя древнія надписи. Во время преній выяснено, что надписей было открыто около 200; онѣ выцарапаны въ штукатуркѣ, по содержанію особеннаго интереса не представляютъ, а интересны съ палеографической точки зрѣнія; относятся онѣ къ XII—XIV вв.; объ открытіи этомъ сейчасъ-же было дано знать въ Имп. Археол. Коммиссію, были командированы спеціалисты (И. А. Шляпкинъ и проф. Соболевскій), и большинство надписей снято и описано; только часть ихъ осталась недоступной для изслѣдованія, потому-что надписи находились на стѣнахъ подъ теперешнимъ поломъ собора, и, наконецъ, самый незначительный процентъ пришлось задѣлать или совсѣмъ уничожить, такъ какъ этого требовала ветхость нѣкоторыхъ частей зданія и неотложность ремонта, но со всѣхъ ихъ были сдѣланы снимки.

Ревультаты преній были перенесены въ совѣтъ съѣзда, гдѣ и было постановлено слѣдующее: „По поводу сообщенія академика Суслова о реставраціи храма св. Софіи Новгородской возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частію пострадали нѣкоторые важные памятники древностей, частію совсѣмъ уничтожены: X археологическій съѣздъ выражаетъ по этому случаю свое глубокое сожалѣніе и проситъ Императорскую Археологическую Коммиссію принять мѣры предупрежденія подобныхъ нежелательныхъ случайностей.“ На нашъ взглядъ, если высказывать сожалѣнія, то ужъ не по этому поводу: какъ мы видѣли, акад. Сусловъ отнесся къ своему дѣлу съ полнымъ сознаніемъ важности изслѣдуемаго памятника, съ любовью занимался научнымъ изслѣдованіемъ его, поэтому для высказыванія сожалѣній можно было найти другой поводъ; къ прискорбію, такихъ поводовъ можно найти довольно много; въ томъ-же засѣданіи мы указывали, напр., на то печальное состояніе, въ какомъ находятся остатки „божницы“ XII в. въ селѣ Старогородкѣ возлѣ г. Остра черниговской губерніи: здѣсь дѣло идетъ не о десяткѣ нацарапанныхъ надписей, а гибнетъ цѣлый рядъ фресковыхъ изображеній, покрывающихъ сохранившуюся часть алтарной абсиды этой „божницы“, гибнетъ никѣмъ

научно не изслѣдованный, не сохраненный хотя бы въ точно снятыхъ копіяхъ...

Въ заключеніе два слова объ одномъ изъ техническихъ вопросовъ, имѣвшемъ мѣсто на съѣздѣ. Дѣло идетъ объ отчисткѣ и сохраненіи древнихъ металлическихъ предметовъ. Этого вопроса касались доклады д-ра Я. Аппельгрена, хранителя историческаго музея въ Гельсингфорсѣ, и В. Д. Бока, хранителя средневѣковаго отдѣла Имп. Эрмитажа. Ими былъ указанъ новый способъ консервированія древностей путемъ химической обработки ихъ при помощи эллектричества; способъ этотъ изобрѣтенъ норвежскимъ инженеромъ А. Крефтингомъ; а результаты получаются дѣйствительно замѣчательные — на предметахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ ржавчины, появлялись орнаменты, клейма, надписи и т. п. Но повидимому для обработки этимъ способомъ пригодны главнымъ образомъ предметы не особенно древніе, или сравнительно хорошо сохранившіеся, такъ какъ все, что подверглось окисленію, не годится для обработки. Во всякомъ случаѣ изобрѣтеніе это представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ возможно широкаго распространенія. Было бы очень полезно, если бы на съѣздахъ почаще поднимались различные вопросы техническаго характера: о сохраненіи древностей, отчисткѣ, сортировкѣ, моделировкѣ ихъ и т. д.; на съѣзды собираются какъ хранители общественныхъ собраній, такъ и владѣльцы частныхъ коллекцій, и было бы интересно и поучительно услышать отъ нихъ о тѣхъ пріемахъ и порядкахъ, которые практикуются при храненіи древностей.

Какъ мы упомянули уже въ началѣ, рижскій съѣздъ отличался, сравнительно съ прежними, довольно многочисленными выраженіями пожеланій и предложеній. Этому обстоятельству мы придаемъ особенное значеніе; оно указываетъ на жизненную силу съѣздовъ, служитъ яркимъ доказательствомъ того, что въ ученой средѣ сознано уже вліяніе съѣздовъ на общій ходъ развитія научныхъ изысканій. Эти пожеланія являются тѣмъ элементомъ, который говоритъ о поступательномъ движеніи науки, и нѣтъ нужды, если не всѣ изъ этихъ предложеній могутъ быть

сейчасъ удовлетворены: много значитъ уже одно то, что они высказаны.

На первомъ мѣстѣ мы ставимъ тѣ пожеланія, которыя были высказаны членами губернскихъ архивныхъ коммисій, собравшимися на съѣздѣ съ разныхъ концовъ Россіи. Ими были устроены при участіи и другихъ членовъ съѣзда, при археографическомъ отдѣлѣ, предсѣдателемъ котораго состоялъ проф. Д. И. Багалѣй, два засѣданія, гдѣ обсуждались различные вопросы, имѣющіе отношеніе къ постановкѣ у насъ дѣла губернскихъ архивныхъ коммиссій. Мало отраднаго пришлось услышать на этихъ засѣданіяхъ: тяжелое впечатлѣніе оставляли по себѣ эти скорбныя повѣсти, гдѣ описывалось людьми, близко стоящими къ дѣлу, то положеніе, въ какомъ находятся нѣкоторыя изъ коммиссій. Этими собраніями было высказано нѣсколько пожеланій, и, основываясь на нихъ, съѣздъ постановилъ: „Въ виду печальнаго положенія многихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммисій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую государственную пользу, приносимую коммиссіями, и ходатайствовать, чтобы имъ оказываема была помощь и субсидія при посредствѣ г.г. губернаторовъ. Ни одно изъ другихъ пожеланій не заслуживаетъ большаго сочувствія и вниманія, чѣмъ это. И чѣмъ скорѣе пожеланіе это перестанетъ быть только пожеланіемъ, тѣмъ лучше.

Довольно много рефератовъ на съѣздѣ явилось результатомъ научной дѣятельности *Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ*. Дѣйствительно, за короткое время своего существованія имъ было сдѣлано много научныхъ открытій. Пространство, входящее въ сферу научныхъ изысканій Института, очень обширно: сюда включены области Турецкой имперіи, Греческаго королевства и Славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ. Институтъ существуетъ 2 года; за это время были совершены экскурсіи въ Анатолію, на Аѳонъ, въ Аѳины, Никею, Бруссу, Никомидію и въ Болгарію; было пріобрѣтено древнѣйшее греческое евангеліе VI вѣка, изслѣдованы древніе монумен-

тальные памятники скульптуры, мозаики, надписи, открыты новые литературные памятники и т. д. Рефераты и были посвящены различнымъ вопросамъ, выдвинутымъ этой плодотворной, живой научной работой. Проф. Ф. И. Успенскій, директоръ института и предсѣдатель ученаго комитета съѣзда, сдѣлалъ общій очеркъ дѣятельности этого учрежденія въ рефератѣ „*О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ*“; имъ же было сообщено: „*О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ евангелія*“, „*Археологическіе памятники города Никеи*“ и „О Болгаріи въ археологическомъ отношеніи“; проф. Д. В. Айналовъ представилъ рефератъ „*О древне-христіанскомъ саркофагѣ, вновь найденномъ въ Константинополѣ*“; проф. А. А. Павловскій докладывалъ „*О фрагментахъ классической скульптуры, найденныхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ*“ и заключилъ свой рефератъ пожеланіемъ, чтобы представители русской науки пошли на помощь Институту, изслѣдуя и обрабатывая найденные Институтомъ памятники; наконецъ, О. В. Вульфъ въ докладѣ „*Древности Никомидіи*“, изложилъ результаты экскурсіи въ этотъ городъ и подробно описалъ найденные тамъ памятники древности.

Если мы замѣтимъ при этомъ, что личный составъ Института не великъ (директоръ, секретарь и одинъ командированный), и что не велики также и средства, находящіяся въ его распоряженіи, то ниже приводимое ходатайство съѣзда является вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ. Вотъ это постановленіе совѣта съѣзда: „Въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилегающихъ къ нему славянскихъ государствъ и мало-азіатскаго полуострова, X археологическій съѣзъ ходатайствуетъ объ увеличеніи средствъ и ученаго персонала Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Другое постановленіе касалось болѣе частнаго вопроса, также въ зависимости отъ дѣятельности Института, именно: „Въ виду поднятаго французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о совмѣстномъ обслѣдованіи и изданіи ру-

кописныхъ сокровищъ Аѳона, X археологическій съѣздъ ходатайствуетъ о предоставленіи средствъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ на осуществленіе этого важнаго научнаго предпріятія.

Проф. И. П. Филевичъ въ рефератѣ *„Нѣсколько замѣчаній по поводу разработки географической номенклатуры“* обратилъ вниманіе на значеніе географической номенклатуры, какъ главнаго показателя этнологическаго характера страны, указалъ на недостатки научной обработки этого матеріала и высказалъ пожеланіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ территорію славянъ и русскихъ въ частности, чтобы дѣло собиранія данныхъ этого рода, данныхъ „языка земли“, было ведено по болѣе широкой программѣ; слѣдуетъ собрать матеріалъ для полнаго номенклатурнаго словаря русскихъ земель, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и за предѣлами ея; это дастъ возможность уяснить типичный характеръ номенклатуры въ мѣстахъ этнологически наиболѣе устойчивыхъ и возстановить его тамъ, гдѣ русская номенклатура, подъ чужимъ вліяніямъ, подверглась искаженіямъ.

Несомнѣнно, что собираніе и разработка „языка земли“ можетъ повести къ цѣннымъ научнымъ выводамъ, но, съ другой стороны, необходимо вести параллельно съ этимъ и историко-географическія изысканія,—въ этомъ духѣ и высказались нѣкоторые изъ оппонентовъ проф. Филевича.

Проф. А. С. Будиловичъ закончилъ свой обширный рефератъ *„О задачахъ славянорусской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи“*, предложеніемъ снарядить археологическую экспедицію въ Венгрію; съѣздъ, въ своемъ постановленіи, выразилъ сочувствіе къ этой мысли.

Въ нашемъ сообщеніи *„Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи“*, мы коснулись частнаго вопроса первобытной археологіи. Суть нашего предложенія сводилась къ организаціи, путемъ спеціальныхъ экскурсій, систематическаго изслѣдованія тѣхъ мѣстъ, гдѣ сохранились слѣды доисторическихъ поселеній (главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ на песчаныхъ буграхъ). Если такія изслѣдованія и не дадутъ ничего особенно новаго для уясненія культуры этого періода (хотя несомнѣнно нѣко-

торыя детали могутъ оказаться и новыми, а при поразительной однородности этой культуры на всемъ земномъ шарѣ и детали имѣютъ свое значеніе), то, во всякомъ случаѣ, систематическія изслѣдованія могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, могутъ собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика является весьма важной: основываясь на ней, можно дѣлать выводы о количествѣ и густотѣ первобытнаго населенія.

Чтобы покончить съ предложеніями и постановленіями, приводимъ еще одно изъ этихъ послѣднихъ: „Просить Императорскую Археологическую Коммисію, чтобы вещи, добываемыя на казенныхъ земляхъ изъ могильниковъ извѣстной мѣстности, если онѣ не нужны главнымъ музеямъ Имперіи—Императорскому Эрмитажу и Императорскому Россійскому Историческому въ память Императора Александра III Музею,—предоставлялись музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены эти вещи. Вмѣстѣ съ тѣмъ просить коммиссію въ сношеніяхъ ея съ мѣстною администраціей по вопросу о случайныхъ находкахъ, разъяснять этимъ властямъ, что, на основаніи существующихъ законовъ Имперіи, вещи, находимыя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, принадлежатъ симъ послѣднимъ и отчуждаемы быть не могутъ".

Насколько намъ извѣстно, все вышеприведенное, вошло уже отчасти въ практику коммиссіи. Но по этому поводу невольно возникаетъ мысль о насущной потребности правильной постановки и развитія у насъ дѣла областныхъ музеевъ.

Круглыя числа во всякаго рода дѣятельности обыкновенно даютъ поводъ оглянуться назадъ, посмотрѣть, что сдѣлано за протекшее время. Рижскій съѣздъ заключилъ собою первый десятокъ; по этому поводу неутомимый работникъ и энергичный организаторъ дѣла археологическихъ съѣздовъ—г р. П. А. У в а р о в а, она-же и предсѣдатель съѣзда, въ прочувствованной рѣчи сдѣлала общій очеркъ дѣятельности предшествовавшихъ съѣздовъ. Безъ преувеличиванія можно сказать, что сдѣлано очень много. Не говоря уже о сотняхъ прочтенныхъ рефератовъ, на съѣздахъ поднималось не мало и общихъ вопросовъ, завязывались сношенія между учеными, происходилъ живой обмѣнъ мнѣній, научныя силы стягивались со всѣхъ сторонъ для общей

работы, возбуждалась энергія цѣлыхъ учрежденій, иногда обязанныхъ своимъ возникновеніемъ иниціативѣ или поддержкѣ съѣздовъ. Успѣхъ съѣздовъ въ извѣстной мѣрѣ зависѣлъ отъ направленія, даннаго ихъ иниціаторомъ, покойнымъ гр. А. С. Уваровымъ, котораго держится и которое отстаиваетъ въ настоящее время, замѣнившая его гр. П. А. Уварова. Направленіе это заключается въ преслѣдованіи чисто научныхъ цѣлей, безъ всякой иной подкладки, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Пусть же и на будущее время это искреннее служеніе дѣлу науки останется лозунгомъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ!

Мѣстомъ слѣдующаго археологическаго съѣзда избранъ Кіевъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы главное вниманіе было обращено на Волынь и вообще на западную часть юга Россіи, въ общемъ сравнительно очень мало еще изслѣдованную въ археологическомъ отношеніи. Тутъ мы снова наталкиваемся на круглое число: если кіевскій съѣздъ состоится черезъ три года—обычный промежутокъ между съѣздами,—то къ тому времени исполнится ровно 25 лѣтъ съ устройства перваго съѣзда въ Кіевѣ. Итакъ, нашему югу предстоитъ задача достойно приготовиться къ съѣзду, показать, насколько подвинулось дѣло за истекшій довольно продолжительный срокъ, и здѣсь были-бы очень желательны работы обобщающаго характера, какихъ напр. было не мало на рижскомъ съѣздѣ по отношенію къ прибалтійскимъ древностямъ. Можно надѣяться, что къ тому времени будетъ законченъ и Кіевскій Историко-художественный Музей; это дастъ возможность устроить, какъ слѣдуетъ, и археологическую выставку, для обоюдной пользы какъ съѣхавшихся ученыхъ, такъ и самого музея. Будемъ надѣяться, что не будетъ забыта также и этнографія, занимавшая такое видное мѣсто на томъ-же рижскомъ съѣздѣ, и, по отношенію къ ней, было бы очень кстати осуществленіе пожеланій, высказанныхъ, между прочимъ, по поводу 50-ти лѣтняго юбилея Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,—о возстановленіи Юго-Западнаго Отдѣла его.

Н. Бѣляшевскій

Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ.

По поводу брошюры проф. Н. Сумцова „Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній". Харьковъ 1896 г. (Изъ VIII тома Харьковскаго Сборника Историко-филологическаго Общества за 1895 г.), стр. 8.

Подъ именемъ „религіознаго сказанія" проф. Сумцовъ понимаетъ не всякое произведеніе народнаго эпоса, говорящее о чемъ нибудь религіозномъ (каковы, напр., апокрифы), а только легенды, и исключительно имъ посвящаетъ онъ свою брошюру. Легенды, и въ частности наши малорусскія легенды—дѣйствительно заслуживаютъ особаго вниманія. Если мы возьмемъ апокрифы, то, вѣроятно, даже безъ спеціальнаго изслѣдованія [1]), просто съ перваго взгляда почувствуешь, что это произведенія не родныя, а чужія, заносныя. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наши религіозныя легенды. Въ нихъ все дышетъ чѣмъ-

[1]) Я прибавилъ слово „вѣроятно", такъ какъ, кажется, только при нынѣшнихъ успѣхахъ фольклора въ плоть и кровь каждаго успѣла проникнуть безсознательная увѣренность, что апокрифы ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться національнымъ изобрѣтеніемъ нашего народа. Какихъ-нибудь лѣтъ сорокъ тому назадъ такая увѣренность могла кое-кому (можетъ быть, даже многимъ) казаться очень странной: напримѣръ, извѣстный малорусскій писатель Степанъ Руданскій, этнографическія записи котораго (отъ 1854—1856 г.) недавно изданы полностью (см. „Творы Степана Руданського, томъ другый, Львивъ 1896), совершенно искренно былъ убѣжденъ, что существующія въ Малороссіи сказанія объ Адамѣ, потопѣ, птицѣ-носорожцѣ и проч. ни откуда не заимствованы и принадлежатъ чистѣйшей украинской „утворѣ" (т. е. фантазіи, или творчеству); онъ даже находилъ возможнымъ высказывать догадку, что Божья казнь постигла гордую птицу-носорожца (во время потопа) нигдѣ, какъ въ Подольской губерніи, неподалеку отъ Голендръ.

то такимъ близкимъ, такимъ хорошо знакомымъ, такимъ роднымъ! Тутъ и мѣстности указываются наши украинскія, тутъ и имена—все имена нашихъ славныхъ историческихъ дѣятелей, тутъ черты быта выступаютъ ярко малорусскія, тутъ даже въ образѣ мыслей такъ и чувствуется вездѣ все родное, національное: мы вполнѣ согласны съ проф. Сумцовымъ, когда онъ утверждаетъ, что малорусскія легенды имѣютъ „своеобразный характеръ произведеній близкихъ, какъ бы издавна знакомыхъ и почему-то привлекательныхъ“ (стр. 1).—„Это нѣчто привлекательное“, продолжаетъ проф. Сумцовъ, „кроется въ теплой вѣрѣ людей старыхъ поколѣній, въ душевномъ ихъ мирѣ и сердечной ихъ простотѣ“. Не только въ этомъ, а больше всего въ національномъ духѣ, которымъ для насъ пропитаны легенды: этотъ духъ роднитъ насъ, скептиковъ-интеллигентовъ, и съ нашими наивными предками и съ нынѣшнимъ простымъ народомъ....

Таково впечатлѣніе. Однако впечатлѣніе обманываетъ: кто познакомился съ международной странствующей словесностью, тому, конечно, давно ужъ бросался въ глаза фактъ, что многія малорусскія якобы „щиро“-національныя легенды принадлежатъ къ разряду странствующихъ повѣстей. Самъ собою возникаетъ вопросъ: „стало быть, эти столь родныя намъ легенды—произведенія не самостоятельныя, не наши?“ Отвѣтить: „да, не наши“—едва ли будетъ правильно, потому что нашъ народъ совершенно вѣдь переработалъ чужіе сюжеты. Прослѣдить процессъ этой переработки—чрезвычайно интересно: не только установится критерій для сужденій о томъ, что же собственно мы смѣемъ назвать нашимъ роднымъ, безусловно національнымъ этическимъ достояніемъ,—но уяснить также и самое понятіе о томъ, что такое народное творчество. Это будетъ въ высшей степени поучительная для насъ вещь—прослѣдить, какимъ образомъ чужое сказаніе успѣло проникнуть къ намъ, распространиться въ народѣ, пріурочиться къ извѣстной мѣстности и національзироваться во всѣхъ подробностяхъ [1]).

[1]) Есть еще одна отрасль нашей народной словесности, которая настоятельно требуетъ подобныхъ же изслѣдованій, но какъ-то мало затрогивается учеными: я говорю о малорусскихъ произведеніяхъ юмористическаго характера. Нашъ народъ

Поле для изслѣдованій—обширнѣйшее. По выраженію англійскаго поэта, оно

> Exceeding rich, and long, and wide,
> And sprinkled with a sweet variety
> Of all, that pleasant is to the ear or eye

Но сдѣлано на немъ чрезвычайно мало, почти ничего. До недавняго времени можно было извлечь пользу развѣ изъ статьи Н. П. въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1877 г., далѣе изъ очень важныхъ „Очерковъ южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“ проф. Н. Ѳ. Сумцова („Кіев. Стар.“ 1887)[1]) и еще изъ нѣкоторыхъ его замѣтокъ и статей. Въ виду такой скудости, очень важное значеніе пріобрѣтаетъ недавно вышедшая систематическая брошюра того же уважаемаго автора, проф. Сумцова, заглавіе которой мы выписали сверху и которая имѣетъ спеціальную цѣль—пролить извѣстный свѣтъ на сущность малорусской религіозной легенды.

Сразу ничто не дѣлается. Нужны подготовительныя работы. Почтенный авторъ покамѣстъ рѣшилъ порыться въ старинныхъ малорусскихъ сочиненіяхъ XVI—XVII в. и выбрать разбросанныя по нимъ тѣ легенды, которыя связаны съ малорусскими историческими лицами и событіями. Какъ видно изъ цитатъ, онъ взялъ на себя трудъ пересмотрѣть Пересторогу, Денисовича, Кальнофойскаго, Петра Могилу, Галятовскаго, сдѣлалъ (если имѣлся матеріалъ) сопоставленія съ соотвѣтственными произведеніями современной малорусской народной словесности и (опять таки, если имѣлся матеріалъ) подобралъ также пареллели изъ

считается юмористомъ по преимуществу, малорусскій юморъ вошелъ въ пословицу, а между тѣмъ даже тѣ бѣглыя изслѣдованія, которыя мимоходомъ касались нашихъ анекдотовъ, фабліо и бытовыхъ сказокъ, давно ужъ успѣли намекнуть, что эти произведенія малорусскаго народнаго творчества не оригинальны. Нельзя отрицать, что обработка ихъ оригинальна, но въ чемъ же собственно заключается эта оригинальность? показалъ ли намъ кто-нибудь, въ чемъ она состоитъ?—Никто. И я думаю, что диссертація на тему: „Черты и кріенты малорусскаго юмора“—давно ужъ стоитъ на очереди. Скорѣе всего мы смѣемъ ждать такой диссертаціи отъ проф. Сумцова, который обыкновенно является піонеромъ въ различныхъ областяхъ нашей этнографіи и проливаетъ свѣтъ въ нетронутые ея закоулки.

[1]) При случаѣ поправляемъ описку г. Сумцова, который въ своей ссылкѣ (стр. 3) относитъ свое изслѣдованіе къ 1888-му, а не къ 1887-му году.

письменной и устной словесности другихъ народовъ. Такимъ образомъ изслѣдователь коснулся семнадцати сюжетовъ: 1) Странствованіе церкви или иконы изъ одного мѣста въ другое; 2) Сверхъестественное огражденіе малороссовъ во время татарскаго нашествія; 3) Кара Божья, постигающая татаръ за порчу иконы; 4) Построеніе монастырей и церквей на мѣстахъ побѣды надъ врагами; 5) Сверхъестественное покровительство малороссамъ въ борьбѣ съ турками и поляками; 6) Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор[ов]скаго въ епископы; 7) Случай при постриженіи въ монашество Ипатія Потѣя; 8) Оскорбленіе церкви или иконы иновѣрцами или безбожниками (собственно это тотъ же сюжетъ, что и въ № 3); 9) Самовозгараніе церковныхъ свѣчей; 10) Погребеніе въ церкви грѣшнаго человѣка; 11) Оскорбленіе духовныхъ лицъ и наказаніе обидчиковъ; 12) Разрѣшеніе проклятаго самозванца; 13) Малорусскія иконы кисти св. евангелиста Луки; 14) Плачущія иконы; 15) Измѣненіе цвѣта лика пр. Богородицы на иконахъ 16) Отяжелѣніе иконы, которую желаютъ увезти еретики (срв. № 1) и 17) Животныя (лошади и волы) чувствуютъ близость чудотворныхъ иконъ.

Въ виду новизны и трудности задачи, неудивительно, что въ статьѣ почтеннаго ученаго можно указать нѣкоторые пропуски.

Считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько, быть можетъ, полезныхъ дополненій по памятникамъ XVI—XVII вѣка. Такъ, замѣтимъ, что, извлекая чудеса, сообщенныя въ „Перестороѓѣ“, (изд. въ „Актахъ, относ. къ исторіи Запад. Россіи“, т. IV), проф. Сумцовъ забываетъ взять изъ той же „Перестороги“, указаніе на одно такое чудо, которое наиболѣе было извѣстно на Украинѣ, въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка, а именно: когда на Берестейскомъ соборѣ 1596-го года Михаилъ Рогоза, Потій, Терлецкій и другіе отступники „зъ бискупами римскими згоду свою (т. е. унію) учинили“ и вздумали сообща служить обѣдню, то „Богъ отринулъ ихъ оффру“, и вино въ чашахъ уніатскихъ владыкъ превратилось въ воду, такъ что пришлось для окончанія литургіи налить другого вина въ другую чашу

(см. „Акты, отн. къ ист. З. Росс." IV, 214). Авторъ „Перестороги, который не мало черпалъ изъ посланій Іоанна Вышенскаго, записалъ эту легенду; вѣроятнѣе всего, подъ вліяніемъ „Писанія ко утекшимъ отъ православнои вѣры епископомъ" (изд. въ „Актахъ Ю. и З. Россіи", т. II, стр. 245—251, новое изданіе проф. Сырку въ „Оправданіяхъ" къ III тому „Исторіи Аѳона" преосв. Порфирія Успенскаго, стр. 1014 и слѣд.), хотя, конечно, онъ зналъ эту легенду и раньше, безъ Вышенскаго. А Вышенскій поднялъ вопросъ объ этомъ чудѣ съ цѣлью опровергнуть возраженія Петра Скарги, который свою „Оборону Берестейского руского собору" (Вильно 1597) заключаетъ словами: „Puszczają (православные) y podmiatają kartelusze o cudach w Brześciu: iż się przy mszy wino w wodę odmieniło gdy jeden tam iezuita w cerkwi ś. Mikołaja służył". Potwarzy się tey nie wstydzą. Żaden tam jescze iezuita, ani kapłan Rzymski mszey nie miał; a jeśli się Grekowi, który w ten czas służył, to trafiło, iż w kielich miasto wina z omyłki wody nalał,—cuda żadnego nie masz: trafia się to y u pilnych y nabożnych. To cud, iż ludzie rozumni y chrześciańscy tak sprosne kłamstwo mowią, abo wierzyć śmieją (см. „Русс. Ист. Библ.", т. VII, стр. 1000—1001) [1]).

Въ дополненіе къ сказаніямъ „о странствованіи церкви или иконы" (№ 1) можно напомнить объ иконѣ Лѣсненской. Въ концѣ XVII в. въ православномъ селѣ Буковичахъ на Подлясьи пастухи нашли въ лѣсной чащѣ на вѣтвяхъ груши икону Богородицы, написанную на темнокрасномъ камнѣ. Икона была признана за чудотворную, была поставлена въ сельской церкви и творила чудеса. Однако, по разсказамъ католиковъ, православный храмъ оказался недостойнымъ для такой святыни, и потому

---

[1]) Въ своей рецензіи на „Івана Вишенського" доктора Ив. Франка („Кіев. Стар." 1895, окт., стр. 24) я доказывалъ, что Вишенскій пользовался книгой Скарги не въ польскомъ, а въ русскомъ изданіи; поэтому я допускаю нѣкоторую неточность, цитируя Скаргу по-польски, а не по-русски. Русское изданіе (перепечатка) должно войти въ новый томъ „Русск. Ист. Библ", который въ настоящую минуту, быть можетъ, уже и вышелъ въ свѣтъ и доступенъ для пользованія публикѣ; но для меня въ той дебри, гдѣ я нахожусь, онъ еще совершенно не доступенъ.

черезъ три года ангелы Господни перенесли ее ночью передъ разсвѣтомъ изъ Буковичей въ Лѣсно, въ новоотстроенный храмъ-костелъ; это видѣли три мѣстныхъ жителя. Лѣсненскій ксендзъ сталъ записывать чудеса въ особую книгу, и за одно время его настоятельства ихъ оказалось пятьсотъ. Въ протоколѣ 24 ноября 1700-го года икона даже оффиціально была признана за чудотворную. Въ настоящее время она принадлежитъ православнымъ (подробная исторія сообщена въ брошюрѣ Холмскаго Богородицкаго братства: „Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси“ В. Т. М-ча. Варш. 1883 г. Рецензія въ „кіев. стар.“ 1883, сент.—окт., стр. 294—297).—Къ этому же циклу сказаній относится современная полтавская легенда о царскихъ вратахъ, скрывшихся на днѣ колодца вблизи села Хорошекъ кобелякскаго уѣзда („Зоря“ 1895, стр. 356: „Чудодійна криниця„г. Коваленка. Въ статьѣ этой, замѣтимъ кстати, есть новыя свѣдѣнія о нѣсколькихъ чудотворныхъ колодцахъ, но наиболѣе обстоятельный разсказъ, т. е. о криницѣ Лубенской, совсѣмъ не новъ, —см. старую статью А. Лоначевскаго во II т. „Записокъ Юго-Зап. отдѣла за 1873-й годъ“, стр. 130—134 и статью Ор. Левицкаго въ „Кіев. старинѣ“ 1883, № 9—10, стр. 301—309).—У Ст. Руданскаго есть литературная обработка Подольской легенды о церкви, которая скрылась отъ черта подъ землею и выходитъ на свѣтъ только „на Велыкдень до зори“ („Творы“, т. II. Львовъ 1896, стр. 50—51; тоже въ „Зори“ 1895, стр. 347.)

Сюжетъ № 12 у г. Сумцова—„Разрѣшеніе проклятаго самозванца“: тѣло самозванца не могло разложиться, пока проклятія не снялъ Петръ Могила. Въ старинныхъ памятникахъ проф. Сумцовъ этой легенды не нашелъ и приводитъ ее по новѣйшему разсказу Думитрашка: „Заклятый“ (въ Истор. Вѣстн.“ 1880, сент., 46). Я тоже не вспоминаю, чтобы въ старинной нашей литературѣ былъ записанъ такой случай, пріуроченный къ имени Петра Могилы, но вспоминаю аналогичныя, въ „Палинодіи“ Захаріи Копыстенскаго (1621-го года). „Блаженной памяти патріархъ Антіохійскій Іоакимъ, подъ часъ бытности своей въ коронѣ Полской року 1579 во Львовѣ, отлучилъ былъ отъ

церкве священника именемъ Григоріа, прозвискомъ Горбачевскаго, за нѣкоторыи ексцессы, а меновите: же учинивши первѣй обѣтъ Богу и чернцемъ зоставши, присягу зламалъ, оженился и священникомъ зосталъ. Той, року 1589, въ лѣтъ по томъ отлученю и завязаню десятъ, въ Львовѣ умеръ и погребенъ былъ на цментару церкве брацкой, Успенія Пречистои Дѣвы Богородици, въ мѣстѣ. Въ лѣто по томъ погребѣ его тр (етье), то есть року 1591, подъ часъ разбираня той церкви, гды были фундаменты на заложеніе теперь поднесенной церкви копаны, откопана была съ припадку и тая яма, въкъ оторой той священникъ лежалъ. Зъ которого кгды ся дощка верхняя зъ труны зсунула, обачено было тѣло надутое якъ мѣхъ, твердое якъ камень, очернѣлое якъ уголь (на полѣ прибавлено: „Бойся, кождый гвалтовнику, поприсягненой обѣтницы живота иноческаго!“). Людъ посполитый, духовный и свѣцкій, которыи о той на немъ палой екскоммуникаціи албо отлученю отъ церкве вѣдали, зъ политованьемъ велце сь тому дивовали. И мусѣлъ быти таковый же закопанъ, ажъ братнимъ политованьемъ порушоний мужъ подобный, книжный, именемъ Сімеонъ Горбачевскій, працы ся поднялъ, до Константинополя шолъ и блаженной памяти отцу Іереміи, на тотъ часъ патріарсѣ Константинопольскому, о томъ ознаймилъ, отъ которого одержалъ листъ разрѣшалный. И кгды по первомъ откопаню немаль въ лѣтъ полтора зась былъ откопанъ и таковый же найденъ,—листъ той разрѣшалный надъ нимъ былъ прочитанъ [1]), и заразъ въ колко дній тѣло надутое опало и въ порахъ ся обернуло“ („Русск. Истор. Библ.“, т. IV, стр. 470—471). Тотъ же Захарія Копыстенскій самъ приводитъ параллельныя греческія сказанія о томъ, какъ „отъ патріарховъ нашихъ христіанскихъ звязаныи тѣла згнити не могутъ, але ся одымаютъ, твердѣютъ, чорнѣютъ и такъ, якъ мѣхъ надутый, лежатъ поты, ажъ будутъ отъ тыхъ же владзою, имъ отъ Бога данною, розвязаны“, послѣ чего, конечно, „въ порохъ ся обертаютъ“ („Русск. Ист. Библ.“, IV, 471—475); ссылки у

[1]) Здѣсь я измѣняю пунктуацію издателей, такъ-какъ ставить точку послѣ „найденъ“ и начинать словомъ „Листъ“ новую фразу—едва ли возможно.

Копыстенскаго дѣлаются на „Турко-Грецію“, Мартина Крузія „зъ Ѳедосія Зигомалы.“ Вообще надо замѣтить, что въ „Палинодіи“ сообщено всякихъ чудесъ немало, но въ большинствѣ случаевъ они относятся не къ Малороссіи, а къ Греціи. Таковъ, напр., разсказъ объ обвалѣ церкви въ Аѳонской лаврѣ именно въ ту минуту, когда на литургіи былъ помянутъ папа Римскій („Р. Ист. Б.“ IV, 1020) [1]); разсказъ этотъ одинаково подходилъ бы къ Сумцовскому циклу № 3 и къ циклу № 8.

Сказаніе № 6 („Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор(ов)скаго въ епископы“) взято проф. Сумцовымъ изъ „Пересотроги“ (которую, замѣтимъ въ скобкахъ, онъ неправильно относитъ къ 1600—1605 годамъ). При посвященіи этого будущаго уніата „Богъ чудо показалъ, же при звоненію къ службѣ Божей порвалъ его духъ нечистый и кинулъ, и такъ ницъ лежалъ безъ памяти черезъ всю божественную службу“ („Акты Зап. Росс.“, IV, №149). Я добавляю, что дальнѣйшую стадію развитія этой легенды мы видимъ во „Ѳриносѣ“ Мелетія Смотрицкаго (Вильно 1610), именно въ томъ интересномъ мѣстѣ, гдѣ Мелетій влагаетъ въ уста Восточной Церкви обращеніе къ Потѣю и выставляетъ на видъ чудесныя наказанія Божьи, постигшія каждаго изъ уніатскихъ владыкъ (стр. 75—76). По Мелетіевымъ словамъ, Германа (въ мірѣ—Григорка) Загоровскаго, этого „mało nie przednieyszego tey waszey uneiy forytarza, sprawidliwym sądem Pańskim ieszcze za żywota zły duch *częstokroć* y przy samym nabożeństwa przezeń odprawowaniu z niezmiernym wszystkich tam będących ludzi postrachem po cerkwi *tam y sam* srodze-straszliwie *rzucał* y zaczętey przezeń liturgiey aż y do samey śmierci skończyć *nigdy* nie dopuścił“. Какъ видимъ изъ подчеркнутыхъ мною мѣстъ, fama crescit eundo.—Здѣсь же я считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе: по вопросу о времени написанія „Пересотроги“. Проф. Сумцовъ (слѣдуя, значитъ, мнѣнію А. Н. Попова) относитъ ее къ 1600—1605 гг. а галичанинъ А. Петрушевичъ считаетъ авторомъ „Пересотроги“ Михаила Гунашевича, который родился не раньше 1610-го года,

[1]) Этотъ же разсказъ есть и у Вышенскаго въ его „Цисаніи къ утекшимъ отъ православнои вѣры епископомъ“.

а въ 1647-мъ году былъ посвященъ въ иподіаконы во Львовѣ (Ант. Петрушевичъ: „Сводная гал.-р. лѣт. 1600—1700 г.“, Львовъ 1874, стр. 7). Петрушевичъ опирается только на очень шаткія данныя палеографическія, и приведенная нами цитата изъ Ѳриноса, думаемъ, ясно свидѣтельствуетъ, что „Пересторога“ писалась раньше Ѳриноса, т. е. раньше 1610-го года [1]); если мы сверхъ того обратимъ вниманіе, что авторъ, говоря много о князѣ Острожскомъ, нигдѣ не называетъ его мертвымъ, то получимъ извѣстное основаніе думать, что „Пересторога“ составлена раньше 1608-го года. Но считать для нея возможнымъ временемъ написанія даже промежутокъ между 1600-мъ и 1605-мъ годомъ—раньше нельзя: авторъ ссылается на уніатское изданіе „Посольство Мисаила къ папѣ Сикству IV“, а оно напечатано въ 1605-мъ году. Слѣдовательно, „Пересторога“ составлена между 1605-мъ и 1608-мъ годомъ.

Чтобы закончить замѣтку, сдѣлаемъ еще одно дополненіе не частнаго, а общаго характера. Д-ръ Иванъ Франко въ своей прекрасной диссертаціи о Вышенскомъ [2]) разсыпаетъ множество подобныхъ замѣчаній историческаго и историко-литературнаго характера. Между прочимъ, коснувшись сообщенной у Вышенскаго легенды объ Аѳонскомъ чудѣ временъ Михаила Палеолога, д—ръ Франко выставилъ нѣкоторыя соображенія, которыя я

[1]) Существуетъ указаніе (Вишневскаго: „Hist. liter. polsk.“. Крак. 1840 — 1857, т. VIII, стр. 293), что впервые Ѳриносъ былъ изданъ не въ 1610-мъ, а въ 1596-мъ году. Голубевъ („Библіографич. замѣчанія“, К. 1876, стр. 4.) считаетъ указаніе Вишневскаго не несомнѣннымъ. Но если первое изданіе Ѳриноса и существуетъ, то въ немъ во всякомъ случаѣ нѣтъ тѣхъ посмертныхъ подробностей о Загоровскомъ, какія есть въ изданіи 1610-го года, потому-что въ 1596-мъ году тотъ былъ живъ.

[2]) Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Кіевской Старины“ за 1895-й годъ я посвятилъ диссертаціи моего уважаемаго друга особую статью, въ которой доказывалъ, что многія изъ его гипотезъ не могутъ быть окончательно приняты. За эту статью я получилъ достаточно укоровъ (между прочимъ отъ очень авторитетныхъ лицъ): я-де выставилъ на видъ только недостатки работы д-ра Франка, а не упомянулъ о ея солидныхъ достоинствахъ. Упреки эти основаны на чистомъ недоразумѣніи: статья моя вызвана была желаніемъ указать д-ру Франку тѣ пункты, на которые ему полезно будетъ обратить вниманіе при второмъ изданіи своей книги (а второе изданіе обѣщано было самимъ авторомъ), и я раза три повторилъ въ статьѣ, что она не должна быть принимаема за разборъ цѣлой диссертаціи.

считаю не лишнимъ привесть здѣсь цѣликомъ (въ переводѣ съ малорусскаго), какъ библіографическое дополненіе къ статьѣ проф. Сумцова. „Эта легенда, равно какъ и упреки Вышенскаго, направленные къ владыкамъ за то, что они не вѣрятъ чудесамъ въ родѣ Берестейскаго и Аѳонскаго, интересны для насъ, какъ одно изъ проявленій довольно новаго у насъ и сильнаго направленія, которое начинаетъ заявлять себя въ нашей литературѣ въ концѣ XVI вѣка, а въ XVII вѣкѣ доходитъ до вершины своего развитія. Я здѣсь имѣю въ виду эпидемическую наклонность къ чудесному, которую замѣчаемъ у насъ въ XVII вѣкѣ во всѣхъ слояхъ общества, безразлично—у духовныхъ ли или свѣтскихъ, у простыхъ или по-тогдашнему высокообразованныхъ (Евлашевскій[1]), Петръ Могила, Галятовскій, Барановичъ и друг.). Конечно, вѣра въ чудеса существовала у насъ и прежде, начиная отъ временъ введенія христіанства, и была неразрывно связана съ самой религіей. У нашихъ писателей и лѣтописцевъ встрѣчаемъ много записей о чудесныхъ случаяхъ, вѣщихъ снахъ, пророчествахъ, знаменіяхъ и т. п. Но у нихъ чудесное является спорадически и, очевидно, не играетъ важной роли среди общества, въ которомъ и для котораго пишутъ тѣ авторы; можно думать даже, что тѣ чудесные случаи были не разъ скорѣе только выраженіемъ особенной точки зрѣнія набожныхъ авторовъ-монаховъ, чѣмъ предметомъ живой вѣры всего общества. Но въ концѣ 16-го вѣка наступаетъ значительная перемѣна. По иниціативѣ общества западно-европейскаго, особенно же нѣмецкаго и польскаго, овладѣваетъ понемногу и нашимъ южнорусскимъ обществомъ какой-то духъ мистическій, какая-то общая наклонность вѣрить въ чудеса и видѣть чудеса, какая-то потребность въ чудесномъ на каждомъ шагу. Припомнимъ только, какую большую роль играли чудеса, явленія чертей и ангеловъ въ жизни Лютера, Мюнцера и анабаптистовъ. Пробужденное реформаці-

[1]) Франко, конечно, имѣетъ въ виду его дневникъ 1564—1604 г., изданный В. Б. Антоновичемъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1886, янв. Дневникъ этотъ (авторъ былъ даже кальвинистъ) свидѣтельствуетъ даже о сильнѣйшемъ развитіи вѣры въ чудесное въ XVI вѣкѣ.; для исторіи религіозныхъ сказаній онъ матеріаловъ еще не заключаетъ.

онной проповѣдью въ массахъ народныхъ чувство доходило до экстаза, до видѣній и до вѣщунства. Чудеса перестали быть привилегіей избранныхъ и святыхъ: теперь едва ли не каждый могъ видѣть, а то и творить ихъ. Этому общему настроенію соотвѣтствовала и литература. Тысячи рукописныхъ и печатныхъ свитковъ и листковъ распространяли вѣсть о новомъ чудѣ, разсказывали прозой и стихами о явленіи святого во снѣ, о появленіи иконы, о чудесномъ исцѣленіи больныхъ. Массами стекался народъ въ такія мѣста. Со временемъ стали собирать такіе листки, записки и преданія, потянулся длинный рядъ т. н. Mirakelbücher, начатки которыхъ въ Германіи восходятъ еще къ среднимъ вѣкамъ, но на которыя у насъ пришла мода собственно ужъ въ XVII столѣтіи. Вышенскій былъ однимъ изъ первыхъ, почувствовавшихъ эту струю [1]). Въ введеніи къ повѣсти о нападеніи латинянъ на Аѳонъ онъ съ удареніемъ подчеркиваетъ потребность вѣрить въ чудеса,—не только въ тѣ, прежнія, сообщенныя въ священномъ писаніи и въ житіяхъ, но и въ новыя, современныя, въ которыхъ точно также проявляетъ себя сила и правда Божья. Да и самъ онъ въ первомъ [2]) своемъ произведеніи является однимъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ повѣствователей о такихъ современныхъ чудесахъ, сообщая объ обрѣтеніи тѣла Варлаама Охридскаго... Послѣ того грамотная наша публика почти два столѣтія удовлетворялась чтеніемъ своихъ собственныхъ Mirakelbuch'овъ въ родѣ „Тератургемы“ Кальнофойскаго, „Неба новаго“ Галятовскаго, „Огородка“ Радивиловскаго, „Перла многоцѣннаго“ Транквилліона, „Phoenix“а Суши, (1685), а то и громаднаго сборника чудесъ, изданнаго съ 1672 году въ Мюнхенѣ іезуитомъ Гумпенбергомъ подъ заглавіемъ: „Atlas Marianus“, куда вошли также многочисленныя описанія чудесныхъ иконъ литоворусскихъ (Stebelski: Dwa wielkie światła, I, XXXII). Въ 17-мъ вѣкѣ чудеса появляются на

---

[1]) Преувеличено. Евлашевскій жилъ нѣсколько раньше Вышенскаго, а у него крайняя вѣра въ чудесное господствуетъ во всей силѣ.

[2]) Авторъ считаетъ „Новину“ первымъ произведеніемъ Вышенскаго. Согласиться съ этимъ невозможно, и я на это ужъ указывалъ въ своей статьѣ. Самое авторство Вышенскаго по отношенію къ „Новинѣ“ подлежитъ сомнѣнію.

нашей Украинѣ цѣлыми кучами (у Франка: „чередамы“) одновременно съ каждымъ бо́льшимъ общественнымъ бѣдствіемъ, пропитываютъ собою всю духовную атмосферу нашего народа, порождаютъ множество мѣстъ „видпустовыхъ“, около которыхъ нагромождается множество повѣстей, повѣрій, преданій, суевѣрій, а затѣмъ и пѣсенъ книжнаго или полукнижнаго склада, изъ которыхъ значительная часть впослѣдствіи собирается въ базиліанскомъ „Богогласникѣ“, чтобы отчасти сохранить свое значеніе и понынѣ“. (Ив. Фванко: „Иванъ Вышенськый“, Львивъ 1895, стр. 227 и сл.).

Съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ проф. Сумцова обстоятельнаго изслѣдованія по затронутому имъ предмету и будемъ очень довольны, если и наша замѣтка окажетъ ему хоть маленькую услугу въ его разборѣ.

А. Крымскій.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА[1].

(1817—1830 г.г.)

II. Письма Василія Васильевича Капниста[2].

(1818—1823 г.)

10. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйшую приношу вамъ благодарность за участіе, которое вы принимаете въ сынѣ моемъ.—Мы воспользуемся совѣтами вашими; но какъ бы исполненіе оныхъ нибыло благоуспѣшно, не будетъ онъ имѣть такъ добраго начальника, какъ вы были. Андрей Андреевичъ извѣщаетъ меня, что вы располагаете ѣхать къ какому то пріятелю вашему, а я прошу васъ для проведенія осени, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ предпочтеніе. Повѣрьте мнѣ, что Обуховское понравившееся вамъ мѣстоположеніе и лѣчебная Псольская вода были бы весьма полезны для вашего здоровья; сверхъ того, вы бы здѣлали посѣщеніемъ вашимъ чувствительнѣйшее одолженіе. Не откажите онаго истинно

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., іюнь, 344—368.

[2]) Василій Васильевичъ Капнистъ (р. 1757 † 1823) авторъ извѣстной комедіи прошлаго столѣтія *Ябеды* и немевѣе извѣстной оды *На рабство*. Печатаемыя письма относятся ко времени, когда В. В. Капнистъ, выйдя въ о ставку, поселился въ своей Обуховкѣ (при Пслѣ, Миргородск. уѣзда), былъ избранъ (1821 г.) губернскимъ маршаломъ Полтавскаго дворянства. См. о немъ статью Е. С. Некрасовой, *Артистъ* 1894 г., октябрь, № 42 (81—91) и ноябрь, № 43 (39—49). Здѣсь указана довольно полная библіографія Капниста.

почитающему васъ преданному вамъ и признательному, м. г. мой, вашему покорнѣйшему слугѣ Василію Капнисту.

1818 года, октября 1, Обуховка.

11. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы меня не забываете,—взаимно поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Пошли вамъ Богъ въ ономъ новаго здоровья, новыя отрады и всего, чего душа ваша желаетъ. Пожелалъ бы вамъ и важнѣйшаго чѣмъ все—спокойствія душевнаго, но вы не имѣете нужды въ таковомъ пожеланіи: вы находите предметъ онаго въ избранномъ вами тихомъ уединеніи, въ удаленіи отъ мірскихъ столичныхъ суетъ. Отъ всего сердца благодарю васъ за доброе ваше расположеніе къ молодому моему ефрейтору; больше всего радуетъ онъ меня тѣмъ, что старается заслуживать одобреніе почтенныхъ и достойно почтенныхъ людей. Съ частію молодого моего семейства и съ нимъ, провели мы первые четыре дни праздника у почтеннѣйшаго общаго благодѣтеля нашего Дмитрія Прокофьевича (Трощинскаго). Хвалимый вами танцоръ мой, которому вы пожелали отысканія боба въ пирожкѣ, танцовалъ, танцовалъ, что называется до положенія честныхъ ризъ...

Но ахъ!
Его такая доля,
Что щастье вѣтреныхъ не холя,
Въ пирожномъ чаще чѣмъ бобы,
Ему подноситъ лишь—грибы.

Боюсь, чтобъ на ваше доброхотное пожеланіе, не случичилось съ нимъ того-же теперь, хотя работалъ онъ до пота лица, какъ истинный труженникъ. Прошу совсѣмъ тѣмъ продолжать любить его, онъ будетъ тѣмъ для меня любимѣе. Благодарю васъ искренно за напоминовеніе обо мнѣ Ивану Ивановичу Дмитріеву; было время, что онъ былъ ко мнѣ весьма пріятельски расположенъ, но долговременное удаленіе могло меня привесть у него въ забвеніе; когда онъ музъ забылъ, то весьма легче позабыть старого ихъ волокиту; послѣднее извинительнѣе, но перваго трудно извинить. Если вамъ можно, то спросите у него:

Зачѣмъ, не только въ то лишь время,
Когда его тягчило бремя
Ѳемидиныхъ несносныхъ узъ
Отрекся онъ отъ милыхъ музъ,
И съ ними разорвалъ любезный,
Для всѣхъ питомцевъ ихъ полезный,
Скрѣпленный славою союзъ?
Но даже, посреди свободы,
Сестеръ Парнасскихъ хороводы
Его ужъ болѣ не манятъ?
Но пусть неблагодарный знаетъ,
Что хоть онъ ихъ и забываетъ,
Онѣ взаимно не хотятъ
Платить любимцу ихъ забвеньемъ
И съ нѣжнымъ дружескимъ терпѣньемъ,
Безсмертный лавръ ему хранятъ.

Признаюсь, что мнѣ очень досадно, что наши археологи не практикуютъ и даже бранятъ меня за дерзость, заставляющую премудраго Одиссея мореплавствовать около Крыма и переносящую сосѣднихъ Скиллу и Харибду изъ Месины въ Цареградскій проливъ, а Ѳеокію изъ Корсиры въ сосѣдство Ѳеодосіи. Я посылалъ старшого сына моего Семена въ Тавриду для лучшого освидѣтельствованія мѣстъ и онъ отыскалъ на указанномъ мною мѣстѣ развалины Алкиноевой столицы, каменный корабль ея и прочая, и прочая. Я намѣренъ будущимъ лѣтомъ поѣхать для повѣрки. Но до того вижу, что пора окончитъ длинное письмо мое искреннимъ удостовѣреніемъ въ отличномъ моемъ къ вамъ почтеніи и душевною преданностію, съ которыми пребуду навсегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1823 года, генваря 7 дня. Обуховка.

12. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы меня не забываете и напомнили обо мнѣ забывшему можетъ быть старому пріятелю моему, хотя и заблаговременно увѣренъ, что стихи мои не подвигнутъ его возобновить союзъ съ музами, забытыми

неблагодарнымъ ихъ любимцемъ. Не знаю удастся ли мнѣ повѣрить глазами изыскиваемые мною предметы, ибо старость дѣлаетъ меня неспособнымъ къ новымъ подвигамъ и заставляетъ меня думать, что я не долженъ отлучаться отъ любимаго мѣста въ Обуховской палестинѣ, надъ украшеніемъ котораго и съ началомъ сей весны тружусь, желая увѣковѣчить въ ономъ пребываніе мое. Опасаюсь отлучаться вдаль, чтобы паче чаянія не отлучиться изъ него на весьма долговременный и неопредѣленный срокъ. Радуюсь, слыша, что вы въ скромномъ уединеніи вашемъ здоровы, желаю продолженія и впередъ. О себѣ сказать вамъ ничего пріятнаго не могу и для того рѣшаюсь молчать, ибо весьма непріятно сообщать непріятности любящимъ насъ людямъ. Прощайте! Искренно благодарю васъ за благосклонность вашу къ моему молодому солдату, это дѣлаетъ ему въ глазахъ моихъ великую рекомендацію. Прощайте! будьте здоровы и для преуспѣванія въ добромъ здоровьѣ, не подражайте моей сидячей или лучше сказать лежачей жизни, этимъ дадите вы мнѣ надежду видѣть васъ въ нашей округѣ, а можетъ быть и въ уединенномъ моемъ жилищѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду на всегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василіи Капнистъ.

1823 г., октября 10 дня. Обуховка.

13. М. г. Иванъ Романовичъ!

Благодарю васъ искреннѣйше за напоминовеніе обо мнѣ почтенному общему нашему знакомому. Мнѣ кажется, что музы весьма необдуманно поступили, выбравъ васъ, дѣятельнаго человѣка, меркуріемъ между двухъ парнасскихъ лѣнивцовъ. Вы похожи на гласъ вопіющій въ пустынѣ—уготовайте путь, а никто и не пошевелится. Я таки кое какъ подметаю пыль на дорогѣ, а почтенный Аполлоновъ и Ѳемидинъ клевретъ не возлетитъ на Апиру, чтобъ угладить просѣки, ведущія къ Парнасу. Благодарю васъ, что вы меня, лѣнтяя, не забываете и любите ефрейтора моего. Вѣрьте, что мнѣ всегда пріятно помнить васъ, но жалѣю что вы такъ далеко избрали келью себѣ отъ береговъ Исла. Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду

навсегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1823 г., іюня 23 дня. Обуховка.

III. Письма Данила Михайловича Велланскаго [1]).

(1818—1819 г.)

14. М. г. Иванъ Романовичъ.

Письмо ваше отъ 3-го получилъ я 25-го прошлаго іюня. Сердечно я возрадовался, извѣстясь чрезъ оное, что вы еще существуете съ нами въ семъ мірѣ! Между несмѣтными обитателями нашей планеты, немногіе находятся съ твердой правотой духа, чистою ясностію ума и благимъ расположеніемъ характера. Таковые только человѣцы составляютъ истинное сокровище земли, для котораго она и сотворена во Вселенной; и потеря таковаго одного должна быть гораздо важнѣе потери многихъ, неимѣющихъ надлежащаго человѣческаго свойства. Господинъ Тишевскій, принимая только искреннее участіе въ направленіи вашего здравія, доказываетъ доброту своего духа, ибо по психическому закону природы, истинная любовь и дружба находится только между равными въ душевномъ расположеніи. Ваша болѣзнь нервнаго свойства и которая конечно можетъ зависить и отъ солитера; но злой и упорный гостъ не уступаетъ легкимъ средствамъ, а сильныя лекарства можетъ быть противны вашему чувствительному сложенію. Упорные солитеры безъ сильныхъ проносныхъ не изгоняются, и хотя находится множество

---

[1]) Данило Михайловичъ Велланскій (1774†1847), сынъ Борзенскаго мѣщанина (Черниговск. губ.) Михаила Кавунника, усвоившій затѣмъ себѣ фамилію Велланскаго (отъ слова *vaillant*), учился въ Кіевской академіи, а затѣмъ за границей. Тамъ онъ изучалъ науки врачебныя и естественныя подъ вліяніемъ идей школы натуръ-философовъ. Въ Германіи онъ слушалъ курсы у Шеллинга (вмѣстѣ съ Океномъ) и Стефана. Вернувшись на родину, В. былъ профессоромъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ около 20-ти лѣтъ читалъ лекціи по физіологіи и патіологіи. Біографическія свѣдѣнія о В-мъ и перечень его сочиненій въ Русск. Вѣстн. 1867 г., ноябрь, статья Н. Розонова. О В-мъ, какъ натуръ-философѣ и послѣдователѣ Шеллинга, см. Русск. Богатство 1894 г., № 3, *Судьбы русской философіи*, М. Филиппова.

противуглистныхъ лѣкарствъ, но всѣ они употребляются вмѣстѣ съ приносными. Господину Тишевскому извѣстны противуглистныя средства, и я для споспѣшествованія вашему здоровью, представляю здѣсь нѣкоторые изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ противъ солитера, равно какъ помѣщаю здѣсь рецептъ для спирта и ароматныхъ травъ, которыя вы употребляли въ Петербургѣ. Книга моя *О животномъ магнитизмѣ* будетъ отпечатана слѣдующаго августа первыхъ чиселъ; и прошу увѣдомить меня, куда къ вамъ прислать оную? Г. Ярославцевъ ко мнѣ еще не являлся. Я не помню его и не знаю его лично. Но я вамъ пошлю 2 экземпляра *О животномъ магнитизмѣ* и 2 экземпляра *О свѣтѣ и теплотѣ*. Критика моя противъ Шуберта, *О солнцѣ и свѣтѣ*, напечатана въ Московскомъ Вѣстникѣ Европы на 1814 годъ, въ маіѣ мѣсяцѣ, и я оной у себя не имѣю. Недавно пріѣхалъ въ Полтаву родной мой братъ Матвѣй Велланскій, опредѣленный дивизіоннымъ врачемъ въ 26 пѣхотную дивизію, и котораго покорнѣйше прошу васъ почтить вашимъ знакомствомъ! Въ Полтаву буду я посылать нѣсколько книгъ, съ которыми вмѣстѣ, ежели прикажите, доставлю и вамъ къ слѣдующему сентябрю. Книга будетъ самая любопытная для каждаго грамотнаго. Изъ многихъ мѣстъ Россіи подписались на оную до 250 экземпляровъ. Я хотѣлъ отпечатать ее прошлую зиму, но не могъ, по другимъ занятіямъ и обстоятельствамъ, и жалѣю, что многіе, прославши мнѣ деньги на книгу, ожидаютъ оной долѣе осьми мѣсяцевъ! Ивану Алексѣевичу г. Тишевскому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и признательность за доброе его ко мнѣ расположеніе, которое потому не можетъ быть ложнымъ, что не происходитъ отъ личнаго часто обманчиваго знакомства, а протекаетъ отъ согласія его понятій съ моими идіями (sic). Весьма немногіе изъ старыхъ врачей читаютъ мои сочиненія; и я еще не знаю не одного, который бы понималъ оныя. Напротивъ того, многіе изъ молодыхъ лѣкарей весьма занимаются оными. Студенты здѣшней академіи восхищаются физіологическими моими лекціями гораздо болѣе, нежели Петербурская публика театральными представленіями; и сіе служитъ мнѣ главнымъ вознагражденіемъ за мои

непріятности и вредъ, оказываемыя мнѣ учеными невѣжами. Теперь господствуетъ двѣ секты, такъ называемаго просвѣщенія: одна состоитъ изъ французскаго пустословія, которымъ научаются, какъ обманывать простой народъ, то есть русскихъ бояръ; а двугая—массонская мистика, которая приняла на себя ложный видъ благочестія и занимаетъ людей склонныхъ къ сумашествію. Пожелавъ вамъ здравія въ пріятной жизни, остаюсь искренно любящій васъ Данила Велланскій.

4 іюль, 1818. С.Петербургъ.

15. М. г. Иванъ Романовичъ!

Прошлаго года, въ сентябрѣ, ѣхалъ изъ Петербурга въ Полтаву служащій здѣсь на статской службѣ нѣкто Ковалевскій, изъ дворянъ Полтавской губерніи. Онъ самъ предложилъ мнѣ услугу доставить вамъ книги, которыя намѣривался я послать чрезъ почту, ибо онъ, служивши подъ вашимъ начальствомъ, знаетъ васъ лично. При такомъ случаѣ я не усумнился поручить знакомому и мнѣ г. Ковалевскому пакетъ съ двумя книгами—*О животномъ магнитизмѣ*, для доставленія вамъ, въ Полтаву. На пакетѣ надписалъ я: буде вы въ Полтавѣ не находитесь, то поручить книги г. Тишевскому, который бы доставилъ вамъ оныя, куда онъ знаетъ. Сверхъ того, послалъ я чрезъ г. Ковалевскаго нѣсколько, книгъ брату моему Матвѣю Велланскому, дивизіонному доктору 26-ой пѣхотной дивизіи, квартирующей въ Полтавѣ. Въ концѣ октября прошлаго года получилъ я отъ васъ записочку изъ Пирятина, гдѣ вы упомянули, чтобы я вамъ прислалъ туда книги. Но я, будучи въ надеждѣ, что книги посланныя въ Полтаву пришлются къ вамъ въ Пирятинъ, не отвѣчалъ вамъ, ибо особенное письмо находилось къ вамъ при книгахъ. Не получая отъ васъ долгое время никакого отзыва, думалъ я, что причиною тому ваше разстроенное здравіе или другія какія обстоятельства. Въ концѣ прошедшего марта сего года встрѣтился я нечаянно, въ одномъ домѣ, съ г. Ковалевскимъ, который сказалъ мнѣ, что онъ былъ въ Полтавѣ, доставилъ книги моему брату, но узнавши, что васъ нѣтъ въ Полтавѣ и не прочитавши адресъ на пакетѣ, привезъ оный обратно въ Петербургъ. Сія вѣсть огорчила меня до крайности,

паче, что г. Ковалевскій возвратился въ Петербургъ еще въ декабрѣ, и три мѣсяца не далъ мнѣ никакого извѣстія! Не зная, гдѣ вы находитесь и куда къ вамъ адресоваться, послалъ я, въ первыхъ чиселъ истекшаго апрѣля, къ брату моему Велланскому, въ Полтаву, двѣ книги въ переплетѣ: одну, *О животномъ магнитизмѣ*, а другую, *О свѣтѣ и теплотѣ*, и написалъ, ему, чтобы онъ спросилъ у г. Тишневскаго, который ему очень знакомъ, о мѣстѣ вашего пребыванія и переслалъ бы къ вамъ оныя книги. Между тѣмъ внерашній день, 4-го мая, получилъ я отъ васъ письмо изъ Кіева, въ которомъ вы изъявляете свое удивленіе о неприсылкѣ къ вамъ книгъ. Посему я сего дня, маія 5-го, спѣшу увѣдомить васъ о семъ обстоятельствѣ, и на сей же почтѣ пишу брату моему въ Полтаву, чтобы онъ, естли еще по незнанію о вашемъ мѣстопребываніи, не отправилъ къ вамъ книгъ, отослалъ бы оныя, какъ можно скоро, на имя ваше въ Кіевъ. Васъ-же, м. г. Иванъ Романовичъ, покорнѣйше прошу не вмѣнить сего обстоятельства моему нерадѣнію! Таковой поступокъ не сообразенъ съ правилами моей жизни и я бы оного никогда не могъ учинить съ вами, къ которому я имѣю истинное почтеніе, усерднѣйшую любовь и неограниченную преданность, съ каковыми навсегда пребудетъ вашъ покорнѣйшій слуга Данила Велланскій.

5 мая, 1819 года. С.П.Б.

IV. Письма Воронежскаго архіепископа Антонія Смирницкаго [1]).

(1826—1827 г.),

16. М. г. Иванъ Романовичъ!

Всеотраднѣйшее ваше для меня писаніе отъ 28-го мая, изображающее такъ живо и трогательно ваше поздравленіе съ

[1]) Преосв. Антоній, архіеп. Воронежскій и Задонскій, (р. 1773 † 1846) родомъ изъ с. Повстина Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи, былъ сынъ священника Гавріила Смирницкаго; учился онъ въ Кіевской академіи, принялъ монашество въ Печерской лаврѣ, которой потомъ былъ намѣстникомъ. Отсюда онъ былъ назначенъ епископомъ Воронежскимъ. См. *Жизнь преосв. Антонія, архіеп. Воронежскаго и Задонскаго*, Н. Савостьянова. Спб. 1895. въ 8 д. л. 270 стр.

прибытіемъ моимъ на паству, ваше дружеское благорасположеніе ко мнѣ, имѣлъ я удовольствіе получить и отъ всего сердца моего благодарю васъ за оное. Я нѣсколько лѣтъ, сряду, во святѣй Лаврѣ, пользуясь вашею личною бесѣдою для меня назидательною и усладительною, всегда былъ въ несомнительной надеждѣ, что вы и въ отсутствіи моемъ, посредствомъ пера не перестанете собесѣдовать со мною. И се! въ столь скоромъ времени вижу ясные опыты моей непогрѣшительной надежды. Вижу и съ радостію удостовѣряюсь, что я отъ Кіева не забвенъ! Тайна судебъ божіихъ о мнѣ преосвященнѣйшимъ Евгеніемъ вамъ сообщенная, до сего времени и мнѣ была неизвѣстна; потому я вамъ въ ней и не открывался. Теперь узнавши чрезъ васъ о ней, болѣе и болѣе обязанъ внимать званію и избранію своему, съ трепетомъ спасеніе свое содѣлывать, а въ прочемъ ничто мною никогда отъ васъ скрываемо не было. Не могу скрыть и нынѣшняго моего сѣтованія о разлукѣ моей съ Лаврой, къ которой я приверженъ отъ юности моей. Не притворно, но истинно, что чувствую то и пишу: что еслибы сіе отъ меня зависѣло, то нынѣшнее мое епископство не только на намѣстничество Лаврское, но на привратничество святыя небеси подобныя Кіево-Печерскія Лавры охотно промѣнилъ. Я теперь, находясь внѣ ея, несравненно лучше имѣю понятіе о ней, гораздо больше прежняго усердіе и уваженіе имѣю къ ней По пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ, я по внутренности моей ощутилъ въ себѣ сильную въ здравьи моемъ перемѣну. Послѣ простуды въ путешествіе мое полученной, открылись во мнѣ мучительные ревматизмы въ спинѣ, ногахъ, а болѣе въ ногахъ. Я и теперь, по причинѣ несносной болѣзни чувствуемой въ ногахъ, съ великой трудностію по комнатѣ пройти могу. Вотъ какое мое епископство! Обождавъ не много, если и далѣе мои обстоятельства не перемѣнятся, то принужденъ буду у преосвященнѣйшаго Евгенія просить совѣта: какимъ образомъ безъ оскорбленія начальства, можно мнѣ увольниться отъ управленія епархіей. Остановка могущая случиться въ теченіи епаршескихъ дѣлъ по причинѣ болѣзни моей для меня несноснѣе всякой болѣзни. Если угодно будетъ вамъ доставить мнѣ трудовъ вашихъ

садоводство, то извольте поручить посылку сію вмѣстѣ съ письмомъ отцу Авксентію; онъ съ Воронежскими богомольцами, которыхъ теперь въ Кіевѣ немало, не умедлитъ мнѣ прислать. Жалѣю, чтъ и вы нездоровы. Часто посѣщайте лекарей: Агапита, Пимена, Ипатія, Даміана и о моихъ болѣзняхъ ихъ извѣстите. Поручая себя вашей памяти о мнѣ и дружеской вашей непреставной любви, съ моимъ къ вамъ искреннѣйшимъ благоуваженіемъ и душевною преданностію пока живъ, пребуду вамъ м. г., усерднѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Воронежъ. 15 іюня, 1826 г.

17. М. г. Иванъ Романовичъ!

Я непростительно виноватъ предъ вами, что по неаккуратности моей, по сіе время не отвѣчалъ вамъ на два пріятнѣйшія ваши писанія, въ прошедшемъ іюлѣ и третье, отъ 10 ноября, съ приложеннымъ садоводствомъ, мною полученныя. Не представляя вамъ въ оправданіе всего того, что могло мнѣ въ семъ препятствовать, яко преступникъ, милостиваго вашего прощенія прошу. Чѣмъ вамъ угодно, накажите меня за грѣхъ мой предъ вами, не наказывайте только молчаніемъ. Если бесѣда ваша дорога для меня была во время пребыванія моего въ подобной небеси Лаврѣ, то тѣмъ болѣе сладостна и полезна она по отшествіи моемъ изъ нея. Садоводство Иларіона я нѣсколско разъ прочитавъ съ душевнымъ моимъ удовольствіемъ и искренною признательностію къ новому садовнику, своимъ тщаніемъ полезнымъ для святой обители, неуступающему и образцовому эконому Ефрему, поставилъ себѣ за правило, руководствуясь онымъ заняться, если Богъ дастъ дождаться весны, заняться симъ сколько невиннымъ, столько и полезнымъ упражненіемъ. Оно столь ясно и обстоятельно изложено, что можно и неопытному съ пользою предпринять дѣло сіе. Здѣсь есть при загороднемъ архіерейскомъ дѣлѣ, въ близкомъ разстояніи отъ города, прекрасная роща, при которой для саду имѣются единственныя мѣста. Живъ ли отецъ протопопъ Августиновичъ? я къ нему одинъ разъ отвѣчалъ на два его пріятные ко мнѣ отзывы. Думаю, что онъ по приверженности своей ко мнѣ, извѣстясь о

моихъ здѣшнихъ непріятностяхъ, поскорбѣлъ душею; но сего для меня не довольно; я бы желалъ, чтобы онъ чаще ко мнѣ писалъ. Поздравляя васъ съ новымъ годомъ, нѣсколько уже протекшимъ, молю Господа сподобить васъ жительствуя въ столь благодатномъ мѣстѣ, съ приращеніемъ времени болѣе и болѣе преуспѣвать въ любви къ нему! Съ истиннѣйшимъ моимъ къ вамъ усердіемъ, любовію и почтеніемъ, пока живъ пребуду, м. г., вашего высокобларородія преданнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Генваря 24, 1827 г. Воронежъ.

18. М. г. Иванъ Романовичъ!

Почтеннѣйшее вашего высокоблагородія отъ 19 апрѣля писаніе, которымъ вы поздравляли съ праздникомъ Воскресенія Христова, съ душевнымъ моимъ удовольствіемъ получилъ и всеусерднѣйше благодарю васъ за оное. Вѣдая вашу слабость въ здоровьи, прошу васъ писать ко мнѣ тогда только, когда здоровье позволитъ. Я и самъ, и по немощамъ моимъ и по многочисленнымъ дѣламъ, скоро отвѣчать на получамые мною отзывы не въ состояніи. Теперь занимаюсь поправленіемъ ветхаго архіерейскаго дома, огромностію своею и Софійскому неуступающаго. Здѣсь имѣются три загородные развалившіеся домы, весьма худо обгороженные, окруженные впрочемъ прекрасными рощами и мѣстами къ садоводству удобными, которые также возобновляются. При сихъ я часто васъ вспоминаю, что вы келіи въ которой нынѣ обитаете, предполался немногими сотнями поправить, а начавши дѣло, нѣсколько тысячъ на сіе употребили. Теперь точно и со мною то случилось. Думалъ одни только необходимыя строенія поисправить, а прочее предоставить времени, но какъ при начатіи все ветхое рушилось, то и принужденъ теперь заняться житейскими попеченіями, которыхъ я и не предполагалъ. Впрочемъ и то меня немало утѣшаетъ, что здѣшніе жители во всемъ моемъ великое участіе пріемлютъ и по возможности успокоить меня стараются. Управившись съ починками, аще Господь восхощетъ и живъ буду, руководствуясь вашимъ садоводствомъ, предполагаю и обзаведеніемъ садовъ позаняться. Примѣчаніе ваше на счетъ служенія я практически выполняя, въ семъ вы-

полненіи съ приращеніемъ времени, болѣе пріятности и удовольствій нахожу Здѣсь пѣвшіе церковное ирмолойное пѣніе къ моей отрадѣ весьма хорошо выполняютъ. Похвалюсь вамъ отличнымъ усердіемъ и любовію отца протоіерея Августиновича ко мнѣ, который меня любезными своими писаніямя нерѣдко посѣщаетъ. Я ему совѣтую, не теряя времени, опредѣляться въ семинарію. Призывая на васъ Божіе благословеніе, съ искреннѣйшимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностію, всегда пребуду м. г. вашего высокоблагородія усерднѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій.

Мая 30, 1827 года. Воронежъ.

V. Письма архитектора Николая Ефимовича Ефимова [1]).

(1826—1827 г.)

19. М. г. и почтеннѣшій благодѣтель Иванъ Романовичъ! Никогда я не ощушалъ такой великой радости, какъ нынѣ, ибо по пріѣздѣ моемъ изъ Воскресенска, я прямо нашелъ у себя на столѣ пакетъ съ бумагами и письмомъ моего благодѣтеля. Сія ваша довѣренность и расположеніе ко мнѣ, совершенно вознаградили мнѣ то несчастіе, которое со мною случилось на дорогѣ. Представьте, Иванъ Романовичъ, я выѣхалъ ночью изъ Можайска, былъ выброшенъ изъ повозки такъ неосторожно, что чуть не лишился правой руки; однако же, славу Богу! нынѣ уже поправился, а потому благодарю Всемогущаго болѣе за то, что помощію его воли могу теперь писать правою рукою къ вамъ и благодарить васъ чувствительнѣйше за тѣ попеченія, которыми я такъ много пользовался, живши въ Кіевѣ. А потому усерднѣйше прошу васъ, Иванъ Романовичъ, доставьте

---

[1]) Николай Ефимовичъ Ефимовъ. (р. 1799†1851), архитекторъ, учился въ Спб. академіи художествъ. Въ 1896 году занимался составленіемъ плана возобновленія Десятинной церкви, для чего пріѣзжалъ въ Кіевъ и изучалъ остатки храма на мѣстѣ.

мнѣ случай показать вамъ на самомъ дѣлѣ мою чрезмѣрную благодарность, ибо сіе крайнимъ бы было моимъ утѣшеніемъ. Въ разсужденіи моихъ занятій, я осмѣливаюсь вамъ изъяснить, что я большую часть жилъ и занимался въ Воскресенскомъ монастырѣ, ибо тамъ я обязанъ былъ срисовать портретъ патріарха Никона и самый монастырь; теперь же живу въ Москвѣ, но въ теченіи полутора недѣли надѣюсь и въ оной всѣ дѣла мои покончить, и потомъ уже поѣду въ Звенигородъ, въ Новъгородъ и въ Петербургъ. Но не смотря на таковые скачки мои, я осмѣливаюсь надѣятся, что вы никогда не откажите мнѣ пользоваться вашими наставленіями и позволите отъ всюда прибѣгать къ вамъ, какъ наставнику моему, по важнѣйшимъ дѣламъ, ибо ваши наставленія столь сдѣлались для меня привычны, что я безъ оныхъ обходиться могу только съ величайшимъ трудомъ. Итакъ будте моимъ навсегда благодѣтелемъ и наставте того вашими полезнѣйшими наставленіями, который единственнымъ себѣ удовольствіемъ поставляетъ то, чтобы на всю мою жизнь быть къ вамъ съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершенѣйшею преданностію, вашего высокоблагородія, милостивѣйшаго г—ря и почтенѣйшаго благодѣтеля, всѣпокорнѣйшій слуга Николай Ефимовъ. Сіе мое письмо придетъ уже къ вамъ въ 1827 годѣ, а потому примите мое усердное поздравленіе съ новымъ годомъ. Я вамъ осмѣливаюсь пожелать того, чтобы вся ваша жизнь состояла въ такомъ великомъ удовольствіи, каковое вы изливали на меня, во время вашихъ со мною бесѣдъ. Примите сіе, это отъ души. Бумаги, присланныя ко мнѣ, не премину тотъ часъ представить Алексѣю Николаевичу Оленину, какъ только пріѣду въ Петербургъ. Извините, но не желалъ бы растаться съ сей бумагой, ибо съ каждымъ днемъ я не перестаю о васъ вспоминать и думать.

Декабря 29 дня. 1826 г. с. г. Москва.

Если что удостоете мнѣ препоручить, то до 12 генваря я живу въ Звенигородѣ, а до 24-го въ Новѣ-городѣ, а послѣ уже въ Петербургѣ.

20. М. г. почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, за рекомендацію и попеченіе объ мнѣ у высокопреосвященнѣйшаго владыки. Сія вѣсть столько меня обрадовала, что послѣ сего, если бы мои дѣла направили и худое теченіе, то и тогда бы я сказалъ съ восторгомъ: я былъ счастливъ, ибо съ помощію вашего расположенія и полезныхъ наставленій, удостоился по своимъ слабымъ трудамъ вниманія того человѣка, который есть одинъ изъ самыхъ высокихъ и просвѣщенныхъ особъ въ Россіи. И такъ, выразя сіе, недолжно объяснить, какое я чувствовалъ удовольствіе отъ прилежащихъ (sic) мнѣ трудовъ, препорученныхъ мнѣ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Кіевскимъ Евгеніемъ. Мнѣ же сіе легко будетъ самому исполнить, ибо я всѣ свои чертежи рѣшился выгравировать, а потому прошу васъ объ одномъ только—увѣдомите меня, какъ вамъ оныя отсылать, частями или уже по окончаніи всѣ вообще?-сіе зависитъ отъ вашего распоряженія. 1 апрѣля я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно выполнилъ ваши препорученія: первое, вручилъ письмо и посылку Ивану Петровичу. Сіе препорученіе доставило мнѣ нѣсколько минутъ пріятныхъ, во время бесѣды съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Петровичемъ, Василіемъ Ивановичемъ Григоровичемъ и прочими особами, принадлежащими къ семейству его превосходительства; всѣ съ жадностію слушали все то, что я разсказывалъ о васъ и многіе мнѣ завидовали о семъ счастіи. 2-е, нѣсколько спустя, я представилъ тѣ описанія ваши, которыя были ко мнѣ доставлены въ Москву-г. президенту; его превосходительство съ большимъ любопытствомъ оныя прочитавъ, сказалъ мнѣ, что нехудо имѣть хотя маленькій кусочекъ отъ тамошней мастики и хотѣлъ о семъ написать письмо къ своему родственнику, въ той губерніи находящемуся. Какое будетъ дѣйствіе я сообщу подробно, а теперь скажу нѣсколько о себѣ. Съ помощію непріятныхъ и несправедливыхъ интригъ противъ меня господъ Анненкова и Лохвицкаго, мои дѣла на счетъ Десятинной церкви кончились такъ сказать ничѣмъ, ибо президентъ и мой благодѣтель былъ безпрестанно обезпокоиванъ раз-

ными несправедливыми на меня доносами, не могъ имѣть удобнаго случая представить мой ресторированный проэктъ Десятинной церкви на всемъ ея пространствѣ, во всемилостивѣйшее вниманіе императора, а потому государь ни видавъ онаго, повелѣть соизволилъ г. архітектору Стасову для постройки церкви г. Анненкову составить проэктъ, который вы сами въ скорости увидите. Составленный проэктъ не на всемъ пространствѣ фундаментовъ, сдѣланъ во вкусѣ древней Россійской архитектуры, принадлежащей къ 16-му и 17-му столѣтіямъ. И такъ мой, ресторированный точно по вашимъ словамъ, сдѣлался бумажнымъ[1]) и недѣйствительнымъ. Не ожидая такого несчастнаго случая, можно было мнѣ потужить, и почти близокъ былъ къ этому; какъ вдругъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, во время представленія моихъ трудовъ г. президенту Алексѣю Николаевичу, услышалъ отъ его превосходительства лестныя одобренія, какъ за Кіевскія, такъ и за другія дѣла, совершенно успокоился и теперь одно только и занимаетъ меня, чтобы все свое собраніе привести въ совершенный порядокъ и окончаніе, и тогда можетъ быть отправлюсь въ чужіе края, дабы научиться знать тѣ погрѣшности, которыхъ теперь не примѣчаю. Въ Италію хочу поѣхать по тракту черезъ Кіевъ, ибо крайне желаніе имѣю еще почерпнуть что либо отъ васъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ. За симъ желаю вамъ добраго здоровья и благополучія, ибо оныя для многихъ будутъ еще нужны.

Честь имѣю быть къ особѣ вашей съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію, вашего высокоблагородія, м. г—ря, покорнѣйшій слуга Николай Ефимовъ. Просите кого либо изъ архитекторовъ Кіевскихъ срисовать крокѣ (sic) Софійскій соборъ съ сѣверной стороны, съ означеніемъ на планѣ всѣхъ куполовъ, и ежели возможно прислать также, хотя черновый рисунокъ, Спасской церкви съ однимъ куполомъ. Мнѣ сіе нужно, крайне нужно и въ скорости.

---

[1]) Я понимаю бумажнымъ, потому что по оному строиться не будетъ Десятинная церковь.

Апрѣля 28 дня, 1827 года. Адресъ мой въ императорскую академію художествъ, на мое имя, въ С.-Петербургѣ.

Мое почитаніе засвидѣтельствуйте Максиму Федоровичу Берлинскому и скажите—я никогда его незабуду за его обо мнѣ попеченіе.

Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія.

Истекающій 1896 годъ на вѣки будетъ отмѣченъ на скрижаляхъ исторіи, какъ годъ открытія рѣдчайшаго лѣтописнаго памятника, относящагося къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ нашей исторіи. Не нужно быть историкомъ-спеціалистомъ, достаточно быть просто образованнымъ человѣкомъ, чтобы понять и оцѣнить важность подобнаго счастливаго открытія. Когда легковѣренъ и молодъ я былъ, то, помнится, въ перемежку съ праздными мечтаніями о любви прекрасной королевны, я гораздо чаще и настойчивѣе мечталъ о другомъ: а что, еслибъ мнѣ посчастливилось открыть самую что ни есть древнюю лѣтопись, этакъ изъ временъ царя Гороха, или же такую древне-русскую поэму, передъ которой только ахнули бы почитатели „Слова о полку Игоревѣ!“ И право, еслибы Фортуна подслушала мои тогдашнія мечтанія и предложила осуществить одно изъ нихъ, на выборъ, то я сильно бы затруднился, что выбрать: прекрасную ли королевну, или подлинникъ „Слова о полку Гороховѣ“. Позже, когда я страстно увлекался древней исторіей Волыни, моей прекрасной родины, и до слезъ огорчался тѣмъ, что драгоцѣнная Ипатская лѣтопись такъ неожиданно прерывается подъ 1292 годомъ, оставляя изслѣдователя въ полныхъ потемкахъ относительно событій столь таинственнаго XIV и отчасти XV вѣковъ, я положительно терзался мыслью: неужели въ тогдашней Волыни не нашлось добраго и знающаго человѣка, который взялъ бы на себя благородный трудъ продолжить драгоцѣнныя сказа-

нія Ипатской лѣтописи? Вѣдь, по сказаніямъ новѣйшихъ Волынскихъ историковъ, тамъ уже со временъ (или даже до временъ) св. Владиміра существовали и процвѣтали многіе и многіе монастыри, славившіеся не только святостью жизни иноковъ, но и раченіемъ ихъ въ „книжномъ почитаніи". Неужели же, думалось мнѣ, между ними не нашлось въ тѣ времена второго Нестора! И я тщательно рылся въ монастырскихъ библіотекахъ и разныхъ древлехранилищахъ, снѣдаемый страстнымъ желаніемъ отыскать хотя бы фрагментъ какой-нибудь мѣстной лѣтописи о событіяхъ XIV—XV вѣковъ; рылись тамъ же и многіе другіе ревнители книжной старины въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и никому изъ нихъ не было суждено отыскать ничего, кромѣ громадной массы церковно-учительныхъ и богослужебныхъ рукописныхъ книгъ, но и то не древнѣе XV ст. И вотъ наконецъ въ исходѣ вѣка отыскано и явлено міру безцѣнное сокровище, о какомъ едва смѣли мечтать многіе историки: житомирскій протоіерей Н. Трипольскій открылъ подлинную *лѣтопись Почаевскаго монастыря*, веденную съ 1213 по 1441 годы. Когда именно совершилось это великое открытіе, достовѣрно неизвѣстно: Россійское телеграфное агентство, еще недавно съ такимъ шумомъ повѣдавшее orbi et urbi объ открытіи въ Харьковѣ въ университетской библіотекѣ какого-то письма Гете, по какому-то необъяснимому упущенію умолчало о несравненно болѣе важномъ житомирскомъ открытіи; во всякомъ случаѣ отрывки новоявленной Почаевской лѣтописи опубликованы въ самое недавнее время, въ 18, 25 и 26 №№ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей" вышедшихъ въ свѣтъ 21 іюня, 1 сент. и 11 сент. текущаго года. Можно пожалѣть, конечно, что такой безцѣнный въ научномъ отношеніи памятникъ опубликованъ въ столь скромномъ органѣ, пригодномъ, по мнѣнію волынскихъ матушекъ, единственно для печенія просфоръ. Безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени новооткрытый памятникъ сдѣлается предметомъ вниманія и изслѣдованія цѣлаго легіона ученыхъ, отрывки изъ него войдутъ даже въ учебныя христоматіи; а пока это случится, я крайне счастливъ, что на мою долю выпадаетъ лестная задача повѣдать о немъ болѣе широкой и ученой публикѣ.

Подобно тому, какъ открытію Нептуна предшествовало рѣшительное убѣжденіе астрономовъ въ существованіи этой планеты, при чемъ ученый Леверрье заранѣе вычислилъ ея разстояніе отъ солнца, величину, массу, и даже указалъ мѣсто, гдѣ она должна быть видна на небѣ въ данное время,—нѣчто подобное случилось съ октрытіемъ и нашего памятника. Дѣло шло о древности Почаевскаго монастыря. Самое старинное документальное свидѣтельство объ этомъ монастырѣ—это извѣстная фундушевая запись 1597 года Анны Гойской, въ которой она пишетъ: „Такъ какъ въ моей маетности, при селѣ Почаевѣ, съ давнихъ временъ существуетъ каменная церковь въ честь Успенія Пречистой Богоматери, то, чтобы при той церкви было постоянно славословіе Божіе, я рѣшилась основать при ней монастырь для жительства въ немъ восьми чернцовъ... и на содержаніе ихъ я надаю въ пользу той св. Успенской церкви и будущаго при ней монастыря“... и проч. Судя по этому документу, Почаевскій монастырь былъ основанъ въ 1597 г. Но можно ли допустить, чтобы столь знаменитая обитель была столь недавняго происхожденія, когда на Волыни основаніе всякой маломальски старинной церкви или монастыря привыкли относить по меньшей мѣрѣ ко временамъ св. Владиміра? Давно уже волынскіе историки, ревнуя о славѣ Почаевской обители, прониклись убѣжденіемъ, что она получила начало едва ли не на зарѣ христіанства въ краѣ Волынскомъ; но чѣмъ доказать эту fidem bonam? До сихъ поръ обыкновенно ссылались на уніатскую книгу, изданную въ 1772 г., подъ названіемъ „Гора Почаевская“, въ которой, въ числѣ другихъ чудесъ, бывшихъ въ Почаевѣ, приводится извѣстное сказаніе о явленіи Божьей Матери на скалѣ и это чудесное событіе относится къ 1240 году; сверхъ того ссылались еще на хранящуюся въ лаврскомъ архивѣ рукописную книгу монастырскихъ исковъ и документовъ, составленную въ 1661 г., въ которой первоначальное поселеніе иноковъ на горѣ Почаевской также пріурочивается къ 1240 году. О. Трипольскій, вникнувъ въ это дѣло, совершенно основательно призналъ, что эти доказательства недостаточны и что вообще древняя исторія Почаевскаго монастыря мало изслѣдована. Изъ

дѣлъ лаврскаго архива видно, что тамъ существовала нѣкогда книга подъ названіемъ „Памятникъ монастыря Почаевскаго". Книга эта давно исчезла; нѣкоторые историки полагали, что ее навѣрное уничтожили базиліане, „видя въ ней древній документъ многовѣковаго существованія православія въ Почаевской обители, рѣзко обличающій ихъ въ отступничествѣ". О. Трипольскій не успокоился этимъ предположеніемъ: онъ рѣшилъ, что исчезнувшій „Памятникъ" несомнѣнно „содержалъ всю древнѣйшую исторію Почаевской обители" и что его непремѣнно слѣдуетъ разыскать. „Кто ищетъ, тотъ и находитъ", сказалъ какой-то мудрецъ, а по пословицѣ—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Такъ случилось и съ о. Трипольскимъ. Едва предпринялъ онъ свои розыски, какъ сразу же обрѣлъ и въ 15—17 №№ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей" 1896 г. напечаталъ никому невѣдомую доселѣ польскую базиліанскую рукопись подъ заглавіемъ: Monastyr Skit, составленную въ 1732 г. почаевскимъ провинціаломъ, „имя и фамилію котораго, по неразборчивости подписи, прочесть не возможно". Этотъ неразборчивый базиліанинъ повѣдаетъ чрезвычайно „странные глаголы" о началѣ Почаевской обители. По его словамъ, 25 ноября 1197 года (sic!)на Почаевскую гору съѣхались человѣкъ тридцать помѣщиковъ (?) изъ имѣній: Перегина, Будня, Львова и Кракова", въ числѣ коихъ поименованы: Центеръ и Потоцкій—„владѣльцы Галича и горъ Карпатскихъ", и владѣлецъ Тарнополя Янъ Туркулъ. Это были любители-охотники, имѣвшіе обычай дважды въ годъ, весною и осенью, съѣзжаться сюда для охоты и дружеской бесѣды. Въ означенный день, во время охотничьяго привала, они, сидя на Почаевской горѣ, разговорились о томъ, что есть на свѣтѣ люди, сомнѣвающіеся въ бытіи Божьемъ, между тѣмъ какъ одно внимательное созерцаніе красотъ природы могло бы разубѣдить этихъ неразумныхъ людей въ ихъ заблужденіи. Пока шла эта бесѣда, зашло солнце, наступила ночь, и охотники улеглись на покой. Вдругъ на свѣтъ горящаго костра появляется необычайный олень. Въ него выпустили 15 стрѣлъ, а онъ стоялъ неподвижно, а затѣмъ чудесно исчезъ, оставивъ послѣ себя слѣдъ какъ-бы падающей звѣзды. Весной слѣдующаго 1198 г. охотники снова прибыли на прежъ-

нее мѣсто, и тутъ 17 апрѣля, ночью, они были свидѣтелями цѣлаго ряда чудесныхъ явленій, въ ознаменованіе коихъ ими была построена на скалѣ часовня; а скоро послѣ того пришелъ сюда изъ Греціи инокъ Меѳодій, поселился близъ часовни, видѣлъ здѣсь многія чудесныя знаменія и въ 1219 году заложилъ „Монастырь-Скитъ“, а самое мѣсто прозвалъ *Почадѣвъ*, потому что здѣсь *почá* (начала) *Дѣва* являть свои чудеса. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе новопостроенаго монастыря и исторія управленія имъ Меѳодіемъ, умершимъ 3 іюня 1228 года. Въ заключеніе словоохотливый базиліанинъ сообщаетъ и такія небылицы, будто въ Монастырѣ-Скитѣ въ XV ст. открыта была богословская школа вмѣстѣ съ типографіей и будто иноки оставили свою св. Гору лишь послѣ того, какъ Потоцкій построилъ для нихъ на новомъ мѣстѣ, хотя и по сосѣдству съ прежнимъ, новый монастырь. Отъ этого переселенія, заключаетъ авторъ, „весьма много утратила литература (sic!)“, такъ какъ-де иноки въ прежнемъ Скитѣ усердно занимались писательствомъ, преимущественно лѣтописаньемъ.

Мы начертали только самый краткій конспектъ новооткрытаго базиліанскаго произведенія, не приводя крайне любопытныхъ подробностей; но полагаемъ, что читатель и самъ съ изумленіемъ замѣчаетъ, какой яркій лучъ свѣта бросаетъ это произведеніе на древнюю исторію Волыни вообще и Почаевскаго монастыря въ частности. Но погодите изумляться, дорогой читатель: о. Трипольскій хвалится, что у него имѣется другая, еще болѣе любопытная базиліанская рукопись 1702 г., тоже на польскомъ языкѣ, въ которой подробно изложены жизнь и труды первооснователя Почаевскаго монастыря Меѳодія. Судя по нѣкоторымъ цитатамъ, приведеннымъ о. Трипольскимъ, эта послѣдняя рукопись будетъ куда „горше первой“, и намъ остается лишь выразить нетерпѣливое желаніе поскорѣе ознакомиться съ этой заманчивой новинкой.

Будь я на мѣстѣ о. Трипольскаго, я былъ бы вполнѣ доволенъ и тою „частью“, что явилъ міру двѣ замѣчательныя рукописи, проливающія столь яркій свѣтъ на исторію моей пре-

красной родины. Но нашъ почтенный изслѣдователь не таковъ: ему положительно не даетъ покоя мысль—куда же дѣвался тотъ рукописный „Памятникъ Почаевскаго монастыря", о которомъ упоминается въ дѣлахъ лаврскаго архива? Онъ не хочетъ вѣрить, что базиліане совсѣмъ уничтожили его; какой-то внутренній голосъ шепчетъ ему, что онъ существуетъ, этотъ драгоцѣнный Памятникъ, и еще не потеряна надежда открыть его. По временамъ онъ какъ-бы видитъ его духовными очами, угадываетъ, съ какого именно года „Памятникъ" начинается, предвидитъ его содержаніе и даже, по какому-то наитію, кое-что впередъ цитируетъ изъ него. Съ каждой строкой рѣчь его о „Памятникѣ" становится все загадочнѣе: „Книга эта доселѣ никѣмъ надлежаще не изслѣдована и въ цѣломъ своемъ видѣ нынѣ она не существуетъ, а оказывается разорванною и разбросанною... Если удастся найти эту книгу, или лучше, составить ее изъ частей, на которыя она разорвана,—*на что имѣется нѣкоторая доля надежды*,—тогда можно будетъ точно опредѣлить" и проч.; а еще нѣсколькими строками ниже читаемъ: „на основаніи же тѣхъ сравнительно немногихъ отрывковъ этого „Памятника", *которые имѣются у насъ подъ руками*, мы можемъ указать на слѣдующую особенность его"... и т. д. Это было сказано въ № „Вол. Епарх. Вѣдомостей" отъ 1 іюня, а черезъ три недѣли послѣ того о. Трипольскій началъ обнародывать эти таинственные отрывки подъ скромнымъ именемъ „Документовъ, относящихся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря", заявивъ, что документы эти „составляютъ частную собственность одного намъ извѣстнаго лица". Видно, что это лицо скупо дѣлилось съ издателемъ своими сокровищами, или же поступало, какъ разсчетливая хозяйка, угощающая блинами: скушаютъ гости десятокъ блиновъ—подается другой, а тѣмъ временемъ готовится третій и т. д., а разомъ весь запасъ не ставится на столъ. Напечатавъ три первыхъ отрывка, о. Трипольскій объясняетъ: „уже мы заканчивали настоящую нашу замѣтку, какъ совершенно неожиданно намъ доставленъ еще одинъ документъ"; а послѣ четвертаго номера опять слѣдуетъ объясненіе: „нельзя

не пожалѣть о томъ, что мы лишены возможности предлагать читателямъ нашимъ документы эти въ хронологическомъ порядкѣ; но съ этимъ обстоятельствомъ поневолѣ должно мириться; слѣдуетъ напротивъ радоваться и тому, что представляется возможность знакомиться съ этими документами въ такомъ порядкѣ, въ какомъ попадаютъ они въ наши руки". Этой разрозненностью поступленія матеріаловъ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что о. Трипольскій въ первое время какъ-будто не сознавалъ, какой безцѣнный памятникъ онъ обнародываетъ. Только послѣ четвертаго отрывка онъ разобралъ наконецъ, въ чемъ дѣло, и отмѣтилъ: „теперь мы съ полною увѣренностью утверждаемъ, что документы эти—части именно древней рукописной книги „Памятникъ монастыря Почаевскаго", не уничтоженной въ конецъ врагами православія, а только лишь разорванной... и кѣмъ-то сохранно подобранной. Есть надежда—постепенно собрать всѣ эти важные отрывки—а ихъ весьма много—и такимъ образомъ возстановить въ цѣломъ видѣ древній рукописный „Памятникъ" православнаго монастыря Почаевскаго... Будемъ ждать и желать скорѣйшаго исполненія такой надежды". Съ тѣхъ поръ о. Трипольскій издалъ пока *десять* значительныхъ отрывковъ, составляющихъ итого 28 печатныхъ страницъ; изъ нихъ 7 отрывковъ лѣтописныхъ (1224—1441 гг.), два документальныхъ (1213 и 1414 гг.) и одинъ стихотворный (1415 г.).

Такова въ краткихъ чертахъ исторія замѣчательнѣйшаго открытія въ области древле-волынскаго бытописанія. Нѣтъ сомнѣнія, что историки, ознакомившись съ новооткрытымъ памятникомъ, придутъ въ неописанное ликованіе, но палеографы, я знаю, будутъ нѣсколько огорчены: дѣло въ томъ, что почтенный издатель очень уже поскупился дать хотя бы краткое описаніе открытаго памятника.На чемъ онъ написанъ—на пергаментѣ или берестовой корѣ, чѣмъ писанъ—чернилами или киноварью, объ этомъ не говорится ни слова, а лишь упоминается, что подлинники „писаны на славянскомъ языкѣ, довольно правильнымъ полууставомъ, и сохранились прекрасно, почти безъ малѣйшаго поврежденія", и что на каждомъ изъ нихъ обозначенъ особый

счетъ страницъ римскими буквами, изъ чего можно заключить, что они представляютъ отдѣльныя части какой-то цѣлой тетради или книги. Конечно, этого очень мало для палеографовъ, и они, вѣроятно, попросятъ у издателя дополнительныхъ поясненій.

Впрочемъ, что мнѣ за дѣло до того, будутъ ли огорчены господа палеографы! Я имъ ни сватъ, ни братъ, а къ историкамъ издавна питаю слабость, родъ недуга, ибо и самъ мечтаю сдѣлаться историкомъ—если не всероссійскимъ, то хотя бы волынскимъ,—и потому съ безмятежнымъ ликованіемъ приступаю къ ознакомленію ихъ съ перлами и адамантами новооткрытаго сокровища. Предупреждаю, однако, что они узнаютъ много такого, что принудитъ ихъ отказаться отъ многихъ предразсудковъ, доселѣ признаваемыхъ ими за доказанныя положенія въ ихъ наукѣ. Еще большая непріятность въ этомъ отношеніи угрожаетъ господамъ россійскимъ филологамъ: всѣ ихъ изысканія въ области древнерусскаго языка окажутся не стоющими и поломаннаго гроша, и имъ волей-неволей прійдется начать дѣло сначала.

Древнѣйшій изъ новообрѣтенныхъ отрывковъ—это дарственная запись знакомаго уже намъ любителя охоты Михаила Центера Почаевскому монастырю на „землю десять волокъ съ лѣсомъ и хотаръ (хуторъ) Комната“, выданная „оу градѣ Маковѣ, ҂асгі год, аі февруар“, т. е. 11 февр. 1213 года. Здѣсь что ни слово, то яркій лучъ, особымъ свѣтомъ освѣщающій давнопрошедшую жизнь моей родной Волыни. Начать съ того, что этотъ документъ въ подлинникѣ озаглавливается: „*дыпломатъ*“; ну, кто бы могъ подумать, что такой латинскій терминъ уже употребфялся на Волыни въ самомъ началѣ XIII ст.! Не даромъ и фамилія дарителя такъ напоминаетъ римскихъ центуріоновъ. А кто такой былъ этотъ самый Центеръ? Галицкій или волынскій бояринъ? Вовсе нѣтъ, это была владѣтельная особа; вотъ какъ онъ самъ себя титулуетъ: „Михаилъ Центеръ, воевода Божіею милостію, господаръ земли владсной (sic) на горѣ чуда пресвятой Дѣвы Маріи Почадѣва“ (т. е. Почаева). Очевидно, въ тѣ времена (вѣкъ Романа и Даніила) между Галичемъ и Волынью

существовало какое-то независимое государство *Почадъвское,* о которомъ историки до сихъ поръ и не слыхивали. А какимъ мудренымъ языкомъ писали въ этомъ Почадѣвскомъ государствѣ! Пусть-ка господа филологи объяснятъ хотя бы эту тираду изъ „дыпломата": „Почто сы люди чужди отъ лядской земли, и того ради да неимаетъ ни какая потребу съ послушницы ни хансари да не изводятъ отъ нихъ, и въ за всѣхъ антерахъ да будутъ въ покои". Существовала въ Почадѣвскомъ государствѣ и отдѣльная епархія; по крайней мѣрѣ такъ надо понимать слова Центера, когда онъ говоритъ, что дѣлаетъ даръ монастырю „съ нашимъ благимъ хотеніемъ и благословеніемъ *святителемъ* нашимъ Меѳодіемъ". Въ одномъ изъ лѣтописныхъ отрывковъ, обрѣтенныхъ о. Трипольскимъ, этотъ Меѳодій именуется даже *патріархомъ*. Возникаетъ вопросъ: не существовалъ ли въ древнее время особый, независимый отъ Константинопольскаго, патріархатъ Почадѣвскій, и не ему ли обязана св. крещеніемъ Волынская земля?

Итакъ, вотъ какую кучу новинокъ обрѣли мы въ одномъ лишь небольшомъ документѣ, занимающемъ всего $1^1/_2$ печатныхъ страницы. Чего же ждать можно отъ лѣтописи!

Древнѣйшіе лѣтописные отрывки, обрѣтенные о. Трипольскимъ, относятся къ 1224—26 годамъ. Здѣсь первыя строки уже въ состояніи повергнуть нашихъ историковъ въ полное оцѣпенѣніе: „Рокъ ѯ҃кд (1224) былъ весьма печаленъ: появившася великое множество Татарина въ княжествѣ Русскомъ, ктерія опустошая градъ огнемъ и мечемъ". Вы полагаете, читатель, что рѣчь идетъ о первой встрѣчѣ русскихъ съ татарами въ Половецкой землѣ, на р. Калкѣ? Но вотъ что повѣствуется дальше: „Въ той часъ татаринъ опустошилъ дванадесять града, изъ коихъ ни іединъ домъ не цѣленъ былъ": „градъ Борщовъ, на рѣцѣ Роси, въ немъ же попалено огнемъ четыре святыни православна и іедина греческа, и друзи на той же рѣцѣ: Кошев, Воловодъ и Обозовъ. Друзи грады подпадоша разграбу, мечу и огню: Буговъ, при рѣцѣ Роскѣ, Плосковъ, Живоградъ и Темереновъ", да еще Зозовъ.—Я рѣшительно недоумѣваю,

какъ господа историки пріймутъ это извѣстіе, столь противорѣчащее общепринятому мнѣнію, будто южная Русь подверглась татарскому опустошенію не раньше конца 1240 года. Выходитъ одно изъ двухъ: либо почадѣвскій лѣтописецъ плохо выучилъ учебникъ исторіи Иловайскаго въ Почадѣвской семинаріи (была таковая уже въ XIII в., какъ ниже увидимъ), либо ошибаются всѣ извѣстныя доселѣ древнерусскія лѣтописи. Конечно, какъ природный волынецъ, я всецѣло склоняюсь къ послѣднему предположенію. Жаль, конечно, цѣлыхъ двѣнадцати „градовъ", столь преждевременно подвергшихся „разграбу, мечу и огню"; но если принять во вниманіе, что объ этихъ „градахъ" мы до сихъ поръ и слыхомъ не слыхали и что населеніе ихъ, по сказанію почадѣвскаго лѣтописца, благополучно ушло въ Почадѣвскій монастырь и населило цѣлый рядъ монастырскихъ „хотаровъ" (хуторовъ), то, по правдѣ сказать, и жалѣть не о чемъ.

Татарское нашествіе 1224 года нисколько не помѣшало процвѣтанію наукъ и искусствъ въ Почадѣвскомъ государствѣ: по свидѣтельству новаго лѣтописца, „въ томъ же року преподобный Меходый (это извѣстный уже намъ патріархъ Меѳодій) избудовавъ для законниковъ *училину главну* на сто учениковъ"— рѣчь идетъ, очевидно, о постройкѣ зданія для духовной семинаріи, а можетъ быть и академіи. Въ послѣдующемъ 1227 году тотъ же Меѳодій „выстроилъ (въ) збудованѣмъ домѣ законниковъ *виблію* монастыру на св. горѣ Пресвятои Дѣвы Маріи Почадѣва в ни Библютеку за трома одѣла, а одѣлъ іесмъ перьвое главна тоя монастиръ. Завѣдоша тѣмъ іеромонахъ Ѳеоѳаній". Насколько я разумѣю Почадѣвское нарѣчіе, здѣсь идетъ рѣчь о постройкъ помѣщенія для монастырской библіотеки съ тремя отдѣлами и о назначеніи „завѣдующаго", т. е. библіотекаря; такъ понимаетъ это мѣсто и ученый коментаторъ новооткрытой лѣтописи о. Трипольскій.

„Року 1224 на монастыру, по права сторонѣ, оустроенъ велій *часовинъ* паномъ Центеромъ коштомъ 400 злотій". О. Трипольскій толкуетъ это сказаніе такъ, что рѣчь-де ведется объ устройствѣ въ монастырѣ часовъ. Судя по значительной стои-

мости ихъ, я полагаю, что это были не песочные и не солнечные часы, а очевидно, механическіе, съ боемъ или даже съ музыкой, т. е. такіе, какихъ и не было еще въ то время въ Европѣ. Вотъ какъ высоко стояло искусство въ Почадѣвѣ уже въ началѣ XIII столѣтія! Къ сожалѣнію, щедрый благотворитель не долго наслаждался созерцаніемъ этого дивнаго произведенія искусства: „въ томъ же року (читаемъ въ лѣтописи), октоврія 10, совершенъ обрядъ надъ оумерщвленимъ тѣломъ пана Центера препод. Меходемъ и погребенъ въ Поча-Дѣву". Кѣмъ и за что былъ „умерщвленъ" этотъ добродѣтельный мужъ—лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Вѣроятно, съ цѣлью навѣстить печальную его вдову, 15 августа 1226 года въ Почадѣвъ пріѣзжалъ какой-то „князь Георгій к҃ Всеволодъ и здѣ засѣдоша трое дни".

Опуская затѣмъ цѣлый рядъ сказаній о чудесахъ и знаменіяхъ, явленныхъ въ тѣ годы „чудотворнымъ икономъ (sic!) Пресвятой Дѣвы Маріи на горѣ Поча-Дѣва", мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что въ этихъ сказаніяхъ рѣчь идетъ не о нынѣшней чудотворной Почаевской иконѣ Б. Матери, принесеніе которой изъ Греціи на Волынь, по единогласному свидѣтельству даже волынскихъ историковъ, совершилось всего лишь въ 1559 году, а о какой-то другой, неизвѣстно гдѣ нынѣ находящейся.

Переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ лѣтописныхъ отрывковъ, относящихся къ годамъ: 1301, 1310, 1413, 1440, и 1441. И здѣсь, конечно, что ни строка, то яркій лучъ, ослѣпляющій глаза довѣрчиваго читателя; но краткости ради, мы извлечемъ лишь одни перлы и адаманты.

„Року ҂а҃та (1301), сентября а҃ дня монастыръ Почадѣва былъ въ великомъ расторствѣ и смутѣ: по близѣ на востоцѣ въ сей окрести появиша (sic) невѣрный душегубинаръ татаринъ въ велицей туцѣ подъ владыцемъ Данатера и въ велицемъ страсѣ граби грады и пустоша огнемъ и мечемъ, яко множіе народи притекоша монастыру..." и проч. Далѣе перечисляются разоренные татарами города: „градъ *Жити-мирно* [1]) на брегѣ рѣцѣ

---

[1]) Т. е. Житомиръ. По поводу происхожденія этого имени не могу удержаться отъ замѣчанія: какъ многозначительны вообще наименованія почти всѣхъ

Тетера, при упадѣ рѣци маліей“ (NB Не могу не замѣтить хоть въ скобкахъ: о какъ поразительно плохо преподавался церковно-славянскій языкъ въ Почадѣвской семинаріи тѣхъ вѣковъ!); градъ *Кодень*, славенъ въ таргу; градъ *Слободевъ*, *Славицъ*, *Зозевъ* и др. Итакъ, вотъ когда только Волынская земля подверглась татарскому нашествію, а не въ 1241 г., какъ насъ доселѣ учили! Пріймите это къ свѣдѣнію и руководству, гг. преподаватели исторіи въ волынскихъ „оучилинахъ“.

Въ томъ же 1301 году прибыла въ Почадѣвскій монастырь „жена князя Даніила (Романовича) Анна“ съ малолѣтними дѣтьми: Георгіемъ 11-ти лѣтъ и Василіемъ 9-ти лѣтъ. Воображаю, какая это была древняя старуха, если вспомнить, что она выходила замужъ еще въ 1213 году! Еще удивительнѣе, какъ она могла имѣть малолѣтнихъ дѣтей, когда князь Даніилъ скончался въ 1264 году. Ипатская лѣтопись, перечисляя сыновей князя Даніила, даетъ имъ совсѣмъ другія имена; но почадѣвскій бытописатель, очевидно, не знакомъ съ этой лѣтописью.

Въ 1310 году, декабря 13, пришли въ Почадѣвъ 15 человѣкъ изъ Чехіи, Моравіи, Венгріи и стали разсказывать „о великомъ бѣдищи, ктерое запановало въ странахъ ихъ: появилися отъ Папы великіе объязы въ вѣрѣ католическія, за непризнаніе и неисполненіе (коихъ) отдаютъ казни великой: іединаго предаютъ огню на надровни, на степу, другіе на кручахъ жива за тѣла повѣшени зостаютъ... наставницы Папы, повсюду блукая съ грамотами и вынужая послѣдню пѣню, за грѣхъ тое не раховали, ибо должны суму велику выручити съ народа и Папѣ вручити“... и прочіе неподобные глаголы. Пришелъ съ ними и епископъ Прагельскій (Пражскій?) Береговичъ, „имѣя глази въ вѣцѣ тѣни“. Получивъ исцѣленіе предъ образомъ Богородицы, онъ далъ монастырю въ даръ 75 тысячъ „злотій“ и самъ „при-

---

поселеній Волынскихъ! Кромѣ *Поча-Дѣва* (Почаева) и *Жити-мирно*, укажу еще два-три примѣра: с. *Тихомль* получило названіе отъ того, что тамъ была мельница, которая „*тихо молола*“; с. *Перемиль*—тамъ мельница „*перемалывала*“; с. *Боремель*—мельница такъ громко молола, что народъ говорилъ: „*якъ боръ мele*“ и проч. (См. Историко-стат. описаніе церквей Вол. епархіи).

нялъ санъ мниха". Послушаніе его состояло вотъ въ какомъ трудѣ: „Того же року, 21-го децембрія, выправенъ велицей отодѣлъ на 10 человѣкъ старшаго оученика для вѣдена іязыца латинаго; въ оучители призначенъ Береговичъ". Итакъ, вотъ съ какого именно времени почадѣвскіе семинаристы стали обучаться латинскому „языцу"! Вѣроятно, по этой причинѣ они и стали писать свою лѣтопись такимъ страннымъ „язычіемъ", какъ, напримѣръ: „Децембрія 22 *выполненъ чинъ* погребенія игумена Павла съ *велицею парадою*"... Оумеръ онъ, имѣя лѣтъ отъ *родія своя* 125". Въ приведенныхъ доселѣ выпискахъ читатель могъ видѣть еще болѣе характерные образцы того же „язычія".

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Почаевъ становится какимъ-то центральнымъ убѣжищемъ, къ которому тяготѣютъ едва ли не всѣ концы вселенной. Разорятъ ли татары какую область, начнетъ ли папа жечь еретиковъ или грабить вѣрныхъ католиковъ, случится ли въ какой странѣ потопъ, гладъ, нашествіе иноплеменныхъ, междуусобная брань—всѣ уцѣлѣвшіе отъ погрома идутъ, какъ домой, въ Почаевскій монастырь, заселяютъ его „хотары" (хутора) и живутъ тамъ припѣваючи. Выше мы приводили подобные факты, отмѣтимъ еще два-три новыхъ. Въ декабрѣ 1310 года „придоша путешественники изъ далей страны, отъ берегъ хладнаго водою мора", потому что тамъ „запановали смуты и бѣдища велици: сосѣди невѣрни засѣдоша болоти въ лѣси глушиномъ Кураливы и разгромиша до 50 града въ власти Новагограда и до 30 градовъ въ власти Юрева". Подъ 1440 годъ отмѣчено: „прибыша множіе народи изъ страны дальней, изъ градовъ по рѣцѣ Днѣстру и Вольги, и благали монастыря, жебы пособити имъ заселити въ сей странѣ сѣдалины (?) для прежитины въ тишеного смиренно" (каково язычіе!!); имъ дали „хотари въ окрести монастыря Трипогори" (Тригорскаго). Въ слѣдующемъ 1441 году опять „притекоша множіе народи" изъ Москвы и другихъ мѣстъ сѣверовосточной Руси и „повѣдаша, яко смуты въ Русскомъ княжествѣ появишася за *пасъ* (поясъ) велицей цѣны", а начались эти смуты въ Москвѣ „во время пираженства (свадьбы) князя Василія 2-го". Въ числѣ пришель-

цевъ, къ удивленію, оказалась и мать московскаго великаго князя Василія Васильевича, княгиня Софья Витовтовна, прибывшая сюда подъ строгимъ инкогнито. Она открыла тайно игумену свое имя и санъ и пренелѣпымъ языкомъ повѣдала ему нескладную повѣсть о ссорѣ князей, приключившейся на свадьбѣ ея сына изъ-за украденнаго и опознаннаго на Вас. Косомъ драгоцѣннаго пояса. Разсказъ ея представляетъ какъ-бы рабское подражаніе повѣствованію Карамзина о томъ же событіи. Къ сожалѣнію, лѣтописецъ умалчиваетъ о томъ, приняла ли московская великая княгиня „монасій законъ“ въ Почаевской обители, или же поселилась въ одномъ изъ ея „хотаровъ“.

Наконецъ, въ томъ же году „прейшли 2 римско-католич. священника изъ града Вильна, Доминикъ Монацеввити и Казиміръ Коновецкій, „для отданя чести Матки Божей“, получили здѣсь исцѣленіе и, вѣроятно, были назначены на должности штатныхъ преподавателей итальянскаго и „латинаго языцовъ“ въ Почадѣвской академіи.

На этомъ, къ сожалѣнію, прерываются доселѣ опубликованные отрывки Почадѣвской лѣтописи. Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать ихъ продолженія, согласно великодушному обѣщанію о. Трипольскаго.

Кромѣ лѣтописныхъ сказаній, въ тѣхъ же отрывкахъ найдено доселѣ три документа. Объ одномъ изъ нихъ, *дипломатѣ* 1213 года, мы уже говорили; другой относится къ 1414 году и представляетъ что-то въ родѣ окружной грамоты, изложенной такимъ тарабарскимъ... то бишь почадѣвскимъ нарѣчіемъ, что я, при всемъ стараніи, не понялъ въ ней ни бельмеса. По изъясненію же извѣстнаго знатока сего нарѣчія о. Трипольскаго, грамота эта представляетъ будто бы подробное описаніе того, какъ производились въ древнемъ Почаевскомъ монастырѣ выборы игумена. Между прочимъ, избираемый долженъ былъ клятвенно засвидѣтельствовать преданность свою православной вѣрѣ, что необходимо было особенно въ то время: „зане ереси и въ той часъ *проклятои оуніи* плевело непріятель размножилъ бяше“. Это единственное удобопонятное мѣсто въ грамотѣ повергаетъ

меня въ неописуемое недоразумѣніе: о какой *уніи* (да еще *проклятой*) здѣсь говорится?! О. Трипольскій, съ свойственною ему находчивостью, рѣшаетъ быстро: о Флорентійской. Но вѣдь даже лицамъ, не учившимся въ семинаріи, хорошо извѣстно, что Флорентійская унія состоялась лишь въ 1439 году, а грамота писана въ 1414 году. Тутъ что-то да не такъ! Приглашаю о. Трипольскаго разрѣшить это забавное недоразумѣніе.

Остается еще третій и послѣдній документъ; но я не спроста приберегъ его для самаго конца моей бесѣды. Это уже не грамота и не сухая лѣтопись—это поэтическая жемчужина. Любите ли вы, читатель, стихи? Я, признаюсь, безъ ума отъ нихъ и кое-что самъ кропаю риѳмованною рѣчью. А приходилось ли вамъ почитывать стишки этакъ временъ царя Гороха или того древнѣе? То-то что не приходилось. Такъ вотъ пользуйтесь счастливымъ случаемъ: о. Трипольскій открылъ стихотворную „*Пѣснь справедливому и святому Меѳоду Почаевскому*“, котораго онъ считаетъ основателемъ знаменитаго монастыря того же имени. На подлинномъ стихотвореніи есть помѣта, что оно записано 22 сентября 1415 года; но, судя по тому, что этотъ Меѳодій скончался въ 1228 году, означенное стихотвореніе можно относить по крайней мѣрѣ къ половинѣ XIII ст. Какова древность! Вотъ эта драгоцѣнная жемчужина:

Велыкый предъ Богомъ въклеіоный вкоронѣ,
Походню свѣта, родаковъ патронѣ!
Славу въ Почаевѣ на скальце въ монастыру
О то даешъ вѣру...
Живъ же святый патріархъ въ Почаевѣ на славу,
Іаснивъ, іакъ солнце, по всихъ краяхъ
И правдою въ рѣчахъ...
Въпавъ въ невирность народа невирного,
Же твоими нападамы вылыкая слава на ныхъ повлыяла,
Выклынаешъ, прыступу не даешъ,
Въ монастыру Почаевскомъ лаешъ (sic)... и т. д.

Неправда ли, какая величавость тона, античная простота слога и выразительность языка! Только позднѣйшія почаевскія псальмы, особенно переиначенныя безграмотными лирниками, нѣсколько приближаются къ этому неподражаемому образчику древле-волынской лирики.

Оканчивая этимъ мою бесѣду объ открытіяхъ, столь счастливо совершенныхъ о. Трипольскимъ, не могу не выразить опасенія, какъ бы не пришлось ему подвергнуться обычнымъ огорченіямъ, какія всегда и вездѣ постигали великихъ изобрѣтателей. Извѣстно, какой это завистливый народъ господа ученые и какъ подозрительно и недоброжелательно относятся они ко всему, что идетъ въ разрѣзъ съ привычными для нихъ понятіями и фактами. Вѣдь находились же такіе скептики, что осмѣливались подвергнуть сомнѣнію подлинность даже „Слова о полку Игоревѣ!“ Боюсь, какъ бы не случилось того же и съ драгоцѣнными памятниками, открытыми о. Трипольскимъ: найдутся, чего добраго, злонамѣренные скептики и начнутъ придираться: и то не вѣроятно, и другое не правдоподобно, и третье сомнительно. Конечно, почтенный о. Николай тотчасъ предъявитъ имъ подлинные пергаменты или листки корельской березы—и злые навѣты разсѣются аки дымъ отъ лица огня; а все же, знаете, нѣсколько обидно такое недовѣріе. А по моему разсужденію, всякое сомнѣніе въ этомъ дѣлѣ совершенно неумѣстно: о. Трипольскій самъ человѣкъ ученый, навѣрное магистръ какой-либо герменевтики или другой подобной науки и, слѣдовательно, въ состояніи отличить подлинную древность отъ поддѣльной. Нѣтъ, прочь недостойное сомнѣніе! Ликуй и веселися, Волынская земле! Отнынѣ ты ничимь же меньши въ колѣнахъ Іудовахъ: изъ тебе бо изыде почадѣвскій лѣтописецъ. Хвалитъ похвальными гласы Россійская страна графа Мусина-Пушкина, открывшаго „Слово о полку Игоревѣ“; похвалимъ же и мы, о волынцы, по силѣ нашей, великая и дивная сотворшаго нашего соотчича Н. Трипольскаго, иже яви міру перло многоцѣнное изъ области нашего древняго бытописанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ ждать и надѣяться,

что нашъ почтенный соотчичъ станетъ и впредь продолжать столь счастливо имъ начатыя изысканія и еще извлечетъ изъ праха забвенія не одно сокровище сѣдой старины. По крайней мѣрѣ, я твердо убѣжденъ, что эпоха великихъ открытій въ этой области еще только наступаетъ для Волыни и что настанетъ нѣкогда день, когда сбудется наконецъ златая мечта моей юности — будетъ явлено міру „Слово о полку Гороховѣ". Qui vivra—verra.

Волынецъ.

Новыя данныя о союзахъ неженатой молодежи на югѣ Россіи.

„Парубоцкія и дивоцкія громады не разъ уже привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей народнаго быта. Одни признавали въ нихъ слѣды первобытныхъ брачныхъ формъ (Чернышевъ), другіе—остатки церковныхъ братствъ (Василенко и Боржковскій), третьи—пытались примирить эти два взгляда (проф. Сумцовъ) [1]). Мы лично держимся примирительнаго взгляда, но думаемъ, что въ названныхъ „громадахъ“ болѣе остатковъ первобытныхъ, чѣмъ историческихъ формъ жизни. Но вопросъ объ эволюціи семьи и брака въ послѣднее время подвергнутъ въ наукѣ новому пересмотру; теоріи, недавно считавшіяся послѣднимъ словомъ науки, не удовлетворяютъ болѣе; дѣлаются новыя попытки построенія исторіи семьи; и пока наука не выработала прочныхъ основаній для новаго теоретическаго построенія, мы считаемъ для себя преждевременнымъ пускаться въ сравнительное истолкованіе подробностей устройства и жизни „громадъ“, которое представляетъ собою путь особенно скользкій для лицъ, по мѣсту жительства, лишенныхъ, подобно намъ, возможности пользоваться большой библіотекой. Поэтому ограничиваемся здѣсь сводомъ фактическихъ свѣдѣній, собранныхъ нами по особой программѣ изъ разныхъ мѣстъ юга Россіи, преимущественно, впрочемъ, изъ херсонской губ., держась того мнѣнія, что факты

[1]) Статьи означенныхъ авторовъ напечатаны въ „Кіевск. Стар.“ 1885—87 и 90 года.

долговѣчнѣе теорій, и что съ собираніемъ и опубликованіемъ этнографическихъ фактовъ необходимо спѣшить [1]).

Главнымъ и всеобщимъ условіемъ поступленія въ парубоцкую громаду является возрастъ. Онъ колеблется между 16 и 18 годами, при чемъ громада обращаетъ вниманіе на ростъ и физическую силу новаго товарища, имѣя въ виду пріобрѣсти въ немъ надежнаго бойца, на случай, если придется охранять свой кутокъ отъ другихъ парубоцкихъ громадъ (Ингульская Каменка, александрійскаго уѣзда, Эд. Іодковскій). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при появленіи новаго парубка на вечерницѣ, если онъ покажется недостаточно зрѣлымъ, дивчата встрѣчаютъ насмѣшкой: „сему треба дать ц... и“, говорятъ онѣ, и парубчакъ уходитъ посрамленный (с. Погребки, новгородъ-сѣверскаго уѣзда, М. В. Рклицкій).“ Въ прежнее время водилось такъ (пишетъ К. Д. Морозъ): какъ не ходитъ косить да молотить, такъ тотъ еще и не парубокъ, его и гулять не пустятъ, а если выйдетъ, то ему очкуръ перервутъ, а то зимою на досвиткахъ заставятъ дивчатъ достать сажи изъ печи, разведутъ водою, потомъ вытащатъ въ сѣни, разстегнутъ штаны, да въ штаны и вылютъ. (Глодоссы, елисаветгр. уѣзда“. Исключеніе въ пользу младшаго возраста допускается иногда для сыновей крестьянъ зажиточныхъ или занимающихъ почетныя должности волостного старшины, сельскаго и церковнаго старосты и проч. (Южная Кіевщина и югъ александрійск. уѣз.,—Т. И. Осадчій).

Если въ семьѣ есть нѣсколько сыновей, то между ними обыкновенно соблюдается очередь при поступленіи въ громаду. Такъ, въ с. Петроостровѣ елисаветград. уѣзда младшій братъ не смѣетъ парубковать до тѣхъ поръ, пока старшій не женится, или не пойдетъ на службу; если же случится, что меньшой парубкуетъ одновременно со старшимъ, то говорятъ, что „меньшый

---

[1]) Свѣдѣнія сообщили: Т. И. Осадчій, М. В. и В. В. Рклицкіе, М. С. Крыжановская, Н. И. Борисовъ, А. Ѳ. Цимбиди, А. Шкода, И. А. Римскій, А. Малиновскій, Л. Воликовскій, Эд. Іодковскій, С. Гирскій. Всѣмъ названнымъ лицамъ свидѣтельствуемъ искреннѣйшую и живѣйшую благодарность.

пидвернувъ (иначе: засадывъ) старшого брата пидъ корыто (И. А. Римскій; тоже въ Глодоссахъ, по словамъ К. Д. Мороза)". Въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ даже ссоры между братьями. Иногда братья признаютъ болѣе удобнымъ поступать въ разныя громады (Антоновка, елисаветгр. уѣзда, Л. Воликовскій). Если старшій долго не женится, а младшій достигъ уже парубоцкаго возраста, то отецъ укоряетъ старшаго, говоря, что пора уже ему уступить мѣсто младшему (Трушки, васильков. уѣзда, А. Малиновскій). Нарушеніе очереди нарушается иногда въ томъ случаѣ, если младшій физически развитѣе старшаго (Шамраевка и Трушки, васильков. уѣзда, А. Малиновскій).

Согласія родителей для поступленія въ парубоцкую громаду обыкновенно не требуется; иногда даже этотъ фактъ совершается безъ вѣдома послѣднихъ (Шамраевка). Но родители относятся къ этому факту различно: для нѣкоторыхъ изъ нихъ сынъ, достигшій парубоцкаго возраста, составляетъ предметъ гордости; самъ отецъ снаряжаетъ его въ первый его выходъ къ парубкамъ, напутствуя словами: „иды, сыну, уже пора тоби парубкувать" (Трушки); другіе—покоряются обычаю, какъ преданію старины, и поощряютъ его, добровольно выдавая сыну деньги для складчины (Петроостровъ). Но многіе отцы, а особенно матери-вдовы смотрятъ на парубоцтво неблагосклонно: „тильки начне гулять съ хлопцямы,—говорятъ они,—такъ и розбалуется,—хаты зовсимъ не держится". И дѣйствительно, парубоцтво доставляетъ много хлопотъ родителямъ, которые по этому бываютъ склонны оттягивать поступленіе сына въ громаду возможно дольше. Гулянье парня, прежде всего, невыгодно отражается на хозяйствѣ: поступленіе въ громаду и состояніе въ обществѣ парубковъ влекутъ за собою порядочные расходы, для которыхъ къ тому же парубки прибѣгаютъ въ нерѣдкихъ случаяхъ къ похищенію у родителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; во-вторыхъ, парубки проводятъ ночное время на „улыцяхъ", когда нужно стеречь на пастбищѣ лошадей; въ-третьихъ, причиняютъ родителямъ хлопоты своими проказами; наконецъ, прогулявъ цѣлую ночь напролетъ, утромъ спятъ, вмѣсто того, чтобы работать (наблюденія Т. И. Осадчаго и К. Д. Мороза).

На нравственныя качества вновь поступающаго парубка рѣдко обращаютъ вниманіе,—обыкновенно, этому вопросу не придается значенія; слишкомъ тихими даже пренебрегаютъ, насмѣхаются надъ ними. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избѣгаютъ принимать въ громаду пьяницъ (Ивота и Мамекино, В. В. Рклицкій) или вообще людей дурного поведенія (Губовка, александрійск. уѣзда, М. С. Крыжановская); иногда отказываютъ въ пріемѣ за то, что навредилъ парубкамъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но за то высоко цѣнятся въ парубкѣ храбрость, находчивость, умѣнье пѣть пѣсни и разсказывать сказки (Т. И. Осадчій).

Во многихъ мѣстностяхъ считается обязательнымъ для парубка въ день пріема его въ громаду особый костюмъ, а именно: въ южной кіевщинѣ—новая черная свита подъ станъ сшита, свита кирея съ видлогою, въ видѣ бурки, зеленый поясъ, хорошіе сапоги; въ херсонщинѣ—пиджакъ, иногда суконный, а по большей части шерстяной, или черкасиновый, твинчикъ—вродѣ короткаго теплаго пальто, цвѣтная рубаха, штаны на выпускъ; въ нѣкоторыхъ селахъ, вмѣсто пиджака употребляется „пальто“, костюмъ нѣсколько длиннѣе, вышитый разноцвѣтными шагреневыми ремешками. (Т. И. Осадчій, К. Д. Морозъ); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ херсонской губ. считаются необходимыми для парубка высокая шапка, красный поясъ и лента, того же цвѣта, для сорочки; это—отличительный признакъ и исключительная принадлежность для парубка, такъ что, если замѣтятъ эти принадлежности парубоцкаго наряда на подросткѣ, то, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, сдираютъ съ нихъ. Въ васильковскомъ уѣздѣ для парубка считается приличнымъ надѣть въ день пріема жупанъ и поясъ (Трушки, васильковскаго уѣзда). Въ донской области парубокъ обязательно надѣваетъ высокую барашковую шапку, вышитую сорочку съ красной застежкой и чемерку; послѣдняя считается необходимою для парубка до такой степени, что безъ нея онъ не можетъ появиться ни на сходѣ, ни въ церкви, ни на вечерницяхъ, ни даже выйти на улицу въ праздничный день (с. Гирскій). Повсюду приличіе требуетъ, чтобы въ

день пріема въ громаду парубокъ тщательно побрился и причесался.

При пріемѣ въ громаду почти вездѣ требуется обычаемъ, чтобы принимаемый поставилъ атаману и парубкамъ могорычъ. Угощеніе происходитъ обыкновенно въ праздничный день въ шинкѣ или около шинка, причемъ вновь-поступающій иногда нанимаетъ и музыку (Ингульская Каменка александрійск. уѣзда, Эд. Іодковскій). Въ угощеніи этомъ принимаетъ участіе и онъ самъ, наравнѣ съ другими. Размѣръ могорыча колеблется въ зависимости отъ численности громады, отъ имущественнаго положенія родителей новаго парубка и отъ личныхъ качествъ новичка: тотъ—большой мастеръ пѣть пѣсни или сказки хорошо разсказывать, тотъ находчивъ, умѣетъ „выговориться“, высмѣять другихъ, тотъ умѣетъ представиться чудакомъ, а этотъ—не трусливаго десятка парень, съумѣетъ постоять за себя и за товарищей въ случаѣ надобности; такихъ и безъ могорыча примутъ (Глодоссы); съ богача, напротивъ, сдерутъ вдвое больше обыкновеннаго. Вообще говоря, при этой оказіи выпивается отъ полквартy до ведра водки, а на закуску идутъ бублики и рыба (Т. И. Осадчій).

Кромѣ могорыча обыкновенно требуется отъ вновь поступающаго денежный взносъ въ громадскую кассу, въ обычномъ, или въ двойномъ размѣрѣ (Ивота и Мамекино, новгородъ-сѣверскаго уѣзда); судя по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, размѣръ этого взноса колеблется отъ 15 до 50 к. (Ингульская Каменка, Губовка, алекс. у. и Константиновка, черкас. у.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло обходится безъ особой торжественности и обрядности: просто на просто, хлопецъ, достигшій извѣстнаго возраста, начинаетъ ходить на „улицу“, заигрывать съ дивчатами и незамѣтно присоединяется къ парубкамъ; сначала смотрятъ на него свысока, но потомъ, когда новичекъ начинаетъ участвовать въ общественныхъ складчинахъ и вносить столько же, сколько и другіе, его начинаютъ считать уже настоящимъ, равноправнымъ парубкомъ (Петроостровъ, Ингульская Каменка). Иногда парубки и помнутъ новичка немного гдѣ нибудь въ уголку, или научатъ меньшихъ, чтобы поколотили

затѣмъ, чтобы поставилъ могорычъ, и тогда уже дѣло оканчивается миромъ (Глодоссы). Въ Ингульской Каменкѣ водится слѣдующій обычай: если парубокъ вышелъ на „улыцю“ и запѣлъ а денегъ не имѣетъ на могорычъ, то громада несетъ его къ мельницѣ, разрываетъ поясокъ у штановъ и бросаетъ въ лото-, кы. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ, черниговской губ. первое появленіе парубка на вечерницахъ соотвѣтствуетъ пріему его въ громаду; новичка приводитъ на вечерницы какой нибудь товарищъ, при чемъ особаго угощенія не требуется (М. В. Рклицкій) [1]).

Съ поступленіемъ въ парубоцкую громаду, парубокъ пріобрѣтаетъ право на свободный выборъ невѣсты; выборъ же невѣсты для жениха, который не состоитъ въ парубоцкой громадѣ, болѣе зависитъ отъ родителей (Трушки, васильковскаго уѣзда); его могутъ женить даже въ такомъ случаѣ, если старшій братъ „гуляетъ“ съ парубками, но тогда послѣдній подвергается насмѣшкамъ товарищей: они говорятъ, что братъ заткнулъ его за поясъ (Ингульская Каменка). Съ поступленіемъ въ громаду парубокъ разсматривается, какъ членъ семьи съ правомъ самостоятельнаго голоса, и мнѣнія его по хозяйственнымъ вопросамъ, нерѣдко уважаются родными (Ивота и Мамекино, новгородъ-сѣверскаго уѣзда); въ немъ уважаютъ лицо, способное къ самостоятельному труду: „винъ уже косарь“ (Петроостровъ, Ингульская Каменка); онъ работаетъ тамъ, гдѣ ему больше нравится; заработанныя деньги можетъ употреблять на личныя потребности по собственному усмотрѣнію (Губовка). Онъ и самъ усваиваетъ высокое понятіе о личномъ достоинствѣ; ему уже нельзя сказать: дуракъ,—тогда какъ до того времени можно было его и за уши выдрать (Ингульская Каменка). Младшіе хлопцы и дивчата говорятъ ему *вы* и при встрѣчахъ первые кланяются (Петроост-

[1]) Въ с. Погребкахъ этого уѣзда тотъ же корреспондентъ наблюдалъ замѣчательный обрядъ при пріемѣ мальчиковъ въ общество „конюховъ“—молодежи мужскаго пола разнаго возраста, пасущей лошадей, а именно: вновь явившагося мальчика обводитъ вокругъ костра взрослый парубокъ, пользующійся особымъ уваженіемъ среди конюховъ, λαβών αὐτόν τοῦ φαλλοῦ, при чемъ вся компанія участвуетъ въ процессіи съ горящими головнями въ рукахъ; обводимый никогда не сопротивляется и не плачетъ,—мало того, если съ нимъ пріѣхалъ другой новичекъ, то, по окончаніи процессіи, говоритъ „водить же и сёго!“.

ровъ, Донская Область). Отлучки парубка изъ дома безконтрольны со стороны родителей (Ивота и Мамекино). Онъ получаетъ право приказывать младшимъ братьямъ и сестрамъ (Антоновка, елисаветгр. уѣзда, Л. Воликовскій). Во время ночовокъ въ степи съ табуномъ лошадей парубокъ не пойдетъ ни за дровами для костра, ни за огурцами и картошкой на огороды, вмѣняя это въ обязанность младшимъ хлопцамъ (Погребки, новгородъ-сѣверск. уѣзда). Впрочемъ, положеніе парубка въ нѣкоторой степени зависитъ отъ взгядовъ родителей: бываютъ такія семьи, въ которыхъ парубокъ остается въ полномъ послушаніи до самой своей женитьбы (Шамраевка, васильков. у.).

Бываютъ случаи исключенія парубковъ изъ громады („выгоняютъ въ шею"). Это дѣлается главнымъ образомъ за нарушеніе товарищескихъ отношеній, обычаевъ и правилъ: за выдачу тайны, за издѣвательства надъ товарищами (Т. И. Осадчій, Л. Воликовскій—Антоновка); особенно не переносятъ парубки бахвальства: иной пойдетъ на чужой край гулять, а тамъ какая нибудь дѣвушка ласково съ нимъ заговоритъ,—онъ готовъ уже и батька передъ нею осудить и осмѣять, не только хлопцевъ; или начнетъ выхваляться, что молъ я тамъ (т. е. на своемъ куткѣ) прямо что захочу, то и сдѣлаю,—тамъ молъ меня слушаютъ, боятся,—если я разсержусь на кого, то тотъ и изъ хаты не выглянетъ...,—а тогда хлопци, какъ узнаютъ про такія его слова, начнутъ дразнить его, или прямо прогонятъ: „лучше, скажутъ, пусть онъ самъ не выходитъ изъ хаты, чѣмъ мы черезъ него", да гдѣ нибудь такъ его пошкаютъ, что онъ и не узнаетъ кто,—только догадывается, а то въ шутку одинъ другого на него толкнетъ, или съ мѣста прогонятъ, будто шутя нужно другому сѣсть, или дивчатъ научатъ, чтобы смѣялись надъ нимъ,—такъ допекутъ таки, что больше не выйдетъ на улицу (К. Д. Морозъ—Глодоссы); не любятъ также такихъ, которые передаютъ всюду слышанные разговоры; для такихъ существуетъ еще особое названіе *почта* (К. Д. Морозъ). Бываютъ случаи исключенія изъ громады за нетрезвое поведеніе (Ивота и Мамекино). На исключеннаго изъ громады молодежь смотритъ съ нѣкоторымъ

пренебреженіемъ, его не принимаютъ и въ другія громады (Т. И. Осадчій, М. С. Крыжановская,—Губовка).

Форма взаимныхъ обращеній парубковъ соотвѣтствуетъ природѣ ихъ товарищескихъ отношеній. Они называютъ другъ друга братъ, братуха, сватъ, кумъ: сватами приходятся другъ другу братья невѣсты и жениха; взаимныя отношенія кумовьевъ въ сельскомъ быту извѣстны своей короткостью и задушевностью. Кромѣ названныхъ обращеній, парубки называютъ одинъ другого по имени и отчеству. (Петроостровъ, Ингульская Каменка, Ивота и Мамекино).

Во многихъ селахъ парубоцкая громада имѣетъ во главѣ должностное лицо, которое называется *атаманомъ*. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ иныхъ селахъ онъ называется *береза* (Вербовецъ, звенигородскаго уѣзда, Петроостровъ); но одинъ крестьянинъ таращанскаго уѣзда разъяснилъ намъ, что въ ихъ селѣ *береза и атаманъ*—два различныя лица: береза—это предводитель и регентъ колядниковъ, и съ окончаніемъ колядованія прекращается и его званіе, тогда какъ атаманъ—постоянное должностное лицо у парубковъ. Обыкновенно, атаманъ—лицо выборное, и иногда на опредѣленный срокъ,—на годъ, или на три года, чаще до вступленія въ бракъ; иногда оставляютъ въ этомъ званіи и женатаго, (Петроостровъ, Ингул., Константиновка, Губовка); въ нѣкоторыхъ селахъ принятъ порядокъ выбора по большинству голосовъ (Константиновка). Послѣ выбора новый атаманъ угощаетъ громаду водкой. Но выборы—явленіе не повсемѣстное, въ нѣкоторыхъ селахъ въ атаманы выдвигается, непосредственно въ силу уваженія къ нему, безъ всякихъ выборовъ, какой нибудь парубокъ, своими личными достоинствами (Т. И. Осадчій). Отъ атамана требуются слѣдующія личныя качества: онъ долженъ быть красивъ, высокъ ростомъ и обладать физической силой; онъ долженъ и внѣшнимъ своимъ видомъ внушать къ себѣ уваженіе; физическая сила необходима ему для водворенія порядка въ товариществѣ и устрашенія непокорныхъ; отъ него требуется также умъ, расторопность и опытность, а потому обыкновенно въ атаманы выбираютъ парубка, давно состоящаго въ громадѣ; качества эти необходимы ему для избѣ-

жанія разныхъ невзгодъ, лежащихъ на пути безпокойной парубоцкой жизни. Наконецъ, отдаютъ предпочтеніе сыну состоятельныхъ родителей и человѣку честному, въ предупрежденіе растраты громадскихъ денегъ. Растрату покрываетъ отецъ атамана, а самого атамана за растрату бьютъ, снимаютъ съ него свиту и, лишивши его присвоеннаго ему званія, исключаютъ изъ громады.

Обязанности атамана можно раздѣлить: на финансовыя и судебно-административныя. Громадскіе капиталы составляются изъ взносовъ парубковъ и ихъ сборовъ при колядованьѣ, щедрованьѣ и вожденіи козы. Въ нѣкоторыхъ селахъ, вмѣсто постоянной кассы, дѣлаются складчины, копѣекъ по 50, для выпивки и найма музыки, только въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно: на Андрія, на запусты (заговѣнье), на рождественскіе праздники, на святой (Петроостровъ); въ другихъ взносы имѣютъ болѣе правильный и постоянный характеръ; при чемъ размѣръ взноса опредѣляется атаманомъ, который собираетъ и хранитъ деньги. Въ с. Ингульской Каменкѣ, одинъ разъ въ годъ, послѣ Пасхи, происходитъ общій подсчетъ денегъ и распредѣленіе ихъ: часть идетъ на церковь, другая на выпивку, третья на сооруженіе или на починку колодца или креста при дорогѣ; въ нѣкоторыхъ селахъ пожертвованія на церковь дѣлаются по прямому распоряженію мѣстнаго священника; такъ, одинъ крестьянинъ таращанскаго уѣзда говорилъ намъ, что въ ихъ селѣ часть парубоцкихъ денегъ употребляется на покупку свѣчей и хоругвей (это дѣлается по требованію обычая), а остальныя священникъ самъ отбираетъ на церковь. Атаманъ поддерживаетъ порядокъ между парубками. Атаману парубки заносятъ жалобы, онъ разбираетъ ихъ, миритъ спорящихъ и налагаетъ штрафы и наказанія, при чемъ парубки подчиняются ему безпрекословно (Губовка, Константиновка). Въ с. Вербовецъ, звенигородскаго уѣзда, одинъ парубокъ занесъ атаману жалобу на одну знакомую ему дѣвушку въ томъ, что при встрѣчѣ съ нимъ она обратилась къ нему съ насмѣшливымъ привѣтствіемъ: „здоровъ дидусю“ (*дидусь*—была уличная кличка парубка); атаманъ приговорилъ побить ей морду (Е. И. Борисовъ). Какъ лицо, пользующееся уваженіемъ и довѣріемъ парубковъ, атаманъ является ихъ главнымъ совѣт-

никомъ въ разныхъ случаяхъ ихъ жизни, какъ то: въ случаяхъ несогласія съ другими парубоцкими громадами, необходимости побить кого-нибудь, намѣренія вымазать дивчинѣ ворота дегтемъ или занести куда нибудь ворота отъ ея хаты и т. п. (Михайловка, александровск. уѣзда). Атаману воздается почетъ при товарищескихъ выпивкахъ: во время пріемовъ въ громаду новыхъ сочленовъ, онъ, вмѣстѣ съ старшими парубками, выпиваетъ добрую половину могорыча, а остальнымъ дается по чаркѣ, по двѣ (Т. И. Осадчій).

Въ с. Константиновкѣ черкасскаго уѣзда, въ парубоцкой громадѣ, кромѣ атамана, есть еще помощникъ атамана. Онъ—тѣлохранитель атамана и долженъ его защищать въ случаѣ нападенія чужихъ парубковъ, а потому повсюду сопровождаетъ его. Парубоцкая громада въ этомъ селѣ очень многочисленная,—60 человѣкъ (А. Я. Цимбиди).

Въ иныхъ селахъ парубоцкая громада не имѣетъ внѣшней организаціи, т. е. не выбираетъ атамана; въ такихъ случаяхъ единственнымъ связующимъ учрежденіемъ для парубковъ служатъ „улыци“ и „вечерныци“ (Погребки, Глодоссы, Новоархангельскъ и др.).

„Гулять“ на „улыцяхъ“ начинаютъ иногда еще въ постъ, въ воскресенье, или подъ воскресенье, когда стало уже тепло. Съ Пасхи начинается уже настоящее гулянье. На пасхальной недѣлѣ гуляютъ и днемъ, и вечеромъ: днемъ на качеляхъ, сооруженіе которыхъ лежитъ на обязанности парубковъ, вечеромъ дивчата садятся на толокѣ, или гдѣ нибудь подъ тыномъ на бревнѣ и поютъ; парубки собираются къ атамановой хатѣ и отсюда идутъ всѣ вмѣстѣ, распѣвая пѣсни, къ дивчатамъ; придя къ нимъ, примащиваются и начинаютъ приставать съ шутками и шалостями, иногда вольнаго характера. Сборища эти, иногда продолжающіяся до полуночи, вообще отличаются очень оживленнымъ характеромъ. Одинъ корреспондентъ (Морозъ), самъ парубокъ, такъ описываетъ ихъ: „Тамъ всего бываетъ: поютъ, кричатъ, смѣются, шутятъ, представляются—тотъ жидомъ, а тотъ дурнемъ, тотъ собакою, а тотъ кошкою, или жабою, да заведутъ возню двѣ собаки съ кошкою, а то, глядишь, кто и

козою прикинется... Смѣхъ, хохотъ, шумъ!... Или начнутъ бороться; а то кто нибудь дѣвку прогонитъ съ мѣста, а другіе не даютъ, или за что другое начнутъ браниться, такъ что чертямъ станетъ весело, а то такъ даже и подерутся: свою ладонь подставитъ къ его лицу, да какъ ударитъ по ней,—то совсѣмъ будто по щекѣ; а тотъ кричитъ да сплевываетъ, да жалуется, будто бы зубы ему выбилъ и кровь идетъ... А то играютъ на языкѣ, если гармоніи нѣтъ, а другіе всѣ танцуютъ, кто какъ умѣетъ, а кто такъ просто скачетъ. Нерѣдко парубки нанимаютъ и музыку. А то дивчата начнутъ въ полголоса пѣть, а хлопци подтягиваютъ, или перебьютъ ихъ и начнутъ каждый свое, да такъ, что хоть уши затыкай; къ дивчатамъ пристаютъ, щекочатъ, обнимаютъ. Такъ гуляютъ каждый вечеръ до Вознесенья, а отъ Вознесенья до Покрова собираются только подъ праздники и въ праздники, тоже по вечерамъ (Глодоссы)". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гульбища молодежи происходятъ у шинка—этого деревенскаго клуба, при чемъ атаманъ собираетъ деньги, нанимаетъ музыку и покупаетъ водку (Константиновка).

Съ Покрова, а изрѣдка и раньше, начинаются зимнія собранія молодежи, извѣстныя подъ именемъ *досвитокъ* и *вечерницъ*. Такъ какъ эти собранія по необходимости происходятъ въ хатѣ, то молодежь въ большихъ селахъ разбивается на партіи и каждая партія ищетъ помѣщенія для вечерницъ. Обыкновенно просятся къ какому нибудь бѣдняку, у котораго нѣтъ дѣтей, или если и есть, то маленькія, потому что на досвиткахъ, случается, поютъ безстыдныя пѣсни и говорятъ что попало,—поэтому, у кого взрослыя дѣти—тотъ и не пуститъ; а то обращаются къ какой нибудь вдовѣ, обѣщая ей повисму [1]) конопли, мѣшокъ картофеля, а то и пшеницы мѣрки двѣ. Получивъ разрѣшеніе отъ кого нибудь, къ нему и ходятъ цѣлую зиму, при чемъ хозяевъ величаютъ батькомъ и матерью и относятся къ нимъ съ видимымъ почтеніемъ, предоставляя имъ первое мѣсто за столомъ во время угощеній (Петроостровъ). На Покрова, на *пущинья* передъ филиповкою, противъ Андрея (29 ноября) и на різдвяныхъ святкахъ устра-

[1]) 10 ручаекъ или жмень (сколько рукой обхватить можно).

ивають угощенья, для чего дивчата дѣлають складку, т. е. сносятъ съѣстные припасы: муки, сала, куръ, говядины, картофеля, а также кухонную посуду—сковородку, горшки, и топливо—солому и кирпичъ; керосинъ для освѣщенія приносятъ также дивчата, по очереди. Собравшись, принимаются всѣ хлопотать: варятъ, пекутъ. На Андрея варятъ постное: жарятъ рыбу на оліи, пекутъ млынци, пампушки съ медомъ, плачынды зъ озюмамы та зъ рысомъ, съ калыною та съ корынкою перижки, узваръ; кромѣ того, каждая дѣвушка печетъ по пампушкѣ для извѣстнаго гаданья о замужествѣ и, сверхъ того, *калыту* для извѣстной также игры, составляющей необходимую принадлежность этого вечера. Доставить водку считается обязанностью парубковъ; въ нѣкоторыхъ селахъ эти игрушки принимаютъ иногда характеръ безчинно-пьяный. Вотъ какъ описываетъ ихъ упомянутый выше парубокъ Морозъ, „ужинаютъ всѣ вмѣстѣ и водку пьютъ, а когда подопьютъ, то бываетъ всего: и поютъ, и танцуютъ; бываетъ—такъ раздурятся, что ужъ не знаютъ, что и дѣлать. Такъ гуляютъ за полночь. Кто упьется—лежитъ, а другой еще что-то плететъ,—ужъ гляди, едва языкомъ ворочаетъ. А тотъ танцуетъ, а тотъ поетъ, а того, гляди, уже сморило,—такъ онъ на дворъ пошелъ прогуляться, а другой еще такъ только веселенькій. И такъ „перевертается пекло“ пока сморятся дивчата и начнутъ парубкивъ уговаривать ложиться спать; воспользовавшись заташьемъ, дивчата начинаютъ стелить,—таскаютъ солому, раскладываютъ на полу и стелятъ рядна. Парубки падаютъ на постель; тотъ рядно тянетъ, тотъ смѣется, а тотъ солому треплетъ; того съ постели тянутъ... и опять, точно пекло, заворушится: смѣхъ, хохотъ, толкотня; одинъ другого душитъ, а тотъ того тянетъ, а того соломою прикроютъ, или рядномъ обмотаютъ... и такая „тяганына“ тянется еще долго, пока дивчатамъ удастся какъ нибудь постлать. А дивчата тоже подъ хмѣлькомъ,—такъ одному настелятъ соломы много, а другому—гляди—только рядно достанется; но пьяные не очень разбираютъ. Утромъ встаютъ, опохмѣляются, доѣдаютъ, что осталось съ вечера, а потомъ, вечеромъ случается, принимаются снова гулять.

Бываетъ, что такое веселье продолжается 3—4 дня подъ рядъ (Глодоссы).

Обыкновенныя вечерницы проходятъ значительно тише. Въ условленную разъ на всегда хату, подъ воскресенье или подъ праздникъ дивчата собираются съ работой: шьютъ, прядутъ.. Парубки играютъ въ карты и пьютъ водку. Начинаются шутки, затягиваютъ пѣсни. Дивчата поютъ насмѣшливыя пѣсни по адресу парубковъ, тѣ тоже не остаются въ долгу, при чемъ пѣсни парубковъ не рѣдко отличаются нескромнымъ содержаніемъ. Эта пѣсенная перебранка продолжается, пока парубки не наймутъ музыку: тогда дивчата допускаютъ парубковъ къ себѣ поближе и начинаютъ величать ихъ пѣснями, а они отвѣчаютъ тѣмъ же (Ингульская Каменка); иногда величаютъ или дразнятъ какую нибудь парочку (Глодоссы). Къ сожалѣнію, намъ не посчастливилось по части пѣсеннаго матеріала. Съ появленіемъ музыки начинаются танцы. Танцуютъ метелицу; козачка и пр., часовъ до 9—10, а иногда и за полночь (Ингул. Каменка).

Случаи нарушенія дѣвичьей чести на вечерницахъ бываютъ рѣдко. Впрочемъ, парубки въ нѣкоторыхъ селахъ относятся къ такимъ случаямъ не только безъ осуженія, но считаютъ ихъ для себя признакомъ отличія, а скромнаго товарища называютъ дурнымъ, бабою, неумѣлымъ (Трушки, Глодоссы и др.). Только въ случаѣ допущенія насилія наказываютъ обольстителя тумаками, особенно если между парубками есть родственники потерпѣвшей дѣвушки (Т. И. Осадчій). Порицаніе и протестъ встрѣчаютъ такіе случаи чаще со стороны дивчатъ, и если, нарушивъ невинность дѣвушки, парубокъ не женится на ней, то, случается, его изгоняютъ изъ вечерницъ (Погребки). Заступниками обманутыхъ дѣвушекъ выступаютъ, кромѣ того, ихъ отцы. Для начала дѣла обыкновенно отецъ считаетъ необходимымъ выбранить и побить пострадавшую; потомъ онъ заноситъ жалобу въ расправу или въ волость и требуетъ, чтобы обольститель женился на его дочери, или вознаградилъ ее за безчестіе деньгами; иногда дѣло оканчивается примиреніемъ: виновный покупаетъ водку и на томъ оканчивается тяжба (Ингульская Каменка, Петроостровъ). Если случай сдѣлался извѣстнымъ, дѣ-

вушка иногда подвергается жестокому преслѣдованію со стороны парубковъ; много ей всякихъ, иногда мерзкихъ и жестокихъ, обидъ приходится претерпѣть отъ мужской молодежи: ей вымазываютъ дегтемъ хату, рисуютъ на стѣнкахъ непристойныя изображенія, выносятъ ночью ворота куда нибудь и пр. (Петроостровъ). Страхъ огласки и позора иногда доводитъ дѣвушку до полнаго развращенія. „Если дѣвушка потеряла честь (пишетъ не разъ упомянутый Морозъ), то уже поневолѣ слушаетъ своего обольстителя, потому что онъ начнетъ стращать, что другимъ разскажетъ, при всей громадѣ,—вотъ она, изъ боязни, и повинуется ему, а отцу, или матери, стыдно признаться: такъ она, бѣдная, поневолѣ живетъ съ нимъ,—случается, и съ дѣтьми бываютъ; да хорошо еще, если обольститель имѣетъ намѣреніе взять ее за себя,—живутъ себѣ, и вдвоемъ только и знаютъ про то; а если онъ хочетъ только поглумиться надъ нею, такъ и броситъ, да и разскажетъ товарищу, а тотъ добьется того же самаго да разскажетъ третьему; наконецъ поведеніе дѣвушки становится извѣстнымъ всѣмъ; тогда она дѣлается предметомъ общаго презрѣнія, всѣ издѣваются надъ нею, а она—съ досады и горя—уже и не уклоняется отъ распутства,—думаетъ: коли такъ, такъ пусть и будетъ такъ, какъ говорятъ; пускай говорятъ не даромъ (К. Д. Морозъ)“...

Въ Кіевщинѣ, какъ бы ни было обширно поселеніе, существуетъ по большей части только одна парубоцкая громада съ однимъ атаманомъ, разбивающаяся, во время командованья, на двѣ или на три партіи; въ херсонщинѣ же наблюдается другое: напр., большое село Верблюжка (алекс. у.) раздѣляется на четыре кутка, или сотни (по терминологіи бывшихъ военныхъ поселеній), и, соотвѣтственно этому, въ немъ существуетъ четыре громады; такова же организація и въ сосѣднихъ селахъ; каждая изъ этихъ громадъ имѣетъ своего атамана, свою кассу, свою колядку и пр. (Т. И. Осадчій). Взаимныя отношенія между отдѣльными громадами всецѣло зависятъ отъ дивчатъ, и пока дѣло не дойдетъ до нихъ, онѣ имѣютъ мирный характеръ. Дѣло въ томъ, что каждая громада парубковъ ревниво оберегаетъ дѣвушекъ своего кутка отъ всякихъ покушеній со стороны чу-

жихъ парубковъ. Атаманъ с. Константиновки черкасскаго у. Юхв. Глущенко, въ отвѣтъ на запросы наши, пишетъ: „когда приходитъ изъ сосѣднихъ деревень хлопецъ и желаетъ погулять съ дѣвками, то мы требуемъ съ него четверть водки, а который прійдетъ погулять съ хлопцами, то съ него не требуется ничего (сообщ. А. Ѳ. Цимбиди; тоже въ Ингул. Каменкѣ)". Подъ условіемъ могорыча, пустятъ чужого парубка и на музыки, и на вечерницы, позволятъ полюбезничать съ дивчатами, но ни подъ какимъ видомъ не допустятъ лечь спать на соломѣ съ дивчиной (Погребки. М. В. Рклицкій). Иногда при первыхъ же попыткахъ его завязать любовныя отношенія, съ приходомъ его „на выгляды", дѣло приходитъ къ кулачной расправѣ (Ивота и Мамекино), при чемъ бываютъ случаи жестокаго избіенія пришельцевъ; товарищи побитаго выступаютъ защитниками и мстителями, и тогда побоище принимаетъ болѣе широкіе размѣры; дѣло доходитъ до того, что парубки портятъ гребли, чтобы прекратить доступъ противникамъ на свой кутокъ или въ свое село. Для характеристики этихъ войнъ приводимъ разсказъ объ одной изъ нихъ одного корреспондента изъ крестьянъ. „Село наше (Новоархангельскъ), пишетъ онъ, дѣлится на два кутка: Михайловскій и Варваровскій, которые получили свои названія по церквамъ, бывшимъ въ нихъ прежде. Ежегодно происходили между парубками этихъ кутковъ постоянныя драки, и больше всего изъ-за дѣвокъ. На первый день пасхи въ нынѣшнемъ году, послѣ обѣда, парубки изъ Варваровскаго кутка пришли на Михайловскій кутокъ, наняли качель Михайловскимъ дѣвкамъ, да еще выбрали самыхъ красивыхъ, и сами сѣли съ ними. Михайловскіе хлопцы моргали дивчатамъ, чтобы не садились съ варваровскими, но дивчата не то не рѣшились отказать варваровскимъ хлопцамъ, а, можетъ, не захотѣли слушаться своихъ. И вотъ, только слѣзли съ качели варваровскіе парубки и стали въ сторонѣ, какъ подходятъ къ нимъ человѣкъ шесть михайловскихъ, какъ влѣпятъ имъ хорошихъ пощечинъ... и скрылись въ толпѣ. Тогда варваровцы молча пошли на свой кутокъ, подговорили своихъ товарищей, душъ двадцать, захватили здоровыя дубины, пошли и засѣли въ огородахъ на михайловскомъ куткѣ, недалеко отъ

качели, а одного изъ своей компаніи, самаго сильнаго и ловкаго, послали къ качели; тотъ принимается дразнить парубковъ, и вотъ, одинъ изъ нихъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: „шо ты задаесся?“—а этотъ какъ свиснетъ его въ морду,—тотъ даже пошатнулся... Тогда душъ пятнадцать, а можетъ быть и больше, кинулись на него, а онъ—шмыгъ въ огороды, гдѣ сидѣли его товарищи; когда михайловскіе минули засаду, варваровскіе кинулись на нихъ съ люшнями и дубинами и хорошо-хорошо отлупили ихъ (А. Школа.)“.

Въ нѣкоторыхъ селахъ херсонскаго края такія отношенія между кутками получаютъ національный отпечатокъ; соотвѣтственно условіямъ заселенія села, оно раздѣляется, напр., на малорусскій и молдаванскій кутки, и вотъ парубки этихъ національныхъ группъ ревниво оберегаютъ своихъ дивчатъ отъ ухаживаній и отъ непріятностей со стороны парубковъ другой національности (Т. И. Осадчій). Въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ приспособленіе древняго обычая къ новымъ условіямъ жизни.

Общія собранія молодежи, „вулыци“ и „вечерныци“, составляютъ главное, а часто и единственное начало, которое связуетъ ее воедино и сообщаетъ ей общественную организацію. Но есть и другія области для взаимнаго общенія сельской молодежи; есть дѣла и обязанности, которыя исполняются совокупными силами всей молодежи села. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ святочные обряды и увеселенія: колядованье, хожденіе со звѣздою и съ козою и щедрованье; къ этому прибавляется еще въ нѣкоторыхъ селахъ херсонской губ. представленіе такъ наз. „Трона“ („Царя Максимиліана“). Приступая къ колядованью, парубки—всѣмъ обществомъ, или раздѣлившись на партіи, предводимыя особымъ лицомъ, „березою“,—считаютъ необходимымъ предварительно получить отъ священника благословеніе (Петроостровъ). Получаемый при этомъ хожденіи доходъ деньгами, калачами, паляницами и пр. колядники дѣлятъ между собою, а треть или двѣ трети отдаютъ на церковь (Петроостровъ, Губовка); въ нѣкоторыхъ селахъ на вырученныя деньги парубки покупаютъ сами къ церковь иконы, кресты и хоругви (Антоновка, Константиновка и др.) и пріобрѣтаютъ особыя свѣчи для церковныхъ цере-

моній (Вербовецъ, звенигор. у., Е. И. Борисовъ). На Крещенье парубки вырубываютъ крестъ во льду (Губовка), на Пасху устраиваютъ „качельню", „коныки", иначе—„карюсель", при чемъ за пользованіе ими берутъ съ чужихъ парубковъ плату, обыкновенно крашанками (Новоархангельскъ). Далѣе парубоцкія громады многихъ селъ считаютъ на своемъ попеченіи колодцы, особенно въ полѣ, они копаютъ, поправляютъ и чистятъ ихъ; колодцы, на границахъ земель, сооружаются сообща парубоцкими громадами сосѣднихъ селъ, при чемъ иногда парубки одного изъ нихъ поставляютъ матеріалъ, а парубки другого—даютъ свой трудъ. Разъ въ году парубоцкая громада приглашаетъ духовенство освятить колодезъ, при чемъ въ крестномъ ходѣ парубки несутъ свои хоругви. Обыкновенно, это освященіе имѣетъ мѣсто на Макковея (1 августа), при чемъ дивчата надѣваютъ вѣнки и по окончаніи молебствія расходятся съ пѣснями (Вербовецъ, Петроостровъ). Возлѣ с. Константиновки черкасскаго у., криница расположена на возвышенности и возлѣ нея поставленъ крестъ; освящаютъ ее на Тройцу, послѣ чего парубоцтво направляется къ атаману и гуляетъ передъ его хатой съ дивками (Юхв. Голущенко). Въ нѣкоторыхъ селахъ послѣ освященія колодца слѣдуетъ общественный обѣдъ на травѣ (Т. И. Осадчій, Щербановская вол. 44), при чемъ расходы покрываются въ складчину. Въ нѣкоторыхъ селахъ херсонской губ. такимъ же образомъ парубки устраиваютъ освященіе царины (Т. И. Осадчій). Въ Донской области на обязанности парубковъ лежитъ оберегать по ночамъ посѣвы отъ выпаса чужими лошадьми и ночные обходы въ деревнѣ (Гирскій), въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ—пасти по ночамъ лошадей (М. В. Рклицкій).

Таковы существенныя обязанности союзовъ мужской молодежи, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи. У П. И. Якушкина въ замѣчаніяхъ о Донской области находимъ весьма любопытный разсказъ о томъ, какъ дѣвки-козачки мучили мужичку-наймичку за то, что она отбивала у нихъ парней [1]). Подобныхъ разсказовъ намъ не приходилось получать

[1]) Сочиненія, Спб. 1884, стр. 405.

отъ нашихъ корреспондентовъ. На нашемъ югѣ дѣвичье общество имѣетъ мало самостоятельнаго значенія и лишено своей собственной организаціи. Любопытно, однако, что въ весенней игрѣ *нелюбъ* есть *атаманша* [2]). Въ с. Михайловкѣ, александрійск. у., дѣвушки выбираютъ изъ своей среды разъ въ годъ атаманшу, которая собираетъ деньги на освященіе своего, *дивочьяго* колодца за селомъ и припасы на общее угощеніе послѣ него, при чемъ обѣдъ варятъ матери ихъ (Т. О. Курловъ). Въ нѣкоторыхъ селахъ звенигородскаго у. дивчата покупаютъ свою свѣчу для церкви (Е. И. Борисовъ). Для устройства вечерницъ и гаданій дѣвушки собираются въ кружки, при чемъ хозяйственная часть собраній лежитъ на нихъ (Осадчій, Крыжановская и др.). Въ с. Константиновкѣ черкасскаго у. первое появленіе „на вулыци“ дѣвушки 15—16 лѣтъ сопровождается наймомъ музыки на парубоцкій счетъ (А. Ѳ. Цимбиди).

Этимъ мы заканчиваемъ обозрѣніе нашего матеріала о союзахъ и сборищахъ сельской молодежи зрѣлаго возраста. Но во многихъ селахъ и молодежь незрѣлая устраиваетъ „гулянья“ и на улицахъ, и въ хатахъ, при чемъ занимается борьбой, пѣніемъ (Шамраевка), играетъ въ карты, предпочтительно въ фильку и стуколку, на бублики и спички (Ивота, Мамекино, Глодоссы), а въ селахъ съ расшатанной нравственностью, изъ подражанія старшимъ, пьютъ и водку (Губовка). При колядованьи подростки нерѣдко составляютъ особый кружокъ (Ивота и Мамекино, Глодоссы и др.). Старшіе парубки относятся къ зеленой молодежи, „парубчакамъ“, насмѣшливо, а если захватятъ кого нибудь изъ нихъ у старшихъ дивчатъ, то подвергаютъ униженіямъ, такъ заставляютъ ихъ „гавкать на куцюбу (кочергу)“ и т. п. „Батьки“ на сборища подростковъ смотрятъ снисходительно, только не позволяютъ возвращаться домой поздно.

Наконецъ, кромѣ сборищъ молодежи, и представители другихъ возрастовъ, возмужалаго и старческаго, также имѣютъ

---

[2]) Чуб., III, 90.

обыкновеніе собираться кружками въ одной какой либо хатѣ бесѣдовать и угощаться; когда собравшіеся повеселѣютъ, то является потребность вспомнить старину не однимъ только словомъ, но и пѣсней, и пляской (Глодоссы, К. Д. Морозъ).

В. Ястребовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо святителя Феодосія Углицкаго. Въ Черниг. губ. вѣд. за настоящій годъ (№ 863) напечатанъ фототипный снимокъ съ письма святителя Феодосія Углицкаго (мощи котораго торжественно открыты мѣсяцъ назадъ въ Черниговѣ), письма, писаннаго въ 1691 г. къ «державцѣ» с. Обтова (Кролевецк. у.) Ивану Забѣлѣ, съ представительствомъ за тамошняго священника, чтобы послѣдній «не былъ отдаленъ» отъ Обтовской церкви. Письмо это приводимъ здѣсь полностью.

Мосцѣ пане Забѣла, мнѣ велце мосцѣ пане.

Честный отецъ Григорій, священникъ Обтовскій, просилъ мя слезне о причину до вашей мости пана, абы не былъ отдаленный отъ церкви Обтовской, до которое и святился. Прошу теды за нымъ, вм. м. милостивого пана, абысь его в ласце своей заховалъ. Если бы зась згола не поступовалъ такъ, яко потреба, то правне его треба зъ парохиѣ закладати, тоесть передъ судомъ духовнымъ припозвати, вины его доводне показати, а такъ правилно если з парохнѣ и изженется, безгрѣшно будетъ. Молитвы мои затымъ и поволне услуги, вм. м. пану, залецаю. Писанъ в монас. Елец. Чер. року 1691, мар. 18.

Вм. м. м. пана всѣхъ добръ спрнлючий богомолецъ и радъ служити Ѳеодосій Углицкій Ар. Елец. Чер.[1]).

Приведенное письмо представляетъ собою любопытное свѣдѣніе о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали въ старой Малороссіи между сельскими священниками и державцами ихъ селъ. На страницахъ «Кіевской Старины» недавно былъ напечатанъ (1896 г., іюнь, 88) отрывокъ изъ тѣхъ дезидератъ, которыя были заявлены малорусскимъ духовенствомъ въ Екатерининскую коммисію;

[1]) На письмѣ надпись: „Моему мл. пану его мл. пану Іоану Забѣлѣ на Обтовѣ отдати належитъ“.

здѣсь между прочимъ «бѣлое священство», жалуясь на гнетъ державцевъ надъ сельскими священниками, указываетъ, что послѣдніе очень часто не смѣютъ и литургіи начать безъ разрѣшенія «владѣльцевъ». При такихъ отношеніяхъ сельскій священникъ, конечно, вполѣ зависѣлъ отъ мѣстнаго державцы.

А. Л.

Къ исторіи возстанія Наливайка. Осенью 1594 г. Наливайко съ собранною имъ вольницею возвратился въ Брацлавщину изъ набѣга, предпринятаго на Молдавію. Расположившись въ Брацлавѣ и его окрестностяхъ, Наливайко потребовалъ отъ земянъ воеводства Брацлавскаго «стаціи и номерного», т. е. квартиръ и корма для своей дружины, а также доставки нѣсколькихъ сотъ лошадей; земяне отказались исполнить это требованіе и для совѣщанія о мѣрахъ защиты назначили съѣздъ въ Брацлавѣ подъ предлогомъ «судовыхъ рачковъ»; они не рисковали однако являться въ Брацлавъ по одиночкѣ и рѣшили собраться предварительно въ таборъ подъ городомъ и затѣмъ въѣхать въ городъ вмѣстѣ; они извѣстили объ этомъ брацлавскій магистратъ «жебы ся тымъ не ображали противно насъ, же громадою въ одномъ местци до Браславля съ судомъ земскимъ ѣдемо».—Но магистратъ, встрѣтилъ предложеніе земянъ недружелюбно: посланный въ городъ съ извѣщеніемъ дворянинъ Григорій Цурковскій былъ задержанъ въ городѣ, и магистратъ, «маючи собе на помочь того-то человѣка незбожного, Наливайка зъ его дружиною», организовалъ вооруженное нападеніе на шляхецкій таборъ, расположенный вблизи города на берегу Буга. Мѣщане и козаки застигли неожиданно ночью шляхецкій таборъ и совершенно его разгромили: нѣкоторые шляхтичи и ихъ слуги были убиты, многіе поранены, имущество ихъ разграблено и весь таборъ разсѣянъ [1]). Изъ ниже приведеннаго документа видно, что брацлавскіе мѣщане предприняли нападеніе имѣя въ виду ясно опредѣленную цѣль: они желали, пользуясь помощью козаковъ, избавиться отъ тяготѣвшей надъ ними власти старосты и отъ преобладанія дворянскаго сословія, поддерживавшаго старостинскую власть и покровительствуемаго ею. Дѣйствительно, брацлавяне достигли на нѣкоторое, весьма впрочемъ непродолжительное, время полной автономіи своего города.

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. III, т. I, стр. 66—68.

Весною 1595 г. Наливайко съ своею дружиною ушелъ въ походъ въ Трансильванію; обстоятельствомъ этимъ воспользовались польскія власти для того, чтобы усмирить строптивый городъ. Въ концѣ мая гетманъ польный коронный, Станиславъ Жолкевскій, послалъ «напомненіе» брацлавскому магистрату, требуя, чтобы городъ призналъ вновь власть старосты и отдалъ въ его распоряженіе захваченные мѣщанами замокъ и гродскую канцелярію, въ которой хранились имущественные документы земянъ всего воеводства. Увѣщаніе гетмана передано было магистрату ротмистрами панцырныхъ хоругвей, командированныхъ гетманомъ для усмиренія города. Мѣщане, лишенные теперь помощи козаковъ, не разсчитывали отстоять городъ собственными силами; они должны были смириться. Въ знакъ покорности они составили повинную, въ которой просили прощенія и обѣщали пополнить причиненные ими старостѣ убытки. Документъ этотъ былъ явленъ въ гродскія брацлавскія книги 9 іюня 1595 года. Приводимъ его полный текстъ:

«Я Романъ Тишченко, войтъ брацлавскій, Илько Манъ, Яцко Забила, Наумъ Гритченко, Васько Билоусенко, Михно Коваленко, Ясько Гаченко, Ивашко Стешенко, Семенъ Бордушка, Іосипъ Гончаренко, Грышко Москоуда, Савка Наполисный, Савка Бондуганъ, также вся громада, мещане брацлавскіе, вызнаваемъ тымъ лыстомъ нашимъ, кому того потреба будетъ вѣдати, або, чтучи его, слышати, теперъ и завжды у кождого права и на кождымъ мейсту: А што есьмо зъ глупости нашои, не ушановавши пана подстаростого его милости пана Юрія Струся зъ Коморова, старосты брацлавского, винницкого и звенигородского—пана Станислава Ястрембского, замокъ его королевской милости Брацлавскій, для небезпечности, которая на насъ заходыла, взялы; который мы вси одностайне, за напомненемъ Е. М. п. Станислава Жулковского, каштеляна Львовского, гетмана польного коронного, старосты Грубешовского, Калуского, подъ писаніе листу Е. М., которому то его королевская милость и речь посполитая за вины наши, абы, ведле декрету Е К. М-ти, зъ казни скутокъ привезти рачилъ, особливо его милость насъ напомнети рачилъ, предъ Е.М. п. Крыштофа Творянского, ротмистра Е К. М-ти, абысьмы замокъ Е. К. М-ти брацлавскій, Е. М. старосте нашому Брацлавскому, пану Юрію Струсю зъ Коморова въ цале вернулы. Мы вси одностайне, одъ старшого аж до меншого, взнавши выступокъ нашои вины, не припущаючи до чинення екзекуціи, на насъ взказаное ведле декрету Е. К. М-ти, черезъ певныхъ особъ: Е. М. п. Крыштофа Творянскаго, п. Ми-

хайла Ласка, подсудка и при инныхъ не мало ихъ мылостей пановъ шляхты воеводства Брацлавского, товаришовъ роты Е. М. п. Творянского, также и товаришовъ роты Е. М. п Яна Замойского, стражника и ротмистра Е. К. М-ти и презъ возныхъ повѣтовыхъ—воеводства Брацлавского: генерала земли Кіевское, Волынское, Брацлавкое, Яцка Шиколовского и Дмитра Щыкитинского, замокъ Е. К. М-ти Брацлавскій Е. М. пану Юрію Струсю, старостѣ нашому Брацлавскому, зо всіми дилы, зъ гаковницями, зъ прохи, зъ кули и иншую армату, до стрельбы належачую, книги, которые въ замку, въ схованю, въ коморе были: року 1578 и 1579, року 1580, 1581, 1582, 1583, 1884, 1585, 1586 и 1590, подалы. Который то замокъ и всю стрельбу его милость панъ староста Брацлавскій подстаростему своему, томужъ пану Станиславу Ястрембскому одобраты, а пану Григорію Байбузѣ, писарю гродскому брацлавскому, книги гродскіе одобраты розказати рачилъ. При которомъ одбираніи панъ Григорій Байбуза, писарь, то оповѣдалъ и ихъ милостью панами и возными сведчилъ, ижъ за рокъ 1577, 1587, 1588, 1589, 1591, 1592, 1593 и 1594—не маешь; которые книги мы одыскаты будемъ повинни, такожъ за вси выны Е. К. М-ти и речи посполитее чинить и полнить ведлугъ воли и разказаня Е. К. М-ти будемъ повинни, а особливе, штосьмы винни за шкоды Е. М-ти п. старостѣ зосталы и листы и запысы наши на себе есьмо Е. М-ти далы и то все присягою телесною есьмо потвердылы и тотъ листъ нашъ, печатью нашею мескою притыснувши, Е. М-ти п. старосте Брацлавскому далы есьми; до которого за устною а очевистою прозьбою нашею Е. М. п. Крыштофъ Творянскій, ротмистръ Е. К. М-ти, п. Михайло Ласко, подсудокъ земскій брацлавскій, п. Людвикъ Злотницкій, п. Мыколай Злочевскій, п. Павелъ Прилуцкій, п. Войтехъ Богуславскій, п. Вацлавъ Тернавскій и возные воеводства Брацлавского: Яцко Шиколовскій генералъ, а Дмитръ Щыкитинскій, печати свое приложылы и руки свое, хто зъ ихъ милостей писаты умелъ, подписаты рачылы. Писанъ въ Брацлавли лета Божого нароженя 1595, мисяця іюня 8 дня (слѣдуютъ подписи) [1]).

Замокъ съ артиллеріею и амуниціею былъ сданъ мѣщанами немедленно намѣстнику старосты, но пополнить недостающія въ гродской канцеляріи актовыя книги оказалось невозможнымъ; книги эти были частью изорваны, частью унесены козаками; неудивительно, что поиски мѣщанъ, если даже таковые и предпринимались, не увѣнча-

[1]) Кн. гродск. винницкая записовая и поточная № 4627, стр. 46—48.

лись успѣхомъ. Полтора года спустя послѣ явки ими вышеприведеннаго документа, канцлеръ Янъ Замойскій, скупавшій въ то время помѣстья въ Брацлавщинѣ, записалъ въ брацлавскія гродскія книги 1596 года, декабря 14, слѣдующее заявленіе: «Тыхъ недавно прошлыхъ часовъ люде свавольны, украинны—козацтво, на место и замокъ Брацлавскій наѣхавши, шляхту тамошнюю, которые ся были на роки, подъ часъ наѣханя ихъ припалы, зъѣхали, разгромивши, немало гвалтовъ и шкодъ причинили: книги земскіе и гродскіе тамошніе показили, а нѣкоторые побрали». Въ томъ числѣ истреблены были и документы Замойскаго: «листы головные, купни и записи на Стинку, Скиндеровщину и Бушую» [1]).

В. А.

Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи.— Дикимъ конямъ въ послѣднее время посчастливилось: имъ посвящены (въ Ж. М. Нар. Пр.) два обширныхъ изслѣдованія П. И. Кеппеномъ и Д. Н. Анучинымъ, которые много потрудились надъ изученіемъ литературныхъ, главнымъ образомъ, извѣстій о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи: о мѣстностяхъ, гдѣ водились дикіе кони, о физическихъ способностяхъ и нравахъ дикихъ коней, о пріемахъ охоты на нихъ, о приручении и пр. Однако, оба изслѣдователя не могли прійти къ соглашенію по вопросу первой важности: между тѣмъ какъ г. Кеппенъ выступаетъ съ мнѣніемъ, что позднѣйшія, водившіяся на югѣ Россіи еще не на памяти старожиловъ, дикія лошади суть потомки дикихъ лошадей древняго, скифскаго періода,— проф. Анучинъ считаетъ ихъ одичавшими домашними лошадьми. Предоставляя спеціалистамъ окончательное разрѣшеніе этого спорнаго вопроса, предлагаю въ настоящей замѣткѣ вниманію читателей имѣющіеся у меня разсказы двухъ стариковъ о дикихъ лошадяхъ; первый изъ этихъ разсказовъ записанъ В. Юрьевичемъ, второй—Ив. Экскузовичемъ; въ моей передачѣ разсказы должны были подвергнуться небольшой редакціонной обработкѣ.

I. Въ черноморскихъ степяхъ въ старое время водились лошади совершенно дикія, никому не принадлежавшія. Роста онѣ были менѣе двухъ аршинъ, масти—темно-мышастой, съ черной полосой на хребтѣ, съ короткими шеями, съ очень сухими ногами на короткихъ бабкахъ

---

[1]) Книга гродская винницкая № 4627, л. 44 на об.

и съ очень твердымъ копытомъ; лопатки и ноги, отъ колѣнъ до копытъ, были такой же масти, какъ спинная полоса; хвостъ, грива, концы ушей и конецъ морды были тоже темной масти. Водились онѣ табунами. Въ табунѣ обыкновенно было ихъ по нѣсколько десятковъ головъ. Водилъ и сторожилъ табунъ одинъ жеребецъ, который, при приближеніи опасности, уводилъ за собой весь табунъ, при чемъ нерѣдко послѣдній мчался безъ остановокъ нѣсколько десятковъ верстъ. Такъ какъ черноморскія степи орошены на сѣверѣ обильнѣе, чѣмъ на югѣ, то табуны лѣтомъ подвигались на сѣверъ, а на зиму переходили на югъ, такъ какъ зимы тамъ теплѣе, и выгребали себѣ изъ подъ снѣга въ пищу сухую траву. Нрава онѣ были очень дикаго; охота на нихъ была очень трудна и не представляла никакой пользы, такъ какъ, будучи пойманы, онѣ не принимали пищи и умирали съ голода, или убивались при выѣздкѣ. Охотились на нихъ при помощи заранѣе вырытыхъ ямъ, въ которыя старались ихъ загнать. По мѣрѣ увеличенія населенія черноморскихъ степей, дикія лошади постепенно отодвигались къ юго-востоку и впослѣдствіи совершенно исчезли въ закаспійскихъ степяхъ.

II. Въ тридцатыхъ годахъ, имѣя лѣтъ 8 отъ роду, я гостилъ у тетки моей, помѣщицы херсонскаго уѣзда, въ обществѣ троихъ ея сыновей, моихъ сверстниковъ. Однажды намъ сказали, что поваръ, бывшій ночью на засѣдкѣ, убилъ дикаго жеребца, и что этого послѣдняго привезли уже въ экономію. Не теряя ни минуты времени, всѣ мы ввалились въ большой сарай, въ которомъ стояли сани съ убитою лошадью, которую осматривала вся дворня. При нашемъ появленіи, зрители разступились и уступили намъ лучшія мѣста, такъ что мы получили возможность отлично разсмотрѣть лошадь: роста она была ниже средняго, кажется, менѣе извѣстныхъ намъ пони, хвостъ густой, кудрявый, чорный, грива тонковата, также курчавая и черная, рубашка вся безъ отмѣтъ, мышинаго цвѣта, глянцовитая, уши маленькія, стоячія. Поваръ получилъ съ нея 4 пуда сала. Охота на дикихъ лошадей производилась слѣдующимъ образомъ. Съ осени вокругъ скирдъ сѣна копались волчьи ямы, которыя хорошо закрывали хворостомъ и тростникомъ и засыпали соломой и бурьяномъ; а притрушенныя снѣгомъ, онѣ и вовсе становились незамѣтными. И вотъ косякъ дикихъ лошадей приходилъ покормиться сѣномъ, и нѣкоторыя, не замѣтивъ ямъ, попадали въ нихъ. Существовалъ еще такой способъ охоты. Ставили три скирды сѣна такимъ образомъ, что образовывался четыреугольный загонъ, одна изъ сторонъ котораго

служила входомъ. Въ большіе холода, особенно при вѣтрѣ, дикія лошади сами заходили въ такіе загоны, чтобы укрыться отъ стужи, при чемъ охотники прятались въ сѣнѣ и при первой возможности набрасывали на нихъ прихваченные съ собою арканы. Не помню случая приручения взрослой дикой лошади; обыкновенно, онѣ не переносили неволи: пойманныя ничего не ѣли и погибали отъ тоски и голода. Но бывали рѣдкіе случаи выдерживанія дикихъ лошадей, пойманныхъ лошатами. Одному охотнику удалось поймать матку съ двумя маленькими лошатами. Матка черезъ нѣсколько дней пала, а двухъ лошатъ охотникъ-любитель собственноручно выкормилъ молокомъ. Когда они достигли двухлѣтняго возраста, онъ началъ запрягать ихъ, по очереди, вмѣстѣ съ домашней смирной лошадью. Послѣ настойчивыхъ и долгихъ усилій ему удалось нѣсколько усмирить дикарей; очень часто они пробовали проявлять свои природные инстинкты, но старая домашняя лошадь укрощала ихъ своимъ участіемъ въ запряжкѣ. Наконецъ, настойчивый учитель-охотникъ рискнулъ запречь двоихъ лошаковъ вмѣстѣ; но только-что онъ это сдѣлалъ, какъ лошади вырвали изъ рукъ возжи, рванули телѣгу, разбили ее, а сами, какъ вѣтеръ, исчезли въ широкой степи навсегда.

Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.**

Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ [1]). Полтава стоитъ по правую сторону рѣки Рогозны, неподалеку вытекающей и впадающей въ Ворсклу,—на горѣ, отбрасывающей восемь вѣтвей, съ небольшими оврагами, лѣсочками и садами въ средину города. Между ними протекаютъ небольшіе ручейки и впадаютъ въ рѣчки: Чорную и Полтавку, а сіи въ Рогозну. Съ восточной стороны у подошвы горы развертывается прекраснѣйшая равнина и касается прелестнаго холма, на которомъ возвышается монастырь, окруженный садомъ и рощею; по лугу, пересѣкаемому излучистою рѣкою и ручейками, разсыпаны кое-гдѣ лѣсочки; за равниною чрезъ лѣсъ мелькаютъ сельскія хижины, пески въ пріятной разнообразности. Обращаясь къ городу отъ Харьковской дороги—по косогору растянуты обывательскія хижины, осѣ-

[1]) Перепечатывая здѣсь любопытныя свѣдѣнія о Полтавѣ въ 1816 г. (Украинск. Журналъ 1816 г., май, 235—246 г.), усердно просимъ полтавскихъ старожиловъ о разъясненіи и дополненіи этихъ свѣдѣній. Насколько, напр., вѣрно свѣдѣніе, что въ срединѣ города находился садъ Кочубея, занимавшій будто *сто десятинъ*?—*Ред.*

нѣмые садами; на высотѣ горы нѣсколько красивыхъ домиковъ, а за ними—церкви. Съ Южной стороны обнимаютъ городъ покосы; а съ Западной и Сѣверной на равнинѣ пахатныя земли, по коимъ лежатъ дороги въ города: Зѣньковъ, Кременчугъ и Кобылякъ.—Прекрасное положеніе и виды—смѣло могу сказать—рѣдкіе около Полтавы. Перо путешественника-поэта и кисть живописца найдутъ здѣсь пріятнѣйшее для себя занятіе.

Городъ раздѣленъ на семь большихъ площадей, двѣнадцать площадокъ для красивости и сто три улицы, расположенныхъ по плану. Все это занимаетъ 1087 десятинъ.

Зданія на старыхъ мѣстахъ оставленныя.

Монастырь, Соборъ, три каменныя и четыре деревянныя приходскія Церкви, два каменныхъ казенныхъ дома: для воспитанія бѣдныхъ въ три, и для Городской Думы и Ратуши въ два этажа.

Частные домы—исключая не многіе—всѣ назначены къ сломкѣ и перенесенію по плану.

Казенныя зданія, вновь по плану устроенныя.

(Съ 1803—по открытіи губерніи).

Въ центрѣ круглой площади, называемой Александровскою, имѣющей въ діаметрѣ 162 сажени и принимающей въ себя восемь правильныхъ улицъ, воздвигнутъ монументъ въ воспоминаніе достославной побѣды Великаго Петра надъ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ.

Безъ сомнѣнія, ты видѣлъ рисунокъ онаго въ Петербургѣ; но мудрено ли забыть? Я напомню: онъ имѣетъ изъ полированнаго гранита квадратное основаніе, изъ коего выглядываютъ со всѣхъ сторонъ 18 большихъ чугунныхъ пушекъ; по краямъ онаго желѣзные мечи съ позолоченными эфесами составляютъ балюстраду; съ двухъ сторонъ ступеньки изъ песковатаго камня ведутъ къ пьедесталу изъ гранита-жъ, на коемъ возвышается чугунная колонна, украшенная бронзовою коринѳскою капителью; на ней полушаріе, на которомъ утвержденъ орелъ съ распростертыми крыльями, держащій въ носу лавровый вѣнецъ, а въ лапахъ перуны; колонна въ трехъ мѣстахъ обвита лавровыми вѣнками; по двумъ сторонамъ пьедестала—арматура, на третьей—среди свитой въ кольцо змѣи написано: *іюня 27 дня 1709 года*; на четвертой:—*Окончень 1809 года*, а внизу: *Попеченіемъ Малороссійскаго Генералъ-Губернатора Князя Алексѣя Борисовича Куракина*[1]),

[1]) Всѣ сіи украшенія—изъ бронзы.

около основанія на небольшомъ разстояніи поставлены изъ дикаго камня тумбы, соединенныя желѣзными цѣпями. Высота монумента 6½ саженъ.

Въ Полтавѣ прежде былъ кирпичный монументъ, въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ поставленный, въ видѣ конической пирамиды съ позолоченною короною, треугольнымъ сіяніемъ на верху, и стихами на мѣдной доскѣ, изображающей Полтавское сраженіе. Но онъ вмѣстѣ съ другими строеніями уничтоженъ по предназначенію.

Вотъ *стихи вырѣзанные на доскѣ*:

„Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Самсоновъ Карлъ, сраженъ Петромъ, упалъ;
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы,
Руденко, гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей славной битвѣ былъ,
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Самсону;
Въ хвалу-жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средъ стѣнъ Отечества поставилъ образъ сей".

Доска сія нынѣ хранится въ церкви Воскресенія Христова.

Монументъ и стихи, конечно, недостойны были своего назначенія. Но ихъ произвело усердіе частнаго человѣка и пламенная любовь къ Отечеству, Государю, въ память потомству. Сія чистая жертва, на олтарь Отечества возложенная, возбуждала бы кажется въ согражданахъ его, въ друзьяхъ, въ дѣтяхъ, въ потомкахъ чувство подобное его чувству, и дѣяніе глубже врѣзывалось бы въ сердца ихъ. — Надлежало бы потому его оставить; но рука времени начала разрушать его и портить мѣсто.

Обратимся къ новымъ казеннымъ зданіямъ пріятнѣйшей архитектуры, площадь Александровскую украшающимъ.

Іоническаго ордена въ три этажа: домъ генералъ-губернатора обведенный стѣною; губернскія присутственныя мѣста въ два этажа; Малороссійскій почтамтъ [1]) обведенный стѣною. Дорическаго: домъ Губернатора въ три, Вицъ-Губернатора въ два этажа. Смѣшеннаго: домъ Повѣтовыхъ присутственныхъ мѣстъ въ два, почтовый станъ и городской трактиръ въ одинъ этажъ. Коринѳскаго: дворянскій домъ въ два этажа. На второмъ этажѣ онаго между крайними колоннами поставлены двѣ алебастровые Богини: *Слава и Изобиліе*.

[1]) Назначенъ быть. Нынѣ занятъ — только экспедиціею и проч.

На другихъ мѣстахъ одноэтажныя каменныя строенія:

Два корпуса, для воспитанія бѣдныхъ назначенные, съ высокою стѣною и четырьмя башнями; по разнымъ улицамъ десять теплыхъ будокъ, сукновальня (съ прудомъ).

Изъ невженаго кирпича:

Съѣзжая съ коническою башнею; при въѣздѣ съ Зѣньковской дороги двѣ харчевни съ куполами; семь кузницъ.

Деревянныя:

Богоугодное заведеніе или больница (нѣкоторыя принадлежности каменныя). При оном заведены сады: Ботаническій, и для прогулки больныхъ. Домъ вмѣщающій Гимназію и Повѣтовое Училище; оба приобрѣтены отъ частнаго лица и поправлены. На другой площади 50 сажень въ діаметрѣ имѣющей,—мясные лавки правильный многоугольникъ составляющія. Галлерея для продажи печенаго хлѣба на площади торговой. Пять правильныхъ кварталовъ вмѣщаютъ въ себѣ одинаковыхъ оплѣтенныхъ хворостомъ и обмазанныхъ глиною (нѣкоторые подведены кирпичемъ) чистенькихъ домиковъ 51; въ нихъ живутъ иностранные фабриканты вывезенные изъ Германіи послѣ Тильзитскаго мира; въ срединѣ одного квартала устроенъ механическій колодязь съ бассейномъ.

Каменныя частныя строенія:

11 торговыхъ лавокъ съ деревянною колонадою, изъ коихъ крайняя съ куполомъ; недоконченныхъ—семь. По такъ называемой Александровской улицѣ, ведущей отъ монумента къ соборной колокольнѣ и отличающейся отъ прочихъ строеніемъ, два дома-въ два, и одинъ въ полтора этажа. (По бульвару—домикъ, въ одинъ этажъ). На той же улицѣ.

Деревянныя:

Въ два—два, въ полтора—четыре, въ одинъ этажъ два дома.

Въ пятнадцати кварталахъ семнадцатью правильными улицами ограниченныхъ и расположенныхъ по чистому и ровному полю построено 176 домиковъ большею частію съ соломянными крышами. По очищеннымъ и неочищеннымъ отъ стараго строенія улицамъ по плану построено 131 домикъ.

На улицахъ столярной работы красивыхъ колодцевъ устроенныхъ на щетъ городской думы—пять.

До открытія Губерніи не было и десятка порядочныхъ домовъ, ни одной прямой улицы.

Замѣчу еще: Новополтавская улица умощенная битымъ кирпичемъ, залитая известью и усыпанная пескомъ съ тротуаромъ по обѣ стороны—одна въ городѣ не ужасаетъ грязью; Александровская шириною въ 13 сажень съ тротуарами же по обѣ стороны, набитая землею между оплѣтенныхъ хворостомъ квадратно набитыхъ колковъ и усыпанная пескомъ, также и другія старыя и новыя улицы—непроходимы въ дождливое время.

Теперь, другъ мой, пройдя со мною до двухъ верстъ по бульвару между двумя рядами деревьевъ насаженныхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ крѣпостной валъ, войди въ городской садъ обнесенный вокругъ рѣшеткою съ тремя воротами. Онъ достоинъ вниманія. Ты ненайдешъ въ немъ огромныхъ пирамидъ, великолѣпныхъ павильоновъ, бассейновъ, фонтановъ; не перейдешъ ни одного мостика; любопытные твои взоры не остановятся ни на одной Греческой или Римской статуѣ: но тебя восхититъ прелестнѣйшее мѣстоположеніе. Излучистыя усыпанныя пескомъ дорожки то поведутъ тебя между густыхъ сиренгъ, черезъ многія площадки; то спустятъ по деревяннымъ ступенькамъ подъ горку и остановятъ у впадины съ дерновыми диванами предъ которыми четвероугольный гранитный камень занимаетъ мѣсто столика: тутъ глазамъ твоимъ представляется рытвины и прекраснѣйшіе виды между двухъ нависшихъ надъ головою деревьевъ; ты сойдешъ внизъ густою алейкою, и передъ тобою зазеленѣется бархатной лугъ, въ концѣ котораго развѣсистый кленъ заманитъ тебя подъ тѣнь свою; неуспѣешъ сѣсть на рѣшетчатое бѣлое полукруглое канапе, какъ пожелаешъ итти къ представляющейся невдалекѣ на возвышеніи свѣтлой бесѣдкѣ съ зеленымъ куполомъ покрывающимъ восемь колоннъ; небольшой утесъ, поднимаясь доведетъ тебя до возвышенности; тутъ полукруглая лѣстница введетъ тебя въ бесѣдку—и ты захочешъ быть поэтомъ, живописцемъ: лѣсочки, кустики, хижинки то на горѣ то въ оврагахъ разбросанныя, опускающіяся и подымающіяся вокругъ дорожки, по коимъ земледѣлецъ гонитъ воловъ своихъ или овецъ, синѣющійся чрезъ поле ландшафтъ—заведутъ духъ твой въ волшебную область мечтаній, упоятъ сердце твое удовольствіемъ. Выди изъ бесѣдки, кружись вмѣстѣ съ дорожками, любуйся кудрявыми деревьями, дерновыми диванами около нихъ, отдохни на скамеечкѣ, послушай пѣвца весны,—и дойди до площадки усѣянной цвѣтами: тутъ готическая бесѣдка съ соломенною крышею и

фронтономъ поддерживаемымъ четырью суковатыми березами привлечетъ тебя къ себѣ для отдохновенія; посмотри вверхъ—и на кровлѣ увидишъ два растущіе дуба укоренившіеся въ стѣнѣ... Но можно ли изчислить всѣ красоты природы въ саду семь встрѣчающіяся? Можно ли не вспомнить на каждомъ шагу того кто его усовершенствовалъ?

Полтава никогда не забудетъ князя Алексѣя Борисовича Куракина бывшаго Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ [1]) Онъ былъ виновникомъ преобразованія ея; попеченіямъ его обязана она удовольствіемъ, которое доставляетъ садъ купленный отъ частныхъ лицъ, который могъ бы украсить и столицу!

Сады графа Разумовскаго и ст. сов. Кочубея—также заслуживаютъ вниманіе. Послѣдній съ домомъ занимаетъ слишкомъ 100 десятинъ. Полтава вообще изобильна—*садиками*, особливо между овраговъ.

Въ заключеніе повторю: положеніе и виды Полтавы, Александровская площадь и городской садъ суть предметы, безъ коихъ городъ, за всѣми отчасти устроенными правильными улицами—не можно было бы назвать и *посредственнымъ*; много еще надобно усилій и времяни чтобъ привесть его къ совершенству по предназначенію.

Не забудь—я хотѣлъ тебя только познакомить съ мѣстоположеніемъ и новыми постройками Полтавы. О числѣ жителей, старыхъ обывательскихъ домовъ и проч. — почелъ излишнимъ распространяться. Прости.

Егоръ Акимовъ.

Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ.—*(По поводу одной малорусской литературной обработки).* Существуетъ очеркъ ст. фонъ-Носа [2]), составленный «по фамильнымъ воспоминаніямъ»: «Украинскій Соломонъ, его кейфъ и судъ». Здѣсь разсказывается, какъ къ смѣлянскому сотнику Тарану (въ концѣ прошл. в.) пришла дивчына Гапка Левадивна жаловаться на молодого козака Корнія Заволоку, который ее изнасиловалъ, и просила взыскать съ него деньги за безчестье. Сотникъ приказалъ парубку уплатить дѣвкѣ двадцать золотыхъ. Гапка положила ихъ за пазуху и пошла домой. Сотникъ велѣлъ Корнію догнать ее и отобрать деньги: «А не отнимешъ, барбарамы на пекарни будешъ бытый!» Однако Гапка оказа-

[1]) Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій въ послѣдствіи также споспѣшествовалъ украшенію города.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883, іюль, стр. 492—505.

лась такой сильной и такъ «штурхнула» козака, что тотъ «и тыну диставъ». Вернулась она съ жалобой къ сотнику, но онъ самъ забралъ у нея деньги, возвратилъ парню и заявилъ: «Ну, а тогди—чомъ ты не штурхнула його, якъ винъ теечкы... якъ його?!...» Послѣ того,—говоритъ г. фонъ-Носъ,—за сотникомъ Тараномъ утвердилось названіе «украинскаго Соломона», и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи.

Г. фонъ-Носъ ведетъ свой разсказъ въ такомъ тонѣ, что читатель можетъ принимать все, какъ сообщеніе о достовѣрнѣйшемъ историческомъ фактѣ, только облеченномъ въ беллетристическую форму. Но, вѣроятно, каждый изъ нашихъ читателей вспомнитъ также, что подобный же судъ приписывается Санчо-Пансѣ въ «Донъ Кихотѣ» (т. II, гл. 45) [1]); если кто пожелаетъ сопоставить разсказы фонъ-Носа и Сервантеса поближе, тотъ усмотритъ сходство не только въ самомъ сюжетѣ, но и въ обработкѣ, въ мелкихъ подробностяхъ. Между тѣмъ г. фонъ-Носъ два раза ясно говоритъ, что онъ писалъ по фамильнымъ воспоминаніямъ.

Разсказъ Сервантеса самъ по себѣ не самостоятеленъ: ужъ издатели [2]) замѣчаютъ это, указывая, что исторія о Санчо-Пансиномъ судѣ встрѣчается еще въ книжкѣ Франциска де-Осуна: Note de los Estados, напечатанной въ 1550-мъ г., причемъ полагаютъ, что эта исторія могла быть вымышлена Осуной, а могла и дѣйствительно случиться. Конечно, ни то, ни другое. Упомянутый мудрый судъ встрѣчается еще у Жака де Витри и Этьена де Бурбона [3]). Въ сборникѣ средневѣковыхъ латинскихъ разсказовъ (latin stories»), который

---

[1]) По новѣйшему русскому изданію (М. 1895) это будетъ страница 283—285 второго тома.

[2]) Стр. 285 цитированнаго изданія.

[3]) Напомнимъ, что Жакъ де Витри (Jacobusde Vitriaco) былъ однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ, которые, съ цѣлью привлечь вниманіе слушателей, стали вводить въ свою проповѣдь интересные разсказы и анекдоты—т. н. exempla (у насъ въ 17-омъ в. это слово переводилось: „приклады“). Онъ много лѣтъ былъ съ крестоносцами въ Палестинѣ, былъ въ 1217-омъ г. поставленъ даже въ епископы г. Акры, и бо́льшую часть своихъ exempl'овъ онъ несомнѣнно заимствовалъ изъ восточной словесности. Его сборникъ наз. „Sermones de tempore et sanctis“. Умеръ онъ въ Римѣ ок. 1240 г. Этьенъ Бурбонскій (Stephanus de Borbone)—его современникъ (умеръ около 1261 г.)—писалъ „Liber de septem donis“, гдѣ собраны всякіе exempla для употребленія проповѣдниковъ. Извлеченіе изъ Этьена Бурбона даны Лекуа де ла Маршемъ (Пар. 1877), а сборникъ Ж. де Витри вскорѣ будетъ полностью напечатанъ въ Бельгіи.

изданъ Райтомъ (Wright) для «Percy society», этотъ судъ изложенъ подъ № 20: «Слышалъ я объ одной женщинѣ, которая обвиняла одного юношу, будто онъ ее изнасиловалъ. Юноша отрицалъ вину. Судья сказалъ: «уплати ей десять серебряныхъ марокъ за безчестье, которое ты ей причинилъ». Женщина, получивши деньги, ушла довольная, но судья сказалъ юношѣ: «догони ее и отними деньги». Тотъ попытался было исполнить приказаніе судьи, т. е. отнять деньги, но женщина храбро вступила съ нимъ въ бой и звала на помощь: сбѣжалось много народа и не дали ему ничего сдѣлать. Опять представили обоихъ къ судьѣ.—«Женщина!» спросилъ онъ: «что съ тобой? чего ты желаешь? чего ты такъ громко кричишь?» Она отвѣтила: «Потому что онъ попытался было отнять деньги. Но я храбро отразила его и кричала такъ, что онъ ничего не сдѣлалъ».—«А если такъ», сказалъ судья, «то возврати юношѣ его деньги. Вѣдь еслибъ ты и раньше старалась храбро отразить его и кричала, то онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы тебя изнасиловать: ты больше любишь деньги, чѣмъ женскую честь».—Тоже разсказывается въ старинныхъ итальянскихъ новеллахъ Маллеспини (II, № 56) и въ старинномъ французскомъ сборникѣ: «Cent nouvelles (25, «Forcèe de Gré»). Происхожденіе этой темы, повидимому, восточное, такъ такъ она встрѣчается и въ числѣ персидскихъ анекдотовъ, собранныхъ у Гледвина въ его «Persian Moonshee» (Кальк. 1801 и Лонд. 1840), и въ различныхъ индійскихъ сборникахъ разсказовъ[1]).

Какъ видимъ, разсказъ г. фонъ-Носа такого рода, что такъ и просится въ кругъ фольклористическихъ изслѣдованій. Для избѣжанія различныхъ произвольныхъ догадокъ и гипотезъ желательно было бы получить отъ самого автора всѣ необходимыя разъясненія. Писалъ ли онъ подъ какимъ-нибудь вліяніемъ Сервантеса, или нѣтъ? Какъ возникъ его разсказъ? Сотникъ Таранъ и вся прочая историческая обстановка—не введены ли они въ разсказъ просто въ силу писательскаго права художественной выдумки, вполнѣ понятной въ беллетристическомъ произведеніи? или же въ преданіяхъ семьи фонъ-Носовъ дѣйствительно фигурируетъ имя Тарана? И самое то семейное преданіе (буде оно есть),—изложилъ ли его авторъ вполнѣ точно, этно-

---

[1]) См. нашъ переводъ В Клоустона: „Народни казкы та выгадкы Якъ воны блукаютъ та перевертаются“ Львовъ 1896, страница 40—41. Въ англійскомъ ориг.—стр. 29.

графически, не позволяя себѣ ничего вставить своего, или же, напротивъ, съ добавками? Сотникъ Таранъ—дѣствительно ли носилъ въ народѣ имя «украинскаго Соломона»?.

Если почтенный авторъ прямо намъ заявитъ, что онъ «Донъ-Кихотомъ» не пользовался, что онъ сообщилъ только чистое преданіе безъ всякихъ своихъ добавленій, и если будетъ констатировано, что сотникъ Таранъ дѣйствительно носилъ прозвище Соломона, то въ такомъ случаѣ, кажется намъ, очень естественно будетъ допустить слѣдующую догадку: въ судебной практикѣ Тарана врядъ ли состоялось именно такое рѣшеніе, о какомъ у насъ идетъ рѣчь, но, такъ какъ сотникъ (по крайней мѣрѣ хоть въ роду фонъ-Носовъ) слылъ Соломономъ, то къ его имени впослѣдствіи легко могло припутаться вообще всякое гдѣ-либо услышанное сказаніе о мудромъ судѣ, и вотъ въ томъ числѣ Тарану было приписано и рѣшеніе Санчо-Пансы или какого-нибудь судьи средневѣковыхъ сборниковъ. Другое менѣе вѣроятное объясненіе—что сотникъ Таранъ могъ слышать «прыкладъ» о мудромъ судѣ въ проповѣди какого-нибудь южно-русскаго казнодія, и, когда ему самому представился аналогичный случай, воспользовался слышаннымъ. Третья догадка, довольно мало вѣроятная, но все же болѣе или менѣе допустимая,—что сотникъ могъ самъ собою додуматься до остроумнаго рѣшенія.

Надѣемся, что сообщенія, которыя, вѣроятно, не откажется дать самъ почтенный авторъ разсказа: «Украинскій Соломонъ», въ значительной степени, разъяснятъ вопросъ, имѣющій даже теоретическую важность.

А. Крымскій.

Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича.—Помѣстивъ въ прошлой книжкѣ журнала (№ 9) письма М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву, мы въ предисловіи къ нимъ высказали желаніе видѣть напечатаннымъ въ теченіе ближайшихъ годовъ возможно большее количество фактовъ, касающихся характеристики личности и дѣятельности М. А. Максимовича, біографія котораго въ ближайшемъ будущемъ должна быть составлена. Въ настоящее время нами добыты нѣкоторыя мелочныя справки, которыя мы и помѣщаемъ на страницахъ этой книжки.

I.

Письмо Максимовича къ И. М. Снегиреву.

Письмо это, хранящееся въ Императорской Публичной библіотекѣ, не имѣетъ даты года и мѣста, а только помѣчено 24 мая; но по тексту письма видно, что оно писано въ Москвѣ въ 1858 году, когда Максимовичъ проживалъ въ Москвѣ, будучи вызванъ туда для веденія дѣлъ редакціи «Русской Бесѣды».

Почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Позвольте возобновить мою просьбу о переписываніи вашей статьи на-бѣло: этого желаетъ А. Н. Кошелевъ, который сегодня отъѣзжаетъ изъ Москвы къ себѣ въ деревню и тамъ хочетъ предварительно прочесть статью вашу и нѣкоторыя другія, предназначенныя имъ для 3-й книги «Русской Бесѣды». Я не могу не передать Вамъ его желанія, котораго и съ своей стороны не могу отвергнуть, ибо какъ для чтенія издателю, такъ и для набора типографскаго чистая рукопись удобнѣе, чѣмъ автографская съ поправками et cetera, хотя въ другихъ отношеніяхъ этою послѣднею можно дорожить несравненно болѣе первой, хотя-бы и каллиграфической. Мнѣ сегодня что-то весьма нездоровится; дождь что-ли крѣпко ослабляетъ нервы мои. Въ началѣ слѣдующей недѣли буду имѣть удовольствіе видѣться съ вами. Съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ остаюсь на всегда вашъ М. Максимовичъ. 24 мая.

Статья ваша къ издателю Бесѣды перешлется изъ редакціи.

II.

Стихи Максимовича на смерть Т. Г. Шевченка.

Въ журналѣ «Основа», въ статьѣ съ описаніемъ похоронъ Т. Г. Шевченка на горѣ подлѣ Канева (1861 г. № 6) приведено то стихотвореніе, которое произнесено было Максимовичемъ на могилѣ поэта; начинается это стихотвореніе словами:

„Сподивалыся Шевченка
Сей годъ на Вкраину“...

Было это въ маѣ 1861 года. Теперь намъ сообщенъ автографъ другого стихотворенія Максимовича, написаннаго имъ сейчасъ по полученіи извѣстія о смерти Шевченка. Жилъ Максимовичъ въ то время

у себя на хуторѣ, на Михайловой Горѣ, а верстахъ въ двухъ отъ него проживала семья его ближайшихъ родичей, Деркачей. Находясь со всей этой семьей въ хорошихъ отношеніяхъ, а особенно съ однимъ изъ своимъ двоюродныхъ братьевъ, Петромъ Львовичемъ Деркачемъ, Максимовичъ подѣлился съ нимъ тѣмъ грустнымъ настроеніемъ, которое охватило его послѣ полученія извѣстія о смерти Шевченка и которое вылилось въ стихотворной формѣ на языкѣ самого поэта. Вотъ текстъ коротенькой записки, сопровождавшей это стихотвореніе при посылкѣ его къ П. Л. Деркачу.

Посылаю вамъ, любезнѣйшій братъ Петръ Львовичъ, мою пѣсню на смерть Шевченка. Коли не отмолишься и не отплачешься отъ печали по умирающимъ друзьямъ, то хоть отспѣваться... Когда вы къ намъ? Дорога, говорятъ, совершенно неудобоѣзжая. Однако, я посылаю пѣшехода своего, не принесетъ ли чего желаннаго. Если будете ѣхать, то возьмите съ почты могущія тамъ быть посылки, въ томъ числѣ съ чаемъ; объявленіе можетъ быть подписано послѣ [1]).

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ Русской Рѣчи уже объявлено, что будетъ освобожденіе крестьянъ въ великій постъ—славный будетъ Великъ-день!

Кланяемся вамъ всѣ трое [2]).

Любящій васъ М. Максимовичъ.

15 марта 1861 года. М. Г. (Михайлова Гора).

Стихотвореніе будетъ напечатано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Сообщ. **В. Науменко.**

---

[1]) Получка писемъ, газетъ и посылокъ совершалась въ то время только въ г. Золотоношѣ, находящемся отъ хутора Максимовича въ 30 вер.

[2]) Т. е. онъ самъ, жена и маленькій сынъ.

Библіографія.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изданіе 3 Кіевск. Губ. Стат. Комитета. Кіевъ. 1896 г. въ 8 д. л. 367 стр.

Книга эта напечатана третьимъ изданіемъ; состоитъ она изъ слѣдующихъ главъ. Въ первой говорится объ административномъ дѣленіи губерніи; во второй—о положеніи ея; въ третьей—о рѣкахъ и озерахъ; въ четвертой—о составѣ поверхности, при чемъ указано мѣстонахожденіе гранитовъ и подчиненныхъ имъ породъ: сіенита, гиперстенита и пеликанита; а равно осадочныя породы губерніи: глины разныхъ видовъ, пески и песчаники и мѣстонахожденія горючихъ веществъ—торфа и бураго угля. Слѣдующая затѣмъ глава трактуетъ о населеніи. Господствующее населеніе губерніи принадлежитъ къ малорусской народности; далѣе—по численному составу слѣдуютъ евреи, поляки, великороссы и нѣмцы. По величинѣ площади кіевская губернія занимаетъ 27 мѣсто въ числѣ губерній Европейской Россіи, а по числу жителей—первое. Всѣхъ жителей къ началу 1895 г. считалось 3,450,000, т. е. 27 жителей приходится на одну квадратную версту. Наиболѣе заселенъ кіевскій уѣздъ. Если сравнить число жителей въ 1845 году съ числомъ ихъ въ 1895, то окажется, что населеніе губерніи увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза, а именно: число православныхъ увеличилось на 97%, число католиковъ уменьшилось на 4%, а число евреевъ увеличилось на 207%. На тысячу всѣхъ вообще жителей приходилось въ 1845 г. 1895 г.:

православныхъ	848	825
католиковъ	56	26

евреевъ	93	141
прочихъ	3	8

На одну тысячу православныхъ въ эти же годы приходилось:

католиковъ	65	32
евреевъ	109	171
прочихъ	4	9

Впрочемъ, большинство населенія (82,50) составляютъ православные, именно: въ уѣздахъ % православныхъ выражается 78,4° и 81°, а въ городахъ колеблется между 12,5% и 75,3. Въ Кіевѣ еврейское населеніе равняется 8,6% общаго числа жителей. Католики тоже сосредоточены въ Кіевѣ, гдѣ ихъ число равно 30,740 чел.; въ бердичевскомъ уѣздѣ 14,378, радомысльскомъ 11,165 человѣкъ, а по отношенію къ общему числу жителей въ Кіевѣ, населеніе католиковъ выражается 13,4%, въ бердичевскомъ уѣздѣ 7,6%, радомысльскомъ 4,2%, въ гор. Липовцѣ 4%; въ остальныхъ городахъ и уѣздахъ число ихъ колеблется между 2% и 0,1%.

Среди привилегированныхъ сословій православные занимаютъ первое мѣсто, а именно $^2/_3$ всего населенія, католики $^1/_6$ и евреи $^1/_{10}$.

Крестьяне кіевской губерніи состоятъ изъ 1985 сельскихъ обществъ, образующихъ 203 волости. На одно сельское общество приходится 1547 жителей всего сельскаго населенія и 1226 крестьянъ. По свѣдѣніямъ Временника Центральнаго Статистическаго Комитета 1894 г. число мужчинъ въ сельскихъ обществахъ равнялось 679,525 душамъ; число крестьянскихъ дворовъ (домохозяевъ) 306,367, въ числѣ которыхъ 44,995 безземельныхъ дворовъ.

Глава «о распредѣленіи земель въ губерніи», не смотря на то, что въ основу ея легли изданія Статистическаго Временника Россійской Имперіи за 1881 г. и Временника Центральнаго Статистическаго Комитета 1894 г., представляетъ большой интересъ. Вся площадь губерніи составляетъ 4,668,042 дес.; изъ этого числа въ 1895 г. было обложено разными сборами 4,199,285 дес. за исключеніемъ неудобной (подъ дорогами, озерами и т. п.) 468,757, т. е. 10%. Земли обложенныя распредѣляются такъ по угодіямъ: а) подъ усадьбами, садами и огородами 284,571 дес.; б) подъ пахатною 2,709,188 дес.; в) подъ сѣнокосами и выгонами 374,174 дес. и г) лѣсами и кустарниками 831,352 дес.; въ процентномъ отношеніи количество пахатной земли выражается 64,5%; лѣсная площадь 19,8%; сѣнокосы и выгоны 9% и усадебныя—6,7%. Больше всего пахатной земли находится въ бердичевскомъ, уманскомъ, таращанскомъ, звенигород-

скомъ, липовецкомъ и сквирскомъ уѣздахъ. Съ 1881 года площадь посѣвовъ на всѣхъ крестьянскихъ земляхъ увеличилась на 6%, а на владѣльческихъ земляхъ на 10%. Раздѣляя площадь посѣвовъ на число крестьянскихъ домохозяйствъ, увидимъ, что на одинъ дворъ приходится въ среднемъ 5,7 десятинъ, а на одного рабочаго 1,5 дес. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ площадь пахатной земли увеличилась, площадь сѣнокосной, выгонной и лѣсной уменьшилась, а именно: сѣнокосной—на 39,247 д., а лѣсной на 83,466 дес.

Что касается распредѣленія земли по владѣніямъ, то оно такое: а) городамъ, казнѣ и удѣламъ принадлежитъ 7,6% земли; остальная же часть ея распредѣляется поровну между частными владѣльцами и крестьянами; дворянамъ принадлежитъ 84,8%, а лицамъ другихъ сословій—15,2%. Въ частности казнѣ принадлежитъ 4,6% всей обложенной земли, удѣлу 2,2%. Изъ количества владѣльческихъ земель, которое равняется 46,3% всей обложенной площади земли, 40% принадлежитъ дворянамъ, а 6,3% лицамъ другихъ сословій. Наибольшее количество земель, принадлежащихъ дворянамъ, находится въ липовецкомъ, бердичевскомъ и сквирскомъ уѣздахъ (отъ 46,8% до 50,9%); наименьшее—въ васильковскомъ (27,9%); въ остальныхъ уѣздахъ отъ 33% до 43,7%. Крестьянскія земли въ уманскомъ, васильковскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ занимаютъ площадь болѣе 50%, въ радомысльскомъ 38,1%, а въ прочихъ отъ 40 до 49%. Наконецъ, нужно замѣтить, что болѣе $^3/_4$ имѣній принадлежитъ къ числу мелкихъ. Изъ общаго числа обложенной земли полякамъ принадлежитъ 810 имѣній въ губерніи; они занимаютъ площадь въ 780,029 дес. земли. Количество земли въ польскихъ владѣніяхъ уменьшилось съ 1872 года на 524,233 дес., а число владѣній на 324.

Землевладѣльцы поляки по отношенію къ общему числу владѣній составляютъ 7,1%, а принадлежащая имъ земля 18,6%. Въ черкасскомъ, чигиринскомъ, кіевскомъ, каневскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ имъ принадлежитъ земли отъ 4,4% до 11,2%; въ васильковскомъ же, бердичевскомъ, сквирскомъ, таращанскомъ и липовецкомъ отъ 25% до 32%.

Можно пожалѣть, что Статистическій Комитетъ не дополнилъ свѣдѣній о земельномъ владѣніи болѣе новыми свѣдѣніями, которыя можно было взять изъ мѣстной казенной палаты; равнымъ образомъ весьма жаль, что составитель книги, говоря о задолженности помѣщичьихъ владѣній, ничего не говоритъ о задолженности крестьянскихъ владѣній и о количествѣ разныхъ платежей, упадающихъ на одну де-

сятину, т. е. выкупныхъ платежей, поземельнаго налога и мірскихъ сборовъ. Конечно, въ этой же главѣ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, сказать подробно и о натуральныхъ повинностяхъ крестьянъ, переведши ихъ въ денежную. Лучше всего было бы даже посвятить отдѣльную главу о натуральныхъ повинностяхъ, отбываемыхъ только крестьянами. Всѣ эти свѣдѣнія—неоспоримо весьма цѣнныя, можно было бы безъ труда добыть отъ гг. мировыхъ посредниковъ и отъ волостныхъ правленій. О натуральныхъ повинностяхъ слѣдовало уже потому сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ—дорожная, не достигаютъ цѣли, крайне обременительны для населенія и стоятъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ болѣе 20,000 руб. по числу потраченныхъ дней населеніемъ.

Глава «о фабрично-заводской промышленности»—одна изъ самыхъ слабыхъ, между тѣмъ какъ могла быть одною изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ полныхъ. Она составлена на основаніи книги, озаглавленной «Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1892 г.».

Значитъ, въ этой главѣ свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ относятся къ 1892 году. Естественно, что эти свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и не выражаютъ вполнѣ истиннаго состоянія фабрично-заводской промышленности губерніи, такъ какъ относятся къ 1892 г. и такъ какъ въ послѣдніе три года произошли значительныя перемѣны. Вообще не понятно, почему составителю книги понадобилось пользоваться старыми источниками, когда онъ могъ заимствовать самыя точныя свѣдѣнія за прошлый годъ. Стоило обратиться въ Кіевскую Казенную Палату или къ податнымъ и фабричнымъ инспекторамъ, и свѣдѣнія могли быть легко добыты. Правда, податные инспектора могли бы сообщить свѣдѣнія только о фабричныхъ заведеніяхъ, которыя облагаются дополнительнымъ раскладочнымъ сборомъ, но эти свѣдѣнія существеннѣйшія. Мы вполнѣ увѣрены, что какъ палата, такъ и податные и фабричные инспектора охотно исполнили бы просьбу Статистическаго Комитета. Въ послѣднемъ случаѣ картина фабрично-заводской промышленности получилась бы вѣрная и полная.

Не понятно также въ книгѣ подведеніе всѣхъ фабрикъ и заводовъ подъ общія рубрики: *обрабатывающіе растительные продукты, ископаемые и животные* безъ перечисленія этихъ заводовъ по каждому уѣзду.

Вѣдь справочная книга должна служить для точныхъ справокъ. Слѣдовательно, важно въ данномъ случаѣ знать, въ какомъ уѣздѣ какія существуютъ фабрики. Перечислить ихъ поименно и обозначить по каждому заводу производительность его крайне необходимо. Если въ главѣ о составѣ поверхности упомянуты карьеры лабрадора Корчакъ-Новицкаго, годичная производительность которыхъ равнялась 5000 р., то почему же не перечислить поименно всѣхъ крупнѣйшихъ по крайней мѣрѣ фабрикъ и заводовъ по каждому уѣзду. Вѣдь человѣкъ, просмотрѣвшій весьма интересную *Справочную книгу*, можетъ и не подозрѣвать, что въ бердичевскомъ уѣздѣ существуетъ, напримѣръ, кожевенный заводъ Карла Шленкера, въ устройствѣ котораго примѣнено послѣднее слово науки; читатель, повторяю, и не подозрѣваетъ, что многія издѣлія этого завода не уступаютъ нисколько англійскимъ; что этотъ заводъ поставляетъ своихъ издѣлій на нужды войскъ ежегодно болѣе чѣмъ на 200,000 р. Равнымъ образомъ читатель не догадается, что въ томъ же уѣздѣ существуютъ прекрасныя вальцовыя мельницы кн. Кудашева и двор. Подгорскаго, перерабатывающія каждая ежегодно сырого продукта болѣе чѣмъ на 300,000 р. Конечно, еслибы подъ каждою общею рубрикою были перечислены и поименованы всѣ заводы, существующіе въ каждомъ уѣздѣ, то тогда только можно было бы судить вѣрно о фабричной производительности губерніи.

Относительно вѣрности производительности кожевенныхъ заводовъ мы позволяемъ себѣ усомниться. Укажемъ, напр., на то, что въ бердичевскомъ уѣздѣ оборотъ въ пяти заводахъ на 1895 г. опредѣленъ уѣзднымъ податнымъ присутствіемъ въ 900,000 р. Неужели производительность остальныхъ 65 заводовъ губерніи равняется только 1,000,000 р.?

Наконецъ, послѣдняя категорія—заводы, обработывающіе смѣшанные продукты, совсѣмъ непонятна для непосвященнаго читателя. Повторяемъ, что въ такихъ книгахъ, какъ Справочная книга, общія рубрики подраздѣленія заводовъ не удобопонятны для обыкновеннаго читателя и не даютъ точнаго понятія о производительности губерніи. Онѣ умѣстны только въ учебникахъ Статистики и въ статистическихъ работахъ по цѣлой странѣ.

Послѣ этой главы идутъ населенныя мѣста Кіевской губерніи по уѣздамъ. Здѣсь указано, на сколько становъ раздѣленъ каждый уѣздъ, сколько волостей, военно-конскихъ участковъ, сколько судебно-мировыхъ и судебно-слѣдственныхъ участковъ. Затѣмъ подъ

слѣдующими рубриками: названіе волостей—перечисляются всѣ волости уѣзда въ алфавитномъ порядкѣ; число жителей число населенныхъ мѣстъ, число православныхъ приходовъ, молитвенныхъ зданій и учебныхъ заведеній; родъ землевладѣнія: сколько усадебной, пахатной и т. п. и качество земли. Послѣ исчисленія волостей идутъ въ алфавитномъ порядкѣ по каждому уѣзду населенныя мѣста съ указаніемъ, къ какой волости они принадлежатъ, при какой рѣкѣ находятся, сколько дворовъ, число жителей, разстояніе отъ уѣзднаго города, отъ становой квартиры, отъ станціи желѣзной дороги и въ примѣчаніи указаны церкви, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и почтовыя учрежденія, черезъ которыя получается корреспонденція.

Эта глава отличается нѣкоторыми пропусками. Въ то время, какъ сюда занесены даже отдѣльно стоящія по дорогамъ корчмы, пропущено, напримѣръ, около г. Бердичева поселеніе «Бараній островъ», гдѣ живетъ около 200 лицъ и гдѣ находится замѣчательный кожевенный заводъ съ 300 рабочими. Замѣтимъ еще, что въ книгѣ допущено много сокращеній словъ, затемняющихъ смыслъ.

Не смотря на указанные недостатки, «Списокъ населенныхъ мѣстъ кіевской губерніи» имѣетъ весьма важное значеніе для знакомства съ губерніею.

Ал. А—чъ.

А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Издана въ Полтавѣ.

Начавъ съ удовольствіемъ читать упомянутую книгу, изданную въ Полтавѣ, которая не особенно любитъ дѣлиться съ міромъ состояніемъ своей мысли,—мы вынесли изъ нея прежде всего странное впечатлѣніе и непониманіе, для кого написана эта книга? Ясно, что она написана не для народа, такъ какъ одѣта въ чужую для него форму и притомъ изобилуетъ массой выраженій, требующихъ высшаго развитія; но, съ другой стороны, и для читателя, привыкшаго къ нѣкоторой солидности историко-литературныхъ работъ, названная книга ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть пригодной и оправдывающей преслѣдуемыя авторомъ цѣли... Какъ-же это произошло? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ разборъ самой книги г. Лисовскаго. Въ этой книгѣ авторъ задумалъ уловить «главные

мотивы» въ поэзіи Шевченка, — вещь во всякомъ случаѣ чрезвычайно сложную. Для исполненія задуманной задачи, авторъ выбралъ четыре поэмы Шевченка (Наймычка, Катерына, Гайдамаки, Неофиты), послужившія для него прототипомъ «главныхъ мотивовъ», пробѣжалъ вскользь нужные ему элементы въ лирической поэзіи Кобзаря и закончилъ указаніемъ въ поэзіи Шевченка личнаго его элемента,—исполняя все это весьма неудовлетворительнымъ образомъ. Эта неудовлетворительность исполненія обнаруживается какъ въ научномъ методѣ автора, такъ и въ болѣе мелкихъ пріемахъ анализа и синтеза поэзіи Шевченка и, наконецъ, въ выясненіи общеизвѣстныхъ истинъ теоріи литературы. Начнемъ съ метода...

Въ анализѣ г. Лис—аго основной точкой зрѣнія являются чисто формальныя положенія теоріи поэзіи,—именно: дѣленіе ея на поэзію жизни, силы, правды, чувства и т. д. Мы не станемъ говорить объ очевидной ненаучности дѣленія этихъ «поэзій», объ ихъ крайней метафизичности и безпочвенной абстрактности,—мы только спросимъ г. автора «главныхъ мотивовъ», неужели эти «поэзіи» жизни, чувства и т. д. говорятъ что-нибудь не только читателю, принявшему ихъ за научныя истины, но даже самому г. автору разбираемой книги? Неужели понятія жизни, силы, чувства, правды,—составляющія высшія обобщенія конкретныхъ фактовъ біологіи, психологіи, этики и т. д., могутъ что-нибудь значить тогда, когда они, какъ у г. Л—го, употреблены безъ всякаго опредѣленнаго значенія, какъ какія-то висящія въ воздухѣ метафизическія сущности?.. Г. Л—му нужно было помнить, что въ лицѣ своихъ основъ—«поэзій» онъ имѣетъ дѣло не съ положеніями физики, психологіи и т. д., а съ мало понятными абстракціями, которыя онъ долженъ былъ-бы, по крайней мѣрѣ, объяснить, если захотѣлъ поставить ихъ въ основу своего разсужденія... Но г. авторъ этого не сдѣлалъ, и поэтому «анализъ» произведеній Шевченка вышелъ у него не анализомъ, а ложнымъ пригнаніемъ поэзіи Шевченка подъ неправильныя и ничего не говорящія читателю формулы.

Не отдавая себѣ отчета въ реальномъ значеніи своихъ формулъ, г. Л—ій такъ подвелъ подъ нихъ нѣкоторыя поэмы нашего генія, наговорилъ такую массу крайне непонятныхъ вещей, пересыпанныхъ затемняющими изложеніе лирическими отступленіями, что о значеніи сущности, наконецъ, о мотивахъ поэзіи Шевченка мы получаемъ какое-то чрезвычайное впечатлѣніе. Обратимся къ первому произведенію Шевченка,—Наймычкѣ, въ которой г. Л—ій находитъ картину необъясняемой имъ поэзіи жизни... Съ первыхъ же строкъ авторъ

замѣчаетъ, что въ ней нѣтъ «ни завязки, ни развязки,—нѣтъ ни интересныхъ національныхъ типовъ, ни оригинальныхъ обычаевъ, даже «отсутствуетъ въ ней романическій интересъ, интересъ повѣствованія или изображенія»... Стоитъ-ли послѣ этого говорить о самой «Наймычкѣ»,—если значеніе ея приводится въ ней къ нулю? Конечно, не стоило-бы! Но авторъ не такого мнѣнія: онъ наговариваетъ Шевченку еще кучу комплиментовъ вродѣ того, что въ поэмѣ его замѣчается «отсутствіе всего оригинальнаго, незауряднаго», что «поэтъ ни однимъ словомъ не описываетъ ихъ (дѣйствующихъ лицъ); но ихъ фигуры сами собою возникаютъ въ нашемъ воображеніи, какъ возникаютъ въ воображеніи картины уединеннаго хутора» (стр. 5); наконецъ, заканчиваетъ свое введеніе тѣмъ, что говоритъ, будто-бы въ «Наймычкѣ», «собственно говоря, и событія никакого нѣтъ (?)» и послѣ этого приступаетъ къ анализу, т. е. къ подведенію содержанія «Наймычки» подъ формулу поэзіи жизни. Тутъ у г. Лис—каго выходитъ вдругъ, что дѣйствующія лица у Шевченка почему-то живутъ и что даже «судьба ихъ интересуетъ насъ, какъ судьба живыхъ людей; затѣмъ, при дальнѣйшемъ изученіи поэмы, г. автора даже «охватываетъ мягкая волна душистаго степного воздуха; чувствомъ и мыслью (говоритъ онъ) мы переносимся на этотъ уединенный хуторъ, затерявшійся среди неизмѣримаго зеленаго простора. Такимъ образомъ, при всей безыскусственности поэмы, высшія цѣли достигаются ею. Какъ это происходитъ?»

Тутъ г. Л—ій начинаетъ намъ объяснять эту поистинѣ удивительную вещь, какъ изъ ничего у Шевченка является все; разсказываетъ намъ содержаніе «Наймычки», отмѣчаетъ «умилительное благочестіе» украинскаго народа, расхваливаетъ дивный языкъ поэмы, но все это пишетъ не на тему: не объясняетъ совершенно, почему-же «Наймычка» есть продуктъ «поэзіи жизни», и что, самое главное, какой именно жизни? Поговоривши о «Наймычкѣ» еще немного и не замѣчая, что имъ въ сущности не сказано ничего и что анализа «поэзіи жизни» у него нѣтъ никакого,—бросивши, наконецъ, «философское» замѣчаніе, «что поэты славянскіе, въ противоположность романскимъ, не умѣютъ ни радоваться жизни, ни бороться съ нею, (?) г. Л—ій кончаетъ свой метафизическій этюдъ о Наймычкѣ и переходитъ къ слѣдующей своей поэзіи—поэзіи чувства... Нечего и говорить, что дальнѣйшее изложеніе г. автора, въ силу неправильнаго примѣненія невѣрныхъ положеній, идетъ такимъ же ненаучнымъ путемъ, какъ и разсужденіе о «Наймычкѣ»... Во второй главѣ г. Лисов-

скій выдумываетъ какую-то особенную «поэзію чувства»,—какъ будто вообще можетъ быть поэзія не чувства?—и подводитъ «Катерыну» подъ эту «поэзію», когда совершенно легко, по терминологіи автора, ее можно подвести и подъ пресловутую «поэзію жизни»! Все вообще изложеніе мыслей у г. Л—аго спутано здѣсь невѣроятно, благодаря, конечно, ненаучному методу автора; но кромѣ «неметодичности», у него является масса и всякихъ другихъ серьезныхъ промаховъ. Возьмемъ, напримѣръ, самое начало второй главы: «поэзія чувства не есть поэзія любви или гнѣва, жалости или отчаянія; вообще не есть поэзія того или другого чувства въ отдѣльности; это есть поэзія чувства вообще»... Удивительныя вещи! Гдѣ это г. Л—ій взялъ поэзію чувства, которая изображала бы чувство «вообще?» Гдѣ онъ нашелъ это «чувство вообще»? До сихъ поръ привыкли думать въ наукѣ, что абстракція «чувства», употребляемая въ психологіи, даже и въ этой наукѣ имѣетъ смыслъ только тогда, когда за нею разумѣется какое-нибудь конкретное чувство, а тѣмъ болѣе, конечно, въ литературѣ, гдѣ каждое поэтическое произведеніе непремѣнно изображаетъ какое-нибудь чувство *въ отдѣльности* и внѣ этого отдѣльнаго чувства не можетъ даже быть мыслимо. Не удивительно, поэтому, что при такихъ взглядахъ даже на свою оригинальную «поэзію чувства», которая никакого чувства не изображаетъ, г. Л—ій, кромѣ метафизическаго тумана, ничего больше въ своемъ изслѣдованіи о Катеринѣ и не даетъ! Мало того, потративъ нѣсколько времени на разговоры о «Катеринѣ», г. Л—ій въ концѣ концовъ заявляетъ, что въ поэмѣ нѣтъ «ни дѣйствующихъ лицъ, ни дѣйствія» (стр. 12), или что въ ней нѣтъ ни событій, ни лицъ,—только слезы и пѣсни!». Вотъ поэма, подумаешь со словъ г. Л—каго. И вотъ изслѣдователь, который, не взирая на пустоту и отсутствіе лицъ и событій, своими неумѣренными лирическими порывами и неумѣлыми пріемами находитъ какія-то пѣсни и слезы, появившіяся или откуда-то съ небесъ, внѣ лицъ и событій, или-же оставшіяся послѣ событій и лицъ, утонувшихъ въ кладезѣ историко-литературныхъ познаній г. Л—каго. Многое можно было-бы говорить о литературныхъ грѣхахъ автора изслѣдованія о «Катеринѣ», да не стоитъ, и мы ограничимся только указаніями двухъ наиболѣе крупныхъ прегрѣшеній г. Л—каго, которыя познаніямъ нашего изслѣдователя придадутъ довольно правильное освѣщеніе. Первый его грѣхъ,—это огульное обвиненіе Шевченка въ сантиметализмѣ, который яко-бы присутствуетъ въ его поэзіи въ обильномъ количествѣ (14 стр.) и который г. Л—ій даже считаетъ «естественнымъ» для молодой поэзіи.

Не знаемъ, какъ понимаетъ г. Л—ій сантиментализмъ,—но, какъ-бы онъ его ни понималъ, для насъ очевидно одно, что правильнаго понятія о немъ онъ должно быть не имѣетъ и, обвиняя Шевченка въ сантиментализмѣ, разумѣетъ подъ этимъ «романтизмъ», что, разумѣется, не одно и тоже, что сантиментализмъ,—при томъ у Шевченка совершенно отсутствующій... Странны затѣмъ понятія г. Л—го о возрастахъ литературъ, если онъ на основаніи какого-то присутствія сантиментализма считаетъ малорусскую литературу молодою, тогда какъ англійская литература, только въ концѣ прошлаго вѣка имѣвшая родоначальника сантиментализма Стерна, навѣрное никому изъ историковъ литературы не можетъ уже показаться молодой... Второй грѣхъ г. Л—каго еще болѣе крупенъ: въ заключеніе разбора «Катерины» онъ заявляетъ, что, «строго говоря», Шевченко былъ первымъ малорусскимъ поэтомъ»... и что въ малорусской литературѣ «не проявилось еще ни одного самостоятельнаго мотива, который бы гласно засвидѣтельствовалъ о нахожденіи новой литературы». Этотъ грѣхъ уже болѣе серьезенъ,—такъ какъ здѣсь является на сцену не философская слабость г. Л—аго, а самое удивительное нежеланіе признавать общеизвѣстные литературные факты. Неужели-же въ новой русской литературѣ Пушкинъ—первый поэтъ только потому, что онъ наиболѣе великъ по сравненію со своими предшественниками?

А по отношенію къ Шевченку нечего и говорить, что онъ не былъ первымъ поэтомъ: стоитъ только раскрыть извѣстную исторію украинской литературы Петрова, чтобы убѣдиться въ томъ, что кромѣ Котляревскаго и Гулака, которыхъ г. Л—ій почему-то затушевываетъ, есть рядъ поэтовъ, которые во всякомъ случаѣ могутъ имѣть притязаніе на то, чтобы быть поэтами по времени болѣе первыми, чѣмъ геніальный Шевченко. И такая подтасовка фактовъ сдѣлана только для того, чтобы доказать, что Шевченко, какъ представитель народа, долженъ былъ быть по разсчетамъ г. Л—го непремѣнно сантименталистомъ! А о томъ, что въ нашей литературѣ не было будто-бы самостоятельныхъ мотивовъ, нечего и говорить: фактъ несправедливости этой мысли слишкомъ очевиденъ, чтобы о немъ можно было распространяться! Удивительно только одно,—именно, что авторъ черезчуръ уже безцеремонно обращается съ такими фактами, къ которымъ нужно относиться поделикатнѣе! Довольно плачевныя страницы представляютъ изъ себя и разсужденія г. Л—го о «Гайдамакахъ». Въ предисловіи къ «Гайдамакамъ» г. авторъ «главныхъ мотивовъ» объясняетъ читателямъ, что въ исторіи литературы поэзія силы представляется въ

трехъ формахъ, въ поэзіи титанической, героической (идея долга!) и демонической, и рѣшаетъ, что «у Шевченка поэзія силы является въ героической формѣ»... (стр. 17). Интересно знать, въ какой это допотопной исторіи литературы узналъ г. Л—ій о такой мудрости, какъ дѣленіе поэзіи силы на три упомянутые ея періода и отождествленіе героическаго ея періода съ идеей долга? Мы, по крайней мѣрѣ, такихъ диковинокъ не находили нигдѣ и не думаемъ, чтобы находка ихъ принесла что-либо другое, кромѣ затемненія всякаго вопроса, который-бы мы желали разрѣшить съ помощью историко-литературныхъ изобрѣтеній г. Л—го. Не станемъ говорить много о тѣхъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ нашего автора въ области «Гайдамакъ», которую онъ освѣщаетъ свѣточемъ своей «поэзіи силы»,—скажемъ только, что въ «Гайдамакахъ» онъ находитъ цѣлый культъ силы, который онъ считаетъ даже украинско-національнымъ, хотя и полагаетъ эту силу въ видѣ какой-то идеи долга, притомъ, по г-ну Л—му, долга узкаго (стр. 23). Выводъ этотъ, собственно говоря, довольно странный, и особенно потому, что авторъ хочетъ выразить въ немъ всю суть какъ гайдамацкаго движенія, такъ и такого сложнаго явленія, какъ Запорожье, возникновеніе и крѣпость котораго авторъ хочетъ объяснить привязанностью козачества къ какой-то абстрактной идеѣ долга (стр. 23). Сказавши, помимо дифирамбовъ Шевченку, нѣсколько объяснительныхъ, и, какъ думаетъ г. авторъ, «анализирующихъ» мыслей по поводу ношенія «Гайдамаками» культа силы, онъ въ концѣ концовъ рѣшаетъ, что «Гайдамаки» не поэма, а какія-то развалины, даже печальныя развалины, похоронившія подъ собою чистое золото и драгоцѣнный мраморъ (стр. 25). Читаешь и поистинѣ видишь какой-то хаосъ: развалины, величіе, культъ силы, лирика—и все это перемѣшано комплиментами и упреками Шевченку, словомъ, картина изслѣдованія положительно непостижимая. За то «поэзія правды», отражающаяся въ «Неофитахъ», еще любопытнѣе. Правда у г. Л—го оказывается выше жизни, потому что она есть идеалъ жизни, и выше чувства и силы... (стр. 26), однимъ словомъ, какая-то правда выше какой-то силы, чувства, жизни,—словомъ, чего хотите!... За эту поэзію правды принялся и нашъ злополучный Шевченко, и вышло, конечно, какъ нашелъ г. Л—ій, что ему до этой поэзіи пришлось бы слишкомъ долго идти, чтобы онъ могъ схватить ее и воплотить въ своей поэмѣ. «Вся исторія въ «Неофитахъ» разсказана слабо, блѣдно; характеры не выяснены; сильныя драматическія положенія совершенно не разработаны... и т. д. (стр. 27),—словомъ,

о «Неофитахъ» нечего и говорить. Напрасно только и самъ г. Л—ій взялся за ихъ изслѣдованіе; впрочемъ, онъ, вѣроятно, имѣлъ другую цѣль независимо отъ изслѣдованія «слабыхъ Неофитовъ»: объ этомъ позволяетъ намъ думать вторая половина IV-й главы; здѣсь г. Л—ій высказываетъ свои неизвѣстно, на чемъ основанныя, этнологическія знанія,—именно, проведеніе разницы между Великоруссомъ и Украинцемъ, изъ которыхъ перваго онъ надѣляетъ отравленными стрѣлами иронiи, а второго библейскимъ мечемъ пафоса (ср. 29)... Однако, нахожденіе въ украинскомъ народѣ «библейскаго меча» пафоса г. Л—ій сдѣлалъ не даромъ: онъ захотѣлъ объяснить намъ, почему Шевченко не оставилъ (?) произведеній, достойныхъ его таланта. Причиной и виной этому былъ тотъ украинскій «библейскій мечъ», овладѣвъ которымъ себѣ на горе, Шевченко потерялъ вкусъ ко всему остальному... Чистая бѣда, да и только! До сихъ поръ думали, что чѣмъ поэтъ лучше отражаетъ въ себѣ различныя стороны народной психологіи, тѣмъ онъ стоитъ выше, а теперь вдругъ г. Л—ій неожиданно заявляетъ, что Шевченко потому и не оказался достойнымъ себя, что былъ самимъ собою, т. е. сыномъ владѣльца «меча»—украинскаго народа... Чѣмъ же тогда прикажете рождаться, г. Л—ій, чтобы избѣгать вліянія народно-національной среды? Посовѣтуйте, пожалуйста... такъ какъ во всѣхъ четырехъ поэзіяхъ нашему поэту совершенно не везетъ!

Чтобы не получить затѣмъ упрековъ въ неполнотѣ, г. Л—ій, на помощь къ своимъ «поэзіямъ» прихватилъ всю вообще лирику, находящуюся въ «Кобзарѣ» и, какъ онъ заявляетъ въ началѣ V-й главы, учинилъ изъ нея синтезъ, которымъ онъ «возстановилъ книгу и оживилъ человѣка» (стр. 33). Привыкши дѣлать крупныя натяжки, г. Л—ій не стѣсняется сказать, что Кобзарь,—«не есть сборникъ произведеній, а одно произведеніе, одна поэма и т. д.,»—такъ какъ его проникаетъ «поэтическая идея, не поддающаяся опредѣленіямъ, убѣгающая отъ формулъ...» (стр. 35) и поддавшаяся, какъ видно, одному только г. Л—му... Тутъ г. Л—аго не переспорить; важно только въ концѣ концовъ то, что онъ приходитъ къ сознанію громадной важности Кобзаря и даже находитъ въ немъ «много живого драматизма» (стр. 40), который прежде отрицался. Вообще въ V-й части «главныхъ мотивовъ», г. авторъ, повторяя прежнія ошибки, разсуждаетъ о сантиментализмѣ и героизмѣ, словомъ о какихъ-то древностяхъ, и только въ концѣ нѣсколько поправляется, трактуя о

крупномъ значеніи Шевченка, который вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ раньше, не написалъ достойныхъ себя произведеній... Много курьезовъ встрѣчается также и въ главѣ «Личный элементъ»: здѣсь г. авторъ говоритъ о громадной роли любви въ творчествѣ міровыхъ поэтовъ и высказываетъ слишкомъ несостоятельную мысль, что Данте, Петрарка и т. д. не написали бы всѣхъ произведеній, еслибы въ ихъ жизни не встрѣтились Беатриче, Лаура (которой такъ таки и не было),—мысль слишкомъ неправильная, чтобы это можно было доказывать! Затѣмъ г. Л--ій удивляется, что въ поэзіи Шевченка видно отсутствіе юмора, которое объясняется тѣмъ, что народъ въ поэзіи Шевченка изображается въ видѣ бездомнаго скитальца, «чужого-чужаныци», а не въ видѣ козака-нетяги, сверкающаго насмѣшкой и т. д. (45). Довольно странное объясненіе и притомъ совершенно не нужное: высшей степенью юмора является сатира, полная горечи, и ужъ такого повышеннаго юмора въ поэзіи Шевченка и не оберешься, а г. Л—ій скорбитъ объ его отсутствіи, сочиняя для этого «чужую-чужаныцю».

Еще далѣе г. Л—ій даритъ насъ слѣдующей глубиной мысли: «личный факторъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, есть факторъ національный. Въ немъ чрезвычайно мало случайнаго и индивидуальнаго. Ему присущъ характеръ необходимаго и неизбѣжнаго и т. д. (стр. 46). Слишкомъ много категорическаго и неправильнаго!... Какъ же разобраться въ путаницѣ г. автора, если коллективное (національное) у него отождествляется съ индивидуальнымъ (личнымъ) и личному приписывается характеръ неизбѣжнаго? Если личный равенъ національному, то почему-же тогда не существуетъ однородности въ мотивахъ всѣхъ личныхъ поэзій, а наоборотъ, по закону литературной эволюціи, существуетъ прогрессивное дифференцированіе? Если, затѣмъ, личному свойственъ характеръ неизбѣжнаго, то какъ же тогда понимать личный активъ, который, какъ и у Шевченка, перерабатываетъ вліяніе прежней среды и вырабатываетъ новую, болѣе прогрессивную... Словомъ, у г. Л—го недочетъ за недочетомъ, но на этомъ послѣднемъ мы и остановимся, такъ какъ можемъ теперь вполнѣ оцѣнить значеніе «главныхъ мотивовъ» г. Л—го. О нихъ мы можемъ произнести такое рѣшеніе: отсутствіе правильнаго метода помѣшало г. Лисовскому произвести научный анализъ, и показать намъ дѣйствительныя основы или главные мотивы поэзіи Шевченка; отсутствіе пониманія задачъ историка литературы и литературнаго критика не дало ему возможности представить предъ нами

жизненные элементы этой поэзіи и ея силу; вмѣсто же этого у г. Л—го получился рядъ метафизическихъ упражненій, гдѣ ненаучная дедукція и апріоризмъ играютъ первую роль, и отъ которыхъ пользы весьма мало... Вообще же работа г. Л—го очень слаба и, отличая въ немъ человѣка съ нѣкоторой эстетической жилкой, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ въ немъ слабость научной дисциплины и малое умѣніе обращаться съ очень крупными вещами.

И. Стешенко.

Выставка древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на воззрѣніе Государя Императора. Спб. 1896 г., 34 стр.

Въ помѣщеніи Имп. Археолог. Коммиссіи ежегодно устраиваются выставки, на которыхъ выставляются предметы, явившіеся результатомъ дѣятельности Коммиссіи за извѣстный годъ. Брошюра, заглавіе которой приведено выше, представляетъ изъ себя каталогъ такой выставки, устроенной въ настоящемъ году, куда поступили какъ отдѣльные предметы, доставленные на основаніи существующихъ узаконеній, такъ и цѣлыя коллекціи, добытыя при раскопкахъ, произведенныхъ на средства Коммиссіи спеціально командированными лицами въ теченіе 1895 г. Кромѣ того, тутъ-же помѣщены коллекціи и отдѣльныя вещи изъ раскопокъ, разрѣшенныхъ Коммиссіею различнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Предметы поступили изъ разныхъ мѣстъ; въ данномъ случаѣ мы отмѣтимъ только тѣ, которые происходятъ изъ южной Россіи.

Изъ *кіевской* губ. имѣется собраніе глиняныхъ сосудовъ изъ кургановъ близъ с. Васильковки звенигородскаго у., принесенное въ даръ Коммиссіи отъ г-жи Ю. Ф. Абаза. Сосуды изготовлены изъ красной глины, покрыты росписнымъ орнаментомъ въ формѣ черныхъ разводовъ и сѣтки; всѣ сосуды одной формы—съ острыми выступающими боками; болѣе низкіе сосуды снабжены на днищахъ нѣсколькими ножками. По мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго сосуды эти могутъ быть отнесены приблизительно ко II в. по Р. Х. Изъ этихъ-же кургановъ происходитъ и желѣзный мечъ.

Изъ г. Черкассъ имѣется мѣдный четырехконечный крестъ, найденный съ золотоордынской монетой.

Изъ *подольской* губ. поступили шлемъ, обрывки кольчуги, стремя и другія вещи изъ кургановъ, раскопанныхъ близъ Межирѣчки, въ имѣніи А. М. Абазы; съ вещами были найдены и золотоордынскія монеты XIV в.

Изъ *черниговской* губ. есть только серебряная ушная подвѣска, въ видѣ кольца съ посаженными на него шариками, найденная въ с. Обмачевѣ, конотопск. у., вмѣстѣ съ чешскими монетами XIII в.

Въ *полтавской* губ. раскопки производили Н. П. Авенаріусъ и предсѣдатель Коммиссіи гр. А. А. Бобринскій.

Н. П. Авенаріусомъ были раскопаны курганы близъ с. Поставмукъ, лохвицкаго у. Курганы невысоки, распаханы; костяки головой лежатъ на востокъ: въ 4-хъ курганахъ найдены двойныя погребенія. Изъ вещей найдены: длинныя и болѣе короткія булавки, мѣдная фибула, бусы, пряслица, мѣдные наконечники стрѣлъ, зеркало, амфора и маленькая вазочка классическаго происхожденія; эта послѣдняя, по мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго, можетъ быть отнесена къ концу IV-го или началу III в. до Р. Х.

Н. П. Авенаріусомъ доставлены также два палаша, найденные у того-же с. Поставмукъ. Въ курганѣ близъ с. Гнилицы, зѣньковскаго у., раскопанномъ гр. Бобринскимъ, встрѣтились слѣдующія вещи: мѣдные наконечники стрѣлъ, золотая серьга позднe-скифскаго типа, кусочки краски, каменная буса, кольцо съ шипами; предметы эти могутъ быть отнесены къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. Курганъ оказался уже расхищеннымъ.

Въ *херсонской* губ. раскопкой кургановъ занимался В. И. Гошкевичъ. Изъ раскопокъ 1895 г., близъ с. Архангельскаго, херсонск. у., имъ представлено 20 плоскихъ костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, золотыя спиральныя трубочки и золотой небольшой браслетъ, украшенный по поверхности тремя продольными поясками. При раскопкахъ-же болѣе раннихъ—1893 г., близъ с. Дымовки того-же херсонск. у., было изслѣдовано 17 кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались относящимися къ мѣдному вѣку (найдено мѣдное остріе, каменныя буссы), другіе къ XIV (амулетъ изъ лянисъ-лазура, пряслица, кораллъ), остальные-же не могутъ быть отнесены къ опредѣленному типу.

Упомянемъ также о коллекціи днищъ сосудовъ съ клеймами, доставленной Н. П. Авенаріусомъ изъ Дрогичинскаго городища *гродненской* губ.

Обильную археологическую жатву дало по обыкновенію побережье Чернаго моря. Тутъ находятся вещи изъ раскопокъ К. К. Косцюшко-Волюжинича въ Херсонесѣ, члена Коммиссіи Н. И. Веселовскаго близъ Симферополя, проф. Ю. А. Кулаковскаго между нижнимъ теченіемъ Альмы и Качи, Н. Ф. Романченка въ Евпаторіи и собранныя А. А. Бертье-Делагардомъ въ Феодосіи, при устройствѣ порта. **Б.**

Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Томы XI и XII (1896, кн. III и IV). Стр. 191 и 194 [1]).

Не смотря на трудныя матеріальныя условія, научное общество Шевченка продолжаетъ съ обычною аккуратностью издавать свои «Записки», собираетъ матеріалы для отдѣльныхъ изданій по исторіи и этнографіи, обсуждаетъ въ своихъ засѣданіяхъ разнообразные вопросы, вызываемые развитіемъ научной дѣятельности на родномъ языкѣ. Если взять въ разсчетъ спеціальныя галицкія условія и новизну дѣла, то нельзя не признать, что общество съ честью справляется съ предлежащею ему симпатичною задачею.

Указанные въ заголовкѣ два новыхъ тома «Записокъ» составлены по прежней программѣ. Научная хроника и отдѣлъ библіографіи отличаются обычною обстоятельностью и разнообразіемъ, тонъ рецензій и отчетовъ строго выдержанный и обнаруживаетъ умѣлое руководство въ выборѣ и единство научнаго направленія. Въ настоящихъ томахъ данъ болѣе или менѣе подробный отчетъ о 70 книгахъ и статьяхъ по южно-русской исторіи и литературѣ, въ томъ числѣ начало обширнаго обозрѣнія содержанія «Кіев. Стар.» за 1895 г. (XII, 1—26)

Изъ отдѣльныхъ статей XI и XII т. т. «Записокъ» отмѣтимъ прежде всего принадлежащую г. Конискому новую главу изъ предпринятой имъ подробной біографіи Шевченка: «Т. Шевченко на пер-

---

[1]) Обзоръ содержанія I—X тт. „Записокъ" см. въ „Кіев. Стар." 1895 г., №№ 11 и 12, 1896 г., №№ 2 и 5.

шому засланію», т. е. до высылки въ новопетровское укрѣпленіе въ 1850 г. (XI, 1—62). Въ настоящей главѣ авторъ пользуется уже изданными матеріалами, подвергая ихъ критическому разбору и удачно иллюстрируя отдѣльные эпизоды трагической судьбы поэта ссылками на его сочиненія и письма. Въ біографіи такого могучаго таланта, какъ Шевченко, каждая подробность заслуживаетъ критическаго обслѣдованія, и поэтому мы не рѣшаемся поставить въ упрекъ біографу пытку, которой онъ подвергаетъ письмо поэта къ Репниной 27 февр. 1848 г. для разрѣшенія вопроса, дѣйствительно-ли писалъ Ш. дневникъ въ Орской крѣпости. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что подобные критическіе экскурсы нѣсколько нарушаютъ цѣльность картины, тѣмъ болѣе, что вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ. Точно также мы не вполнѣ уясняемъ себѣ цѣль разсмотрѣнія вопроса о правильности перевода Ш. въ Новопетровское укрѣпленіе съ формально-юридической точки зрѣнія (60—62), а догадку автора о случайномъ происхожденіи извѣстной резолюціи имп. Николая I, воспретившаго поэту не только писать, но и рисовать, должно признать неудачною. Не подлежитъ сомнѣнію, что имп. Николай I лично просматривалъ документы по дѣлу мнимаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества; кромѣ того, въ докладѣ графа Орлова по этому дѣлу, утвержденномъ 28 мая 1847 г., хотя и нѣтъ рѣчи о рисункахъ Ш., но послѣдній именуется «художникомъ Спб. академіи художествъ» или просто «художникомъ». Если взять въ разсчетъ, что на допросѣ 21 апрѣля 1847 г. Ш—ку былъ предложенъ вопросъ, кто иллюстрировалъ рукописную книгу его стихотвореній, и что содержаніе «Сна» было подробно описано послѣ отобранія рукописей у поэта, то едва-ли можетъ быть рѣчь о случайномъ характерѣ резолюціи 28 мая 1847 г.)— Конечно, эти замѣчанія не могутъ умалять достоинствъ весьма обстоятельной біографіи Ш., принадлежащей г. Конискому.

Въ статьѣ «Политическія событія 1340 г. въ Галицкой Руси» (XII, 1—24) г. О. Терлецкій подвергаетъ критическому обслѣдованію взгляды новѣйшихъ историковъ на вопросъ объ извѣстномъ походѣ кор. Казимира на Русь и отношеніяхъ его къ Дезку, Даніилу и татарамъ. Значеніе этого вопроса, какъ намъ кажется, сильно преувеличено нѣкоторыми писателями, особенно г. Филевичемъ. Критическій очеркъ г. Терлецкаго полезенъ въ томъ отношеніи, что довольно убѣдительно показываетъ скромныя рамки, въ предѣлахъ которыхъ приходится держаться при обсужденіи этого вопроса, благодаря скудности историческихъ свидѣтельствъ.

Г. Радакова въ статьѣ: «Украинскіе козаки на Ладожскомъ каналѣ» (XII, 1—20) даетъ не лишенную интереса сводку сохранившихся разрозненныхъ данныхъ о первыхъ опытахъ примѣненія натуральной повинности къ «канальнымъ» работамъ при Петрѣ I и Екатеринѣ I. Прискорбную картину этой знаменитой безурядицы весьма картинно дополняетъ найденная авторомъ въ Харьковскомъ истор. архивѣ «вѣдомость сотнѣ кременчуцкой, коликое число ходило козаковъ до Ладоги на каналную работу и як много ихъ од нужды померло» (1721 г.).

Д-ръ Кир. Студинскій продолжаетъ изданіе малоизвѣстныхъ панегириковъ XVII в. (см. т. VIII «Записокъ»). Въ XII т. (1—32) изданы: «Имнологія» кіевской печати 1630 г., Ἀναθήμα τῆς τιμῆς венеціанской печ. 1641 г. и «Εὐωδία» львовской печ. 1642 г. Панегирики эти снабжены критико-библіографическимъ комментаріемъ на основаніи работъ Пекарскаго, Головацкаго, Каратаева, Виндакевича и нѣк. др. Съ исторической точки зрѣнія наибольше интересенъ венеціанскій панегирикъ, составленный Як. Седовскимъ изъ Галичины въ честь Григ. Кирницкаго, «обывателя Львовскія земла въ Россіѣ» по случаю возведенія его въ степень доктора философіи падуанскаго университета. Данныя панегирика оттѣняютъ нѣсколькими новыми штрихами изслѣдованіе Виндакевича о польской студенческой колоніи въ Падуѣ.

Редакторъ «Записокъ» г. Грушевскій помѣстилъ въ XI и XII т. т. нѣсколько найденныхъ имъ въ архивахъ неизвѣстныхъ дотолѣ документовъ, снабдивъ ихъ историческимъ комментаріемъ. Таковы 1) грамота кн. Александра Владиміровича кіевскаго 19 февр. 1450 г. писанная въ Овручѣ, объ освобожденіи слуги Ларивона Велавскаго отъ службъ, податей и пошлинъ (въ подтвержд. 1486 и 1574 г.); 2) того-же князя жал. грамота 8 мая 1451 г. боярамъ Ивашку и Петру Григоровичамъ на селище Таганчу, выданная въ Кіевѣ (подтвержд. 1494, 1520 и 1572 г.); 3) жал. грамота кн. Семена Александровича 23 іюля 1459 г. кіевскаго боярину Андрею Морозову на село Жердеву, выданная въ Кіевѣ (подтвержд. 1571 г.); 4) продажная запись 1571 г. на селище Сѣряково близъ Кіева, съ упоминаніемъ пожалованій съ 1465 г. (подтв. 1572 г.)—всѣ четыре акта изъ коронной метрики Моск. Арх. Мин. Юст., и 5) опись Львовскаго замка 1495 г.—изъ архива варшавской казенной палаты.

Въ т. XII, отд. miscellanea, напечатаны, съ предисловіемъ г. Франка, воспоминанія свящ. Юрія Гладиловича о рѣзнѣ 1846 г. въ

саноцкомъ округѣ Галичины, представляющія нелишенный интереса вкладъ для исторіи этого еще не вполнѣ разъясненнаго явленія.

Наконецъ, г. Вл. Левицкимъ предложены въ XI т. матеріалы для разработки украинской терминологіи по отдѣлу механики, съ соотвѣтственными терминами нѣмецкими и французскими. Авторъ проситъ совѣтовъ и указаній со стороны спеціалистовъ.

Въ приложеніи къ XI т. напечатана программа для собиранія свѣдѣній о писанкахъ, составленная г. Кордубою. Н. М.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и *«Собранія узаконеній и распоряженій Правительства»*.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор.

прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ

какъ порученія предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—3

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. **„НОВОЕ СЛОВО“** 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «**Новое Слово**» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, Проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Ярошкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по

примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на **«Новое Слово»** принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	**10**	р. — к.
» » » » » полгода. . .	**5**	» — »
» » » » » три мѣсяца. .	**2**	» **50** »
» » безъ пересылки на годъ. . .	**9**	» — »
» » съ перес. за границу на годъ.	**12**	» — »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала **«Новое Слово»** въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпускѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

Ездилъ у вечеру до Миклашевскихъ и посидѣвши, повернулся домой. Вѣжевскій посланъ въ Нѣжинъ зъ унтеръ офѣцеромъ по грековъ Фармакѣя и Юрія Гору, зъ которихъ послѣднего, такъ же Пѣперовъ облѣкчи саморучніе далъ ему за роспискою и денегъ 10 р. на разніе покупки, особливе для вина.

Субота 16. День былъ хмаренъ, мокръ и вѣтрянъ, зъ дощемъ густимъ. Ночъ випогодилась мало, однако жъ безъ морозу и къ свѣту мокра. Рано ездилъ я въ Сварковъ, а оттоль въ футоръ, где овесъ молотятъ. У вечеру ездилъ до Борзни суддѣ и оттоль домой не ездилъ. Вѣдомо зде учинилось, по писмамъ полковниковъ Полтавского и Миргородского до суддей нашихъ писаниимъ, что татаре идучи Бѣлогородскіи и Ногайскіе къ рубежамъ полскимъ, напали на село полку Полтавского, сотнѣ Орѣлской, прозиваемое Биркутъ (?) и человѣка зъ 20 убили, а зъ 12 взяли въ полонъ, а отъ тамошнихъ жителей одинъ сокѣрою одного татарина убилъ, для чего полковникъ Миргородскій війшолъ зъ полкомъ своимъ до Кременчука, такъ же и Полтавскій.

Неделя. 17. День былъ хмарній, холодноватъ почасти и свѣтлій, безъ морозу. Ночъ сперва свѣтла, а после хмарна и дощъ ишолъ густий, отъ чего много снѣгу пропало, а води везде умножилось. Былъ я на службѣ божой у ст. Николая, а оттоль зайшолъ до п. Михайла, брата, позавчира пріехавшаго, куда прійшолъ и пѣвчій государини цесаревни Божокъ, зъ С.П.Бурху пріехавшій. Обѣдалисмо въ дому, а въ вечеру знову ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулся домой.

Понедел. 18. День былъ вѣтрянъ, хмаренъ, а после свѣтелъ зъ таяніемъ снѣгу, у вечеру стало примерзать, ночъ вияснилась, тиха и зъ морозомъ. Рано въ лазню ходилъ и кровъ банками пускалъ; рано жъ п. Михайло пріездилъ, обѣдалисмо въ дому и никуда сегодня не ездилъ, кромѣ что Зварковского болного, зятя Астровской, посѣщалъ.

Вовтор. 19. День былъ свѣтелъ, тихъ, зранку зъ морозомъ, а после зъ отлигою, ночъ тиха, безъ морозу, хмарна. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру били Тарицинъ и Александеръ, играли въ карти зъ проиграшомъ 80 к.

Середа 20. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, зъ таяніемъ снѣгу. Ночъ свѣтла, тиха, тепловата, къ свѣту морозець. Андрѣй Проценко, староста бывшій Короваювскій, которого допросить о пріемѣ и о висилкѣ бѣглого приговорено въ судѣ енер., пріехалъ зъ розсилщикомъ, которій зде при п. Михайлу говорилъ, что онъ засталъ того бѣглого въ селѣ, а висилалъ по свѣдителству и не представлялъ родителеви. Обѣдалисмо въ дому и съ нами Лизакевичъ; по обѣдѣ п. Михайло пріездилъ ко мнѣ и отехалъ.

Четвер. 21 День былъ свѣтлій, теплій, тихій, такова жъ и ночъ, толко къ свѣту зъ морозцемъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я въ городъ до Кишкина, оттоль до п. Михайла.

Пятокъ. 22. Денъ былъ хмарній, почасти холодненкій зъ ранку, а посля зъ таяніемъ снѣгу, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозомъ а особливе къ свѣту. Ездилъ я въ Сварковъ, где молодыхъ мужиковъ, которія причетни до казловой рани (?), велѣлъ сѣкти розгами. Приехавши оттоль, обѣдалъ въ дому. Вахмистръ конной гвардіи Сабуровъ отъ князя Шаховского пріехалъ въ С.П.Бурхъ, а про князя говорилъ, что въ Бѣлой Церквѣ и что стать князю хочай на минѣстерскомъ дворѣ, хочай и въ гетманскомъ, въ городѣ.

Субота. 23. День былъ вѣтрянъ, хмарний, холодний зъ морозомъ хорошимъ, что и все померзло и чрезъ увесь день не таяло. Ночъ хмарна, мокра и холодновата, а къ свѣту зъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ зъ женою ездилъ до Радищева, Мякинина, Хрипунова и Синявина прощатись для того, что посля завтра постъ.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряний зъ маленкимъ снѣжкомъ, холодний, такова жъ и ночъ была. Сегодня на службѣ божой былъ я у церквѣ ст. Анастасіи, оттоль заехалъ до п. Михайла Скоропадского, которой переехалъ на Бѣлополовку, для того что тамъ домъ гетманскій въ квартиру означенъ князю Шаховскому. Полковникъ Лубен. п. Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ вкупѣ зъ п. Михайломъ, до которого я и по обѣдѣ ездилъ и тамъ доволно позабавилъ до позна, где приехавшій присутствовалъ и Худолѣй. Брати Семенъ и Марко пріехали въ Глуховъ по дѣлу Коховского.

Постъ велик. Понедел. 25. День былъ холодний очинь, хмарний почасти, и почасти свѣтлий, ночъ такова жъ была и свѣтла. Не ездилъ я никуда сегодня. Пріехалъ Семенъ Шохъ, стар. Криск., и обявилъ, что купилъ дворъ у Крискахъ за 15 р. у капитанши, да привезлъ бѣлугу и осятра, и далъ за все то 2 р. 50 к. Таращенко отправленъ въ Перер. до Клима. О присилкѣ сюда описѣ урочищей степу Кривор. писалъ до его, да о присилке сюда масла и сира къ святамъ.

Вовтор. 26. День былъ подобний вчорайшимъ и ночъ толко хмарна, а морозъ однаковъ. Ездилъ я по обѣдѣ до пол. Луб. и п. Михайла и посидѣвши, повернулся домой. Отправленъ Шохъ въ Криски, а ему за дорогу далъ 2 р.

Середа. 27. День былъ хмарний, холодний же, тихій, ночъ свѣтла, тиха зъ морозомъ. Ездилъ я въ Сварковъ, а оттоль у футоръ и съ футора пріехалъ въ Глуховъ смеркомъ

Четвер. 28. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, особливе къ вечору, ночъ такова жъ свѣтла, тиха и холодна очинь. Слишно, что князь Шаховскій повернулся зъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ, а съ Кіева виехалъ сюда, еще въ пятокъ, противъ которого поехалъ братъ п. Михайло. Посланъ Алексѣй Полуденскій, въ Нѣжинъ, до Вѣжевского виручать его зъ подъ караула, за который взялъ его комендантъ Нѣжинскій и далъ ему 1 р. и 3 червонніи и данъ приказъ и писма до Кучарского и Вѣжевского, чтобъ Юрія Гору принаймной сюда въ судъ приправадилъ, если нелзя Фармакѣя. Пріехалъ другій Алексѣй зъ Ромна и привезлъ вина волоского стоянець, соку око, оливи полъ 2 фунта, родзѣнокъ фунтъ 2. Былъ я у вечору у пол. Луб., который мнѣ подалъ, виписавши моею рукою, вѣдомость зъ писма Павла Корнѣевича о степу Криворудскомъ, что мнѣ до футорця моего уступаетъ, а именно такъ: по шляхъ тотъ, который идетъ зъ Лукомля до Самосѣдовки, да съ того жъ шляху спустя на дорожку тую, что идетъ до футора Ореховского, мимо могилу тую, до которой толока присягла зъ Самосѣдовки.

М-ць Мартъ. Пятокъ. 1. День былъ зранку очинь студений, только велми тихій и свѣтлій, что отъ слонца стало тепло, а къ вечеру знову морозъ, ночъ зъ силниимъ велми морозомъ, тиха и свѣтла. Ездили род. и я, и всѣ зъ господ. и пановъ старшини на стрѣчъ, противъ князя Шаховского, которого стрѣтили при виездѣ зъ Туліголовъ и пріехали въ Глуховъ смеркомъ, а при немъ Хрущовъ, Нѣжинскій полковникъ, Пасекъ и швакгеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ. Отмѣнное вишнее правленіе малор. стало: сталъ князь отъ себе писатѣ указами и листами, по примѣру гетманскому.

Субота. 2. День былъ и ночъ свѣтліе, тихіе, холодніе. Приобщались ст. Тайнамъ род. и мы всѣ, въ церквѣ ст. Анастасіи; у вечеру ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулся назадъ.

Неделя. 3. День былъ хмарний зъ отлигою, и снѣгъ густий ишолъ толко и потаялъ увесь къ вечору, ночъ такъже хмарна зъ морозомъ. Сегодня по приказу князя Шаховского, обявленномъ намъ черезъ писара енералного, собрались старшина енералныя и полковники Нѣжинскій и Лубенскій въ столовую гетманскую и отпечатавши клейноти гетманскіе, булаву, бунчукъ, короговъ и пѣрначи, въ другой скринцѣ, несли въ присутствіи онихъ старшинъ и насъ бунчуковихъ на квартеру до князя Шаховского многіе и я. По обѣдѣ заездили ко мнѣ п. полков. Луб. и п. Михайло а после знову отехали до князя. Петро кухаръ пріехалъ съ Москви и попривозилъ деякіе рѣчи.

Понедел. 4. День былъ свѣтлій, тихій и холодний, зъ стужею, особливо ночъ холоднѣйша еще, тиха и свѣтла. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріездилъ сюда прощатись къ родителю и ко мнѣ пол. Луб., зъ которимъ я до его квартери на Бѣлополовку заехалъ и при мнѣ онъ виехалъ въ С.П.Бурхъ, просить милости ея величества на мать свою гетманову и на весь свой домъ. Оттоль былъ у князя и долго позабавили, ходили при немъ до двора гетманского осматривать и поворотясь, заходили до Мануйловича, асаула енер., болѣзнуючого паралѣжемъ.

Вовтор. 5. День былъ свѣтлій, тихій, холодний и хмарний почасти, подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ

дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла и поворотился домой. Аргамакъ мой турецкій захоровалъ на залози, которого лѣчили пластромъ, сало старое товкли зъ зѣллемъ росходникомъ и прикладали, отчего помоглось.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, холодний сперва, а после таяло у вечеру и черезъ ночъ морозъ хороший и померзло все; свѣтло и тихо. Рано былъ у князя, обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Синявина и швагера п. Андрѣя. Кровъ пускалъ зъ головной жили. У вечеру, якъ я виехалъ отъ Борзни, то не дожидаючи воротъ, увидѣлъ коляску родителскую зъ самими конми, въ самомъ пруткомъ імпетѣ бѣжавшими, которіи слава Богу проминули мене и прибѣгши до брами якъ ударили коляску отъ дороги, то оная надробки вся розбита и поламана, а я такъ отъ тяжкого случая избавился.

Четвер. 7. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, зъ сухимъ морозомъ. Ночъ такова жъ. Рано былъ у судѣ енер. и у князя, обѣдалъ въ дому зъ швагеромъ п. Андрѣемъ, у вечеру знову былъ у князя. Вѣжевскій съ подъ караулу освободившись, пріехалъ въ Глуховъ зъ Алексѣемъ, такъ же и Климъ зъ степу.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтелъ, холоденъ, тихъ, ночъ почасти свѣтла, тиха, къ свѣту вѣтрена и снѣжна зъ отлигою. Сегодня нигде я не бывалъ, жена отехала въ Тулиг., а швагеръ п. Андрѣй посѣщалъ мене для жени отежджаючой.

Субота. 9. День былъ хмарний зъ снѣгомъ и великою метелицею, которая до полудня вся перестала и снѣгъ ростаялъ, зъ полдня дощъ великій, потомъ ясно и у вечеру морозецъ, ночь сперва зъ морозцемъ, после зъ дощемъ и зъ влагою до свѣта. Былъ я на службѣ божой у ст. Анастасіи и у князя, обѣдалъ зъ род. въ дому. Въ банѣ мился.

Неделя. 10. День былъ свѣтлий, тихій, теплій, а между тимъ почасти хмарний, ночъ тиха, свѣтла зъ маленкимъ морозцемъ, таяніе сегодня снѣгу велико и наводненіе зъ того. На службѣ зъ княземъ у его церквѣ и у его обѣдали многіе и я, а оттоль заехалъ до швагера п. Андрѣя, которий после до мене заехалъ и отъ мене домой отехалъ.

Понедел. 11. День былъ холодний велми, вѣтрянъ полунощнимъ вѣтроимъ и зъ метелицею снѣжною, такова жъ и ночъ, отчего по лду знову безпечно стали ездить. Былъ я рано у судѣ енер., а оттоль повернувшись домой, обѣдалъ. Генералъ и ст. Андрѣя кавалеръ князь Гессенгомбурскій, отправленний на мѣсто князя Шаховского въ Полщу, пріехалъ въ Глуховъ и сталъ квартерою у Мануйловича.

Вовтор. 12. День былъ още холоднѣйшій и хмарний, и ночъ такова жъ, а къ свѣту виногодилась метелиця. Сегодня рано род. и я были у князя Гессегонбурского, а у князя Шаховского съ нимъ кушали.

Середа. 13. День былъ свѣтлій, тихій, очинъ холодний, къ полдню съ таяніемъ снѣгу, а къ вечору знову студенъ, такова жъ и ночъ была. Ездилъ рано до Сваркова, где приказалъ гончарамъ въ будинку великомъ отъ саду коменъ и пѣчъ разбирать, а теслямъ свѣтелку зъ комнатою отъ двора розбирать; оттолъ заехалъ до футора и до дому на обѣдъ, хочай и дорога очинъ была грудна, потому что мало снѣгу.

Четвер. 14. День былъ зранку холоденъ, а посля тепелъ, въ денъ снѣгъ, ночъ свѣтла, тиха и холодна, а особливе къ свѣту. Былъ род. и я у князя Гессенгомбурского рано, зъ которимъ прійшли до князя Шаховского, у куториго и кушали и подпіяхомъ, и отправадили его, виехавшого отсель ку Кіеву.

Пятокъ. 15. День былъ холодний зъ ранку, а посля тепловатъ, свѣтелъ и тихъ, ночъ свѣгла, тиха и холодна. Сегодня никуда я не ездилъ.

Субота. 16. День бѣлъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ и прежнимъ. Сегодня по обѣдѣ былъ у князя Шаховского и позно домой повернулъся.

Неделя. 17. День былъ и ночъ подобніе во всемъ вчорайшимъ, толко мало похмурніе. У церквѣ соборной на службѣ билъ князь и всѣ присутствовавшіе, где читана грамота ея величества, за подписаніемъ собственноручнимъ, въ якой показана сила тая: сожалѣніе о преставленіи гетмана Апостола, опредѣленіе до избранія генералной канцеляріи новое, где бить 6 персонамъ, князю Шаховскому и еще

двомъ великороссійскимъ, да обозному енералному Якову Лизогубу и еще двомъ малороссійскимъ, которіе ко благоизобрѣтенію назначени и имъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть великороссійскимъ по правой сторонѣ, а малороссійскимъ по лѣвой, и править обще зъ совѣту и согласія, и подписиватись всѣмъ на указахъ. И сей указъ привезъ Сабуровъ зъ С.П.Бурху до князя позавчорайшого дня. По службѣ кушали у князя и подпіяхомъ для тезоименитства того княжого, понеже онъ Алексѣй. Ундиръ-офѣцеръ, держанний въ Нѣжинѣ у коменданта подъ карауломъ, отпущенъ зъ подъ караула и пріехалъ въ Глуховъ, и явилъся, которому я далъ 1 р., 10 квартъ гор. и проч.

Понедел. 18. День былъ подобній вчорайшому во всемъ и ночъ, толко зъ морозомъ отъ прежнихъ меншимъ. Сегодня никуда я не ездилъ, ради приключившойся мнѣ болезни въ ушѣ правомъ. Сегодня по силѣ вишипомянутого указу, опредѣленніе до правленія енералной канцеллярії засѣдали при князеви: Радищевъ и Кишкинъ, да родитель и суддя Забѣла, а обозній въ походѣ.

Вовтор. 19. День былъ зранку хмаренъ и холоденъ почасти, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ хмарна, тиха и мало холодновата. Сегодня никуда я не ездилъ ради болезни ушей моихъ.

Середа. 20. День былъ зранку зъ морозцемъ, хмарний и посля свѣтлій, а потомъ знову хмарний и теплій, ночъ свѣтла зъ морозцемъ. Принималъ я сегодня лыкарство проносное Бока и имѣлъ доволно операцѣй.

Четвер. 21. Сей день былъ подобний вчорайшому, свѣтлій, тихій и хмарний, между тимъ холодноватъ толко безъ морозцу, ночъ свѣтла, тиха зъ морозцемъ. Сегодня алтерацѣи имѣлъ, на видъ якоби фабри.

Пятокъ. 22. День былъ свѣтлій, тихій, зранку зъ морозцемъ, а посля тепелъ, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозцемъ. Сегодня тожъ мене проносило еще и слабъ былъ. Впервое члени гетманского правленія засѣдали зъ княземъ Шаховскимъ. Несторовичъ зъ Ромна пріехалъ.

Субота. 23. День былъ сперва зъ туманомъ, а после свѣтлій, тихій и теплій, ночъ такова жъ, свѣтла, тиха зъ морозцемъ, а къ свѣту хмарна зъ морозцемъ и вѣтромъ. Сегодня никуда я не ездилъ ради слабости своей.

Неделя. 24. День былъ хмарний вѣтряний и силная снѣжная метелиця, которая покрила землю добре, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту ясно и холодно велми. Сегодня рано били у князя, и по службѣ обѣдали и до вечора просидѣли.

Понедел. 25. День былъ свѣтлій, теплій, а первей зъ морозцемъ, тихій, къ вечору и черезъ ночъ знову морозъ, а ночъ такъ же была свѣтла, тиха. Сегодня обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ.

Вовтор. 26. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, ночъ холоднѣйшая. Сегодня никуда я не ездилъ, и въ дому обѣдалъ.

Середа. 27. День былъ свѣтлій, холодний же попрежнему и хмарний, после зъ вѣтромъ, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна. Ездилъ рано до князя въ судъ и въ дому обѣдалъ.

Четвер. 28. День былъ почасти хмаренъ и почасти свѣтелъ, толко вѣтрянъ, холоденъ, ночъ свѣтла, тихшая отъ дня, а после хмарна зъ растворенiемъ. Сегодня былъ я у князя Шаховского, а обѣдалъ у себе. У лазнѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Пятокъ. 29. День былъ хмарний, туманний зъ дощемъ, тепловатъ, ночъ такова жъ. Вѣдомо зде учунилось отъ вѣдомостей, что сынъ Михайла Забѣли судіи енер., которій въ походѣ билъ при обозномъ енер. въ Полщѣ, взятъ въ неволю отъ партизантовъ Лящинского. Теперъ сталъ ставъ роспускать здѣшній Глуховскій, толко еще вовсе не очистился.

Субота. 30. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, самий весняний. Ночъ тиха, тепловата, отчего стала земля просихать. Обѣдалъ въ дому, у вечеру ездилъ до князя и тамъ долго позабавился. Денги, должніе на Іотію греку 36 р. отобралъ я всѣ сполна черезъ Тараса и уже онъ теперъ мнѣ не долженъ сталъ.

Неделя. 31. День былъ почасти свѣтелъ, а особливе къ вечору и хмаренъ зъ дощикомъ веснянимъ, ночъ свѣтла, почасти жъ и хмарна. Ставъ здешній по болшой части отъ ліоду очистился.

Были у церквѣ ст. Анастасіи зъ княземъ, у его жъ и обѣдали. Отъ енерала графа Вейзбаха прислано предложеніе до князя, чтобъ всѣ козаки и стрелцѣ, и бунчуковіе товарищи, кои въ Полщѣ не обрѣтаются, были готови въ походъ на 20 число априля, а сіе онъ предлагаетъ въ содержаніи именного указу ея величества. Воску зъ вощинъ вибили кругъ у 2 пуда.

Априль м-ць. Понедел. 1. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний, тепловатъ. Ночъ такова жъ, а къ свѣту хмарна и и холодна, острий вѣтеръ, Былъ въ городѣ, обѣдалъ у князя, а оттоль у Синявина. У лавкахъ купилъ локоть 5 таѳи зеленой по 16 шаг., всего 1 р. 50 к. Два вози сѣна купилъ по 11 к., всего 22 к. Черезъ Омеляна писалъ до Янѣшевского, чтобъ курѣнчики и дворяне били къ походу со мною и чтобъ кобилъ 10 пригнали были у футоръ Гамал., и отправилъ оного Омеляна съ тимъ, чтобъ онъ Клима дожидался у Сухонос., ислн що ему доводимется въ заплату за прежную службу его, тое би ему далъ.

Вовтор. 2. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний зъ снѣгомъ, которий и потаялъ заразъ, ночъ такова жъ била, толко безъ вѣтру. Сегодня ездилъ я въ Сварковъ, где приказалъ направлять вози и спалню и проч. Оттоль въ футоръ Калюжновскій, где уже 4 овини сеей другой скирти жита змолотили, а пятая у овинѣ, и пріехалъ оттоль въ Глуховъ и заехалъ до Оболонского.

Середа. 3. День былъ почасти свѣтелъ, а особливо зранку и посля хмаренъ и холоденъ, и посля знову свѣтелъ, ночъ хмарна и вѣтряна и холодна, къ свѣту снѣговая жестокая метелиця. Не ездилъ я сегодня никуда, въ дому обѣдалъ. Рѣшени два дѣла родителскихъ въ судѣ енер., одно зъ Даниломъ Забѣлою, которому отказано отъ мелницѣ Пулинця Добротовскихъ, о которихъ онъ билъ челомъ, а другое зъ архимандритомъ Новгородскимъ за перевозъ Шабалиновскій, которий онимъ утвержденъ, а родителю перевозу не имѣть на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ перевозъ. Служителямъ сукно роздано: Климу, Вѣжевскому, Петру и Янѣшевскому и по пол. 2 р., Алексѣямъ обоимъ, Тарасу, Демяну и Юску подлѣйшое сукно и по 40 а., да Александру персянину и хлопцеви рудому

сукна, хлопцеви полтину и Степану слѣпому габа. Приходилъ Заборовскій и говорилъ, что писаръ судовий Оболонскій, призивалъ его и наущалъ, чтобъ онъ далъ челобитте въ судъ, уступуючи матери своей претенсѣи на нашей п. Чарнишевой за сѣножать Потитиху, за котору она, мать его, претендуетъ около 4000 р. Отправлени Петро въ Новгородокъ за байдакомъ и вапномъ, а Алексѣй старий въ Ямполь за пивомъ.

Четвер. 4. День былъ холодний, хмарний съ жестокою метелицею снѣжною, отчего снѣгу доволно умножилось и покрило, а посля къ вечору мало не ввесь потаялъ, ночъ тиха, почасти свѣтла изъ морозомъ хорошимъ. Обѣдалъ я сегодня въ дому, а у вечеру ездилъ въ городъ до князя и позабавивши тамъ и увидѣвшись зъ новопріежджими Семеномъ Карпѣкою, артилерійнимъ асауломъ, зъ С.П.Бурху, да Иваномъ Кондратіевимъ зъ... (?) повернулся домой.

Пятокъ. 5. День былъ до полдня свѣтелъ, толко холоденъ, а посля хмаренъ, ночъ хмарна, холодна и вѣтряна, особливо къ свѣту зъ снѣжкомъ. Не ездилъ никуда, кромѣ церкви Веригинской. Уговорили рускихъ, захожихъ зъ губерніи Смоленской, первей человѣка 4-хъ, а посля пяти, въ работу, на мѣсяць человѣку по 50 к.

Субота. 6. День былъ хмарний, холодноватъ, зъ снѣгомъ. прориваючимся часто, и вияснился на время, ночъ такова жъ, къ свѣту зъ морозомъ и зъ снѣгомъ густимъ. Сегодня обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло и посидѣвши съ нимъ, отехалъ онъ на Бѣлополовку, где и живетъ.

Неделя. 7. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. Были рано у князя, а службы слухали у ст. Анастасіи и обѣдали у него и подпіяхомъ,

Понедел. 8. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ хмарніе, холодноватіе и снѣговіе. За 14 копѣекъ возъ сѣна купили.

Вовтор. 9. День былъ спервa хмарний и холодний, а посля свѣтолъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и не очинь холодна, а къ свѣту съ морозомъ. По службѣ Божой я ездилъ до Сваркова, где

приказалъ все виносить зъ великихъ будинковъ, а оніе до фундаменту розбирать. Да тамъ же видѣлъ, якъ плетѣнь около всего двора дѣлаютъ зъ острогомъ и уже коло недѣлѣ, якъ робятъ 4 человѣка рускихъ наемнихъ, за пашпартомъ покормежнимъ. Пріехавшого сюда зъ Сухонос. Паламаренка велѣлъ Климови отправить, а у его взять 26 р. за дойво взятихъ имъ, да Климу жъ приказялъ взять у его записъ, чтобъ доправить еще на немъ 24 р. зъ товаришемъ другимъ, хто съ нимъ продавалъ. Зъ Гойскимъ уговорился, что онъ видастъ въ Новгородку мнѣ 100 осмачовъ вапна, за 18 р., и уже 6 р. взялъ у мене задатку.

Середа. 10. День былъ напротивъ вчорайшого хмарний, холодний, дощеватъ. Ночъ такова жъ, яковъ и день, а къ свѣту и еще мокрѣйша. Зъ Крисіокъ пріехалъ коберникъ и привезлъ коберець новоробленний имъ, да привезлъ мнѣ табаку à la violette столпчикъ, да примѣчанія рускіе академіи С.П.Бургской. По сказкамъ пріѣховшымъ многихъ зъ С.П.Бургу, вѣдомо, что Галецкій Семенъ, сотникъ полковий Стародубовскій, пожалованъ именнимъ указомъ ея величества бунчучнимъ енераломъ, а сынъ его на его мѣсто сотникомъ. Дѣла наши малороссійскіе, которіе были по смерть гетманскую у коллегіи іностраннихъ дѣлъ, перенесени зъ оной коллегіе въ сенатъ, где малороссійскимъ дѣламъ особливая якоби имѣетъ бить контора.

Четвер. 11. День былъ хмарний, тихій, теплій къ веснѣ склонний, ночъ такъ же до половини была тепла, тиха, а посля хмарна, вѣтряна, холодна и мокра. Сегодня причащалисмося ст. тайнамъ въ церквѣ Чарнишевой, и никуда я не ездилъ

Пятокъ. 12. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний, ночъ тихшая и къ свѣту погодна. Князь разговаривалъ, что вѣдомости имѣются, что наши добули Гданской крѣпости Столцемберга.

Вел. субота. 13. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, ночъ таковажъ, а къ свѣту хмарна. Служби божой слухалъ у Чарнишевой церквѣ.

Воскресеніе X—во. Неделя. 14. День былъ хмаренъ и отчасти холоденъ, ночъ хмарна зъ великимъ дощикомъ и холодна. Были зъ ро-

для поздравленія у князя Шаховского, которого застали у церквѣ соборной на утренѣ, где не виходя и служби слухали, у его и обѣдали.

Понедел. 15. День былъ хмаренъ и свѣтелъ, почасти и тепловатъ, ночъ хмарна и вѣтряна. Сегодня были на службѣ у ст. Анастасіи и обѣдали у князя, и доволно просидѣли.

Вовтор. 16. День былъ хмаренъ, отъ болшой части холодноватъ зъ великимъ дощемъ и густимъ, отчего много води прибавилось, такова жъ и ночъ была, толко безъ дощу. Не ездилъ я никуда, обѣдалисмо всѣ въ дому, а род. у вечеру до князя ездилъ и скоро пріехалъ.

Середа. 17. День былъ почасти хмаренъ, а по болшой свѣтелъ и тепелъ, ночъ хмарна, вѣтряна зъ великимъ дощемъ и густимъ. Обѣдалъ сегодня у себе и съ нами Заборовскій зъ женою.

Четвер. 18. День былъ холодний, хмарний, осѣнному подобний, зъ великимъ дощемъ, отчего много води и грязѣ умножилось, къ вечеру мало випогодилось, а съ ночѣ знову дощъ, къ свѣту стало випогажуватись. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род. и никуда я для дожчу не ездилъ. Климъ Пѣщанскій для управленія господарства въ поля отправленъ и данъ ему приказъ пунктами.

Пятокъ. 19. День былъ почасти хмарний и почасти свѣтлій и между тимъ дожчъ, ночъ почасти жъ хмарна и почасти свѣтла. Сегодня обѣдалисмо у князя и при немъ ездили до Кишкина, Синявина и Мякинина.

Субота. 20. День былъ свѣтлій, мало вѣтрянъ, а однако жъ теплій, весняний и ночъ такова жъ. Сегодня въ дому обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ и тамъ приказавши въ станѣ станки позагорожувать, стелю у новихъ будинкахъ застелить и сходцѣ здѣлать, вернулся. Петро кухарь посланъ въ Новгородокъ за вапномъ и байдакомъ, отобрать сталное вапно отъ Гойского все, которого купили усего 100 осмачокъ по 18 копѣекъ осмачка, на что въ доплатку дани денги 18 р.

Неделя. 21. День былъ свѣтлій тихій, теплій, весняний, ночъ такова жъ. Не ездилисмо въ городъ зъ тимъ, что князь Шаховскій

поехалъ на охоту къ Путимлю. Служби слухали на Веригинѣ и обѣдали у себе, и съ нами п. Михайло.

Понедел. 22. День былъ израдний и ночъ веснание, свѣтліе, день зъ вѣтромъ толко. Рано зъ Глухова поехавши зъ п. Михайломъ, пріехали до Дунайця, где у его и обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали ко мнѣ въ Сварковъ и отсель передъ вечоромъ виехалъ онъ въ Глуховъ, а я тутъ заночевалъ, бо и жена сюда жъ пріехала. У первое до вороной нѣмецкой кобили припускали дриганта турецкого гнѣдого.

Вовтор. 23. День былъ израдний весняний, теплій, тихій, ночъ такова жъ, толко по сторонамъ хмарно, гримѣло и блискало. Сей день продновалъ я въ Сварковѣ и ночевалъ.

Середа. 24. День былъ хмарний, холодвий велми и вѣтряний, а особливо къ вечеру, ночъ такова жъ была. Рано до футора ездилъ зъ Сваркова и оттоль повернувшись обѣдалъ и ночевалъ у Сварковѣ.

Четвер. 25. День былъ же якъ и вчора хмарний, вѣтряний и холодний, ночъ тиха, свѣтла зъ морозцемъ, малимъ, острымъ, а къ свѣту вѣтеръ. Рано поехалъ зъ Сваркова и пріехалемъ въ Глуховъ рано; былъ у князя и обѣдалъ зъ род. п. Михайломъ и писаремъ печерскимъ Савѣцкимъ, оттоль пріехалъ съ п. Михайломъ и посидя играли у пѣкетъ. Черезъ печерскихъ пронеслася вѣсть, что наши войска израдний виграшъ имѣютъ надъ непріятелскими и яко бы запорожци приняти и присягали на вѣрность государинѣ... (?) и зъ новой Сѣчи на старую перейшли. Бяловскій, служитель швакгровъ моихъ п. п. Полуботковъ, сказивалъ, что якобы швакгеръ мой Яковъ Полуботокъ волею Божею въ походѣ нинѣшнемъ, между бунчуковимъ товариствомъ обрѣтавшійся, умре.

Пятокъ. 26. День былъ холодний, вѣтряний и хмарній, а посля къ вечору свѣтелъ и тихъ сталъ. Сегодня никуда я не ездилъ черезъ день, а у вечеру до швакгра своего Андрея Полуботка, пріехавшого ездилъ. Солгалось слава Богу, что будто швакгеръ мой Яковъ Полуботокъ преставился, а то сіе прійзійшло отъ помилки канцеллярисги, которий зъ енер. кріи пишучи позовъ до

швакгра Андрѣя, по челобитію Ланка, капитана, прописался и вмѣсто Григорія Журавки, Якова Полуботка написалъ, а того не дописалъ. Панѣкадило болшое, сребраное, покойной тіотки отдано въ Лавру Печерскую черезъ писара Савѣцкого.

Субота. 27. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а после мало вѣтрянъ, ночъ такожде тепла. Рано поехалъ я зъ Глухова на обѣдъ въ Сварковъ, где зъ женою и дочерю и обѣдалъ. По обѣдѣ здесь въ Сварковѣ розмѣрилъ новий будинокъ свой, которий мѣетъ при помощи Божой строитись; то совершивши, пріехалъ позно въ Глуховъ.

Неделя. 28. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, толко мало вѣтряни и хмарни. Ради коронацѣи ея величества подпіяхомъ зѣло у князя, а были отъ компанѣи: князь, Радищевъ, Кишкинъ, Синявинъ, порутчикъ гвардіи Остафѣевъ, родитель, маіоръ Іобъ, Кочубей, Павелъ Апостолъ, Михайло Скоропадскій, я, архимандритъ Онполскій, Волчанскій и проч.

Понедел. 29. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Сегодня после вчорайшого шуму еще подбраживъ за пріездомъ ко мнѣ швакгра моего Андрея Полуботка, а уснувши ездилъ въ гостѣ до Синявина, Радищева и Борзни, пріехавшого сюда вчора увечеру.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій, тихій и теплѣій еще отъ прежнихъ, а у вечеру хмаренъ зъ дощемъ, и въ ночѣ тако жь зъ громомъ и блискавицею, толко теплота била. Ездилъ рано до князя, а оттоль въ футоръ Калюжновскій, где сеей весни сими трома днями пашутъ всѣ поданніе мои, оттоль въ Сварковъ, где и обѣдалъ самъ. По учиненной будинку мѣрѣ, ровъ здѣлали, чтобъ подмуровать округи оний въ Сварковѣ.

М-цъ май. Середа. 1. День былъ свѣтлій, тихій и между тимъ мало вѣтрянъ и тепелъ, ночъ, тиха, свѣтла и тепла. Обѣдалисмо сами въ дому и съ нами швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ, а по обѣдѣ отехалъ онъ съ княземъ на охоту, зъ собаки, подъ Кролевець. Писалъ я до Петра въ Новгородокъ и 2 р. послалъ въ уплатку за судно и чтобъ онъ ехалъ зъ вапномъ и судномъ въ Погорѣловку.

Четвер. 2. День былъ еще теплѣйшій отъ вчорайшого, свѣтлий, тихій, ночъ такова жъ, а зъ половини хмарна зъ громомъ и блискавицею, толко зъ невеликимъ дощемъ. Ездилъ родитель и я и жена въ Сварковъ и обѣдали, а по обѣдѣ родитель отехалъ въ Глуховъ на ночъ, а мы заночевали.

Пятокъ. 3. День былъ сперва хмарний, толко теплій зъ дощемъ, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Сегодня зъ Сваркова поехалъ я, зъ Сваркова черезъ футоръ до Глухова.

Субота. 4. День билъ свѣтлій, теплій, а посля хмарний и вѣтряний зъ дощемъ невеликимъ, ночъ свѣта, тиха и тепла. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, и съ нами Якимъ Горленко для именинницѣ дочерѣ моей Пазѣ.

Неделя. 5. День былъ свѣтлій, теплій, почасти вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо у князя, а по обѣдѣ ездилъ я зъ Борзною и швакгромъ Полуботкомъ до Кочубея, до Борзни, до насъ и до п. Михайла Скор., и подпіяхомъ. У княжой квартерѣ читано писмо отъ Мойсѣя Левицкого, асаули полкового Нѣжинского, писанное до Хрущова, полковника Нѣжинского, зъ за Летичева, съ Подоля, зъ Полщѣ, въ якомъ обявляетъ, что потичка била козаковъ зъ ляхами и Галаганъ съ козаками виграли надъ ними, такъ что ляховъ убили на 500 человѣкъ и женучи кололи ихъ на 4 милѣ, а съ нашей сторони козаковъ убито 46 человѣкъ, полкового хоружого Прилуцкого наказного, да Петра сина Чосникового, кокорий самъ еденъ убилъ 29 человѣкъ, а тридцатий убитъ же отъ его, да и его, Петра, застрелилъ.

Понедел. 6. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтромъ, ночъ свѣтла, тиха и димновата почасти. Обѣдалисмо сегодня въ дому, а у вечеру поехалъ я въ Сварковъ, где и заночевалъ. Кухаръ Василець, зъ юнихъ лѣтъ служившій при дому родителскомъ, пянствомъ бавившійся, напившись пянъ, пораженъ епилепсѣею, издше, которого погребли при церквѣ Веригинской. Зъ Крисіокъ пріехали Крисковци и привезли дерева 28 и вапна осмачокъ 15 въ Сварковъ. Муровщики, сторживщіеся подмуровать округи фундаментъ

на будинокъ за 6 р., начали дѣлать работу свою. Цегелники, сторживщіеся цеглу палить 30000, дать 12 р. ржи четвертей 3, гороху путивокъ 5, соли фунт. 36, сала фунт. 36, олѣи кварть 12, руби вялой 90, горѣлки кварть 30, начали свою работу у Калюжновскомъ футорѣ. Петро съ Крисковцями пріехавшій въ Сварковъ для приняття оттоль горѣлки въ Погорѣловку въ байдакъ привезлъ вѣдомость, что зъ Крисіокъ тамошней горѣлки припровадилъ куфъ 17, а въ онихъ насатокъ 174.

Вовтор. 7. Дено былъ подобний вчорайшому израдной погоди и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалъ я у Хрипунова, маіора, ради крещенія дочери его, которой были воспріемниками: молодий князь Николай зъ княжною; оттоль пріехалъ домой. Рано въ Сварковъ пріехали подводи Крисковскіе и подняли горѣлку зъ Сваркова куфъ 26. Юско зъ Ромна пріехалъ и припроводилъ до дриданта кобилъ 4.

Середа. 4. День былъ и ночъ подобніе жъ вчорайшимъ, толко ночъ не безъ холоду. Сегодня рано биль я у князя и въ церквѣ ст. Анастасіи, а обѣдалъ у швакгра п. Андрѣя Полуботка, которий подарилъ мнѣ 6 гранатокъ кристалнихъ пуздромъ. Сребро въ монастиръ Гамалѣевскій чрезъ отца Мойсѣя отправили, а именно: ложокп срѣбнихъ 3 тузнѣ, коновокъ 4, пугаръ болшій зъ кришкою, меншихъ 5, подносъ, чарокъ 12, пукаликовъ 2, а въ нихъ ваги фунт. 20 и лот. 20, да лѣхтарей мѣднихъ 12,

Чутвер. 9. День и ночъ были подобніе прежнимъ, израдной погоди. Банкетъ былъ у Синявина, для его именинъ вчорайшихъ и мы зъ род. п. Михайломъ и Андреемъ Полуботкомъ подніяхомъ. Зъ Сваркова воловики забрали куеъ 5 до Тулиголовъ зъ горѣлкою.

Пятокъ. 10. День былъ и ночъ погоди израдной подобніе вчорайшимъ. Поехалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ Сварковъ, где и ночевалъ. Туда жъ пріехали Алексѣй служитель зъ деревомъ и на 5 возахъ вапна привезлъ зъ Погорѣловки, всего подводъ 10 оболонскихъ.

Субота. 11. День былъ израдной погоди и ночъ подобніе прежнимъ. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ въ Глу-

свои денги. Напрасно ты меня не послушалъ и не посылалъ въ Курскъ для подряду жита на винокуреніе, ибо въ Черниговѣ, какъ слышу, новины, тоестъ нѣнѣшняго времени жито, продается дорого, которого и купить весма трудно, и разною мѣлкою мѣрою, а вдругъ болшимъ числомъ купить онаго неможно и дорого. И такъ въ винокуреніи будетъ остановка, а паче для меня, ибо отсюдова послать жита и не имѣю толикого числа подводъ и въ молотьбѣ имѣю великую остановку, для того, что не одно жито, но и протчей хлѣбъ молотить надобно, а людей мало; тамошние мужики волости Любецкой всегда ходятъ въ разные степные мѣста для зароботку молотбою хлѣба, то весма бы хорошо было, ежели бы ты велѣлъ имъ не ходить встороны, а присылалъ бы ихъ сюда, ко мнѣ, для молотбы моего хлѣба, 12 и 15 человѣкъ, которые могли бы и здѣсь заробить себѣ хлѣба, ибо я даю такую мѣрочку за молотбу, какъ и другіе сторонние люди даютъ. Двѣ семьи, кои отправлены при подводахъ сюда на жителство, получены, а третей мужикъ вдовъ зъ дочерью, съ Хорошуномъ, на плитахъ прибылъ, которые здѣсъ будутъ поселены. Еще два писма отъ тебя полученные, одно, сентября отъ 11-го, а другое отъ 12-го числъ, на которые такъ же обявляю: указъ отъ преосвященного о освященіи церкви полученъ, за присылку которого весма я благодаренъ и прилагаю при семъ къ преосвященному писмо; а освященіе церкви положено, за благословеніемъ и помощію божиею, слѣдующого ноября 3-го числа. Подводы, посланные съ моею горѣлкою при твоемъ и г. Виткевича писмѣ ко мнѣ, еще не пріехали за превеликимъ бездорожьемъ и хутдобою лошадей, о которыхъ получилъ извѣстіе чрезъ пришедшого ко мнѣ мужика, что находятца въ Монастырицѣ [1]), вовсе устали, гдѣ такъ же и твои двѣ подводы, посланные съ вялою становою рибою и порожнею посудой, которая была послана тебѣ, съ медомъ, на которыхъ такъ же водка зимная и бутылка барбарисового сиропу, посланные отъ Александры Павловны, за которые покорно благодарствую; толко еще оныхъ не получилъ, а принужденъ отправить за тою горѣлкою, рибою и посудою зъ Гамалѣевки другие подводы, и твои двѣ подводы воловые велѣли отправить съ Монастырища обратно въ домъ, потому что они вовсе устали; и для того пшиницы, которой ты просишъ присилки, теперъ послать не на чемъ. По извѣстнымъ тебѣ дѣламъ, яко то съ Лашкевичемъ, по данномъ отъ тебя о збивки (?) позва прошенія и что потому послѣдовало, я

[1]) Мѣстечко Нѣжинск. уѣзда.

понынѣ никакого известия не имѣю, такъ же и о дѣлѣ имѣющемся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею и Фидрикевичемъ, что происходитъ не вѣдаю, и посылалъ ли ты повереннаго въ Сосницкій уездный судъ—для выслушанія извѣстного тебѣ опредѣленія и подпису на оном моего недоволства, въ силѣ Новгородскаго намѣстническаго правленія опредѣленія, и какъ еще дѣло есть для меня нужное, то поспѣшай, буди еще понынѣ не поехалъ, въ верхней земской судъ въ Новгородокъ послать апелляцею и напиши съ прошениемъ Ивану Яковлевичу, чтобы онъ здѣлалъ вспомоществованіе. А какъ скоро послана будетъ апеляция, то я, за полученіемъ извѣстия, и самъ къ нему напишу писмо. Еще мнѣ весма нужно потребно знать написанна ли апеляция на сенатъское рѣшеніе объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, и ежели еще и понынѣ не написана, то какъ можно старайся и проси оную написать, и прислать ко мнѣ чрезъ нарочного для подпису моего, дабы непремено отправить оную въ Санктпетербургъ въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, и отнюдъ не позже, чтобы Фидиркевичъ (sic) съ Силичемъ не смѣялись. Что же ты пишешъ о обявленіи тебѣ отъ Николая Михайловича Стороженка, что будто Лашкевичъ намѣренъ ѣхать ко мнѣ съ прозбой своею, то ежели сіе подлѣнно такъ, обяви Николая Михайловичу, чтобы онъ сказалъ Лашкевичу, что я ево вовсѣ не знаю и знать не намѣренъ, и чтобы онъ ко мнѣ не трудился ѣхать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ онъ принятъ такъ, какъ я былъ принятъ въ Смяче [1]) по милости тещи и Фидиркевича, а не инако; или о семъ самъ ему скажи. Пусть жена его проситъ своей бабушки и Фидиркевича, ежели хочетъ успокоится, чтобы теща исполнила свое обѣщание, о чемъ я отъ нее саморучнымъ писмомъ былъ обнаруженъ и раздѣлила имѣніе; однакъ, какъ видно, послѣ писмо ее осталось въ неправдѣ и есть во всемъ сему сущая ложъ и обманство. Такъ надобно сказать г. Стороженку или Лашкевичу, а ко мнѣ ему ѣхать незачѣмъ и не должно. Зъ приездомъ Антипа Крупянникова, уведомился я отъ него, что Степанъ Степановичъ Леонтивичъ умеръ, для того о семъ меня увѣдомь; приложенные при селъ писма къ преосвященному, Ивану Михайловичу Енке отъдай; а преосвященного попроси, чтобъ онъ здѣлалъ милость не велѣлъ мужика моего Гамалѣевского, котораго жена о разводѣ проситъ съ нимъ по законнымъ точно притчинамъ, требовать присылки въ дикастарію въ Черниговъ, ибо онъ свидетелствованъ докторомъ и

[1]) См. выше, стр. 65.

протопопомъ Лофицкимъ и нѣтъ ни малѣйшего сумнѣнія; въ противномъ же случаѣ, невинно будетъ обиженъ, потому что онъ бѣденъ человѣкъ, напрасно принужденъ будетъ итти пѣшкомъ, не имѣючи собственной своей подводы, и лишится чрезъ то своего домоводства и заработку, отъ котораго онъ пропитаніе свое имѣетъ. Преосвященный же безъ сумненія можетъ быть увѣреннымъ на посланномъ давно въ дикастерію зъ Лофицкой протопопіи рапортѣ, о чемъ и я тамъ же къ его преосвященству вѣрно и справедливо писалъ. Въ протчемъ пребываю... 24 октября, 1790 г. Гамалѣевка.

7. Любезній сину мой Григорій. Писмо твое съ Чернигова, пущенное сего ноября отъ 5-го, получилъ я сего жъ мѣсяца 14-го числа, чрезъ Николая Звонка, и приложенные при ономъ копію рѣшенія Черниговскаго верхняго земского суда 2-го департамента, по извѣстному тебѣ моему иску на тещу мою и брата ея Фидиркевича за учиненную мнѣ отъ нихъ тяжкую обиду и безъчестіе, и также копію позва, даннаго изъ уезднаго Городницкого суда, въ которомъ требуется явки моей или повѣренного моего для выслушанія онаго рѣшенія сего ноября на 25 число, я получилъ и какъ я онымъ рѣшеніемъ недоволенъ 1), что онымъ приговоромъ верхней земскій судъ опредѣлилъ заплатить мнѣ безчестіе по иску моему совмѣстно тещи моей съ Фидиркевичемъ, то есть пополамъ; какъ же безъчестіе мнѣ послѣдовало отъ двохъ домовъ и лицъ, вопервыхъ, отъ тещи моей, а вѣдругое, отъ брата ея Фидиркевича, то и слѣдуетъ, по справедливымъ моимъ доказателствамъ, въ чемъ я взялся и на присягу, платить безъчестіе тещи моей и брату ея Фидиркевичу не совмѣстно; 2), оной вѣрхней земской судъ по апеляціоной моей жалобѣ ни по 21 артикулу воинскаго устава, ниже по статуту, роздѣла 3-го артикула, 27-го, онымъ моимъ обидчикомъ заключения или же вежи не приговорилъ съ моею обидой. Для того по краткости срока, то есть 25-го числа сего ноября, на подачу апеляціи въ гражданскую палату на показанное рѣшеніе со всякимъ поспѣшеніемъ, я нималѣйше не удерживая нарочного отъ тебя присланного, отправляю съ тѣмъ, чтобы, какъ можно, пожалуй, постарайся, поговори съ Андреемъ Степановичемъ, Иваномъ Якимовичемъ и изъ другими своими пріятелями, заразъ подавай апеляцію въ гражданскую палату, дабы по крайней мѣрѣ за три дни предъ срокомъ была подана, ежели скорѣе не успѣешъ, и по учрежденію исполни надлежащій обрядъ. Итакъ, потщись непременно исполнить. Чтожъ ты пишешъ о мирѣ то ежели оной во всемъ на томъ точно основаніи учиненъ будетъ, каковъ былъ дого-

воръ прежде изъвѣстной тебѣ, чтобы дать тебѣ село Полуботки, то на томъ договорѣ можешъ ты и мирьъ заключить, съ тещею и Фидиркевичемъ, но однакожъ послѣ подачи апеляціи въ гражданскую палату, а отнюдь не прежде, дабы мнѣ чрезъ потсудные дѣла болше безчестия на претерпѣть, ежели судъ или палата гражданская приговоритъ тещи и Фидеркевичу вѣжу [1]), то я онымъ въ такомъ случаѣ и приговореннымъ нынѣ верхнимъ земскимъ судомъ безъчестіемъ доволенъ бы былъ. А до присяги тещу и брата ея Фидиркевича въ точныхъ обстоятельствахъ и силѣ, по словамъ сказаннымъ въ судномъ производствѣ отъ повѣренного моего Гроховскаго, въ чомъ я брался на присягу, въ томъ точно, ежели пожелаютъ и не откажутся, повести ихъ къ присягѣ, за помощью сердцевѣдца Бога, не отказываюсь. Впротчемъ, что касается до дѣла на рѣшеніе Сосницкого уѣздного суда, то поступай такъ, какъ ты ко мнѣ пишешъ и какъ можно старайся, дабы оное безъ замедлѣнія было рѣшено, ибо въ ономъ рѣшеніи весма важный пунктъ состоитъ по дѣлу съ Лашкевичемъ, о которомъ ты и самъ знаешъ. На протчее же, о чемъ ты ко мнѣ пишешъ, къ тебѣ, равно и къ преосвященному, я особливо чрезъ почту писать буду и пребываю прочемъ... Ноября 15-го дня, 1790 г. Гамалѣевка.

8. Любезній сину мой Григорій! За помощіею божіею новопостроенная церковъ уже освящена, по церковному чиноположенію, сего ноября 3-го числа. При семъ тебѣ отъ церкви божіей посылаю на благословеніе двѣ иконы, одна—совѣтъ предвѣчный пресв. Троицы, а другая—Христа, благословящого пять хлѣбовъ, которой да благословитъ тебя съ женою и дѣтми въ домѣ вашемъ хлѣбомъ и пшеницею и всякимъ благимъ совершеннымъ даяніемъ, отъ его превысочайшихъ и неизреченныхъ божественныхъ даровъ всегда и всегда. Надъ бывшимъ экономомъ Куриловымъ щотъ оконченъ и что явилось нанемъ на чоту денегъ, онъ меня удоволствовалъ, а протчее я ему подарилъ, и сего ноября 21-го числа отъехалъ онъ въ домъ тестя своего, въ село Пѣски. Онъ сказывалъ мнѣ, что на сихъ дняхъ поедетъ въ Бучки по надобности въ твоей въ экономіи. Я тебѣ совѣтую его договорить контрактомъ, ибо онъ потребенъ, особливо же для лошадиного заводу. Я надѣюсь, что у тебя есть любецкихъ озеръ сыропросолная щука риба, и рижики я слыхалъ, что сей осени родили; для того пришли ко мнѣ на постъ щуки сыропросолной двѣ ма-

[1]) Т. е. личный арестъ.

зирки да рыжиковъ двѣ кадушки (?) которой для меня надовго будетъ. На той же подводѣ, на которой привезется риба и рижики, я пришлю тебѣ пшеницы, ибо по нуждѣ подводъ и такъ же по бездорожью я не могълъ по сю по пору прислать тебѣ оной. Присланная отъ Александры Павловны зилная (?) водка, за которую я прежде и теперъ благодарю, сошла, и ежели еще есть оная, прошу прислать. Податель сего коллежской регистраторъ Тимофей Ивановичъ Глинской, по окончаніи щота при семъ отъ меня отправленъ въ Черниговъ, чрезъ котораго посылаю тебѣ коверъ болшой покойной матушки твоей, а другой поменше того, оставленъ здесь. И также при немъ отправленъ къ тебѣ служитель твой Спепанъ Чорноштаненко, которой было отъ тебя бѣжалъ, а послѣ самъ возвратился, и пришолъ въ хуторъ, коего ты можешъ опредѣлить попрежнему на конюшню, а мнѣ онъ не подобенъ. Здѣсь ему новые сапоги и рубашка одна пошиты. Мнѣ весма потребенъ человѣкъ, которого бъ могълъ я опредѣлить къ Рашевскимъ мелницамъ мѣрнымъ, для приему розмѣрового хлѣба и смотренія мелницъ. Антипъ Крупянниковъ сказывалъ мнѣ, что къ такой должности способенъ мужикъ Радковскій Алексѣй Пучинецъ, которой прежде былъ въ Любичѣ при Покровской церкви паламаремъ, а нынѣ живетъ онъ въ Любичѣ; для того пришли его ко мнѣ съ женою и дѣтли, ибо тебѣ въ немъ тамъ нужды никакой нѣтъ. Я предъ симъ писалъ къ тебѣ, чтобы ты прислалъ ко мнѣ мужиковъ пѣшихъ молотниковъ для молотбы моего хлѣба 12-ти человѣкъ съ одними цѣпами, которые всегда ходятъ въ чужие стороны для заработку хлѣба; я же особливо, имѣя нужду въ соломѣ для корму въ нынѣшней зимѣ скота, чтобы скорѣе перемолотить, и корму приготовить, то и пришли мнѣ сихъ людей, кои и здѣсь могутъ заробить себѣ хлѣба, ибо я даю своимъ, такъ какъ и чужие люди, здѣсь получаютъ на вымолотъ семой четверычокъ хлѣба. При семъ прилагаю писма, одно къ преосвященному, а другое къ Ивану Михайловичу Енке [1]) и притомъ посылаю подлѣжащие ему зъ мена по присланному щету денги всего 11 руб. 96 коп. въ 10-ть рублей осигнаціею въ писмѣ запечатанные к нему Енке, а послѣдной мѣдною монетой 1 р. 96 коп. поручены Маковцу, которое писмо, равно и денги принявши у Маковца, отправъ чрезъ моего человѣка. Прошедшей зимы, едучи я съ Чернигова въ Гамалѣевку на колесахъ, всѣ свои сани оставилъ въ Черниговѣ, въ приезжомъ домѣ, именно:

[1]) Т. е. Енькѣ.

одни покрытые кожею, подложенные краснымъ сукномъ, съ кожанымъ хвартухомъ, съ оглоблями и зъ двумя пристяжками вѣровчаными, обшитыми кожею, другие покритые кожею жъ съ фартухомъ и подложеные въ срединѣ пестрою [1]) и такъ же съ оглоблями и изъ двумя пристяжками, конопляными, вѣровчаными, да три кибитки, покрытые ценовками, съ оглоблями, которые всѣ отданы въ Черниговѣ въ смотрѣніе Семену Шапочнику и поставлены въ сараѣ, а шестые сани городские, съ оглоблями, обшитые краснымъ сукномъ, съ подушкою. И какъ я здѣсь саней для поѣздки санною дорогою вовсе не имѣю и ничемъ крайнѣ выехать, для того пришли ко мнѣ вышепомянутые пять саней, а шестые сани городские оставь у себя для ѣзды тебѣ въ Черниговѣ. Подводы тѣ, кои привезутъ сани сюда могутъ привести тебѣ отсель овесъ, покупаемый въ Лофицѣ почталіономъ Анастасьевымъ. Давно я послалъ часы мои столовые въ Черниговъ часовому мастеру для починки, но толко оныхъ и по нынѣ не получилъ, ни звѣстия объ нихъ не имѣю; такъ же и карманные часы я послалъ черезъ тебя, то и сихъ понынѣ нѣтъ; для того оные обое часы пришли ко мнѣ чрезъ сего мужика, которой Глинского отсель отвезъ, и вели ихъ завернувши хорошо въ лубяную коробку ту, въ которой отъ меня оные отправлены, а коробку связать и запечатать. Такъ же посылаю въ коробкѣ еще одни часы зазюлю [2]) въ которыхъ зделалась небольшая порча непорядочно кричитъ; то и сіи часы отдай мастеру и попроси, чтобы онъ зарѣзъ починилъ, и что ему за труда надлѣжитъ, заплати на мой щотъ, ибо здѣсь некому вовсе отдать починить; безъ часовъ же въ деревнѣ весма худо; и за починкою пришли оные ко мнѣ безъ замедлѣнія. Жителствующая въ Черниговѣ прачка Катерина Василѣвская пишетъ ко мнѣ, что за обученіе учившейся у нея девки Агафіи, которая отдана Александрѣ Павловнѣ, по договору моему съ нею, не получила она муки житной 5 четверичковъ, крупъ гречанныхъ 2 четверичковъ, сала свиного и соли по одному пуду, да олеи конопляной 1 ведро, а какъ она того подлѣно отъ меня не получила, то и надлежитъ ей отдать показанную провизію, ибо она будучи бѣдна, единственно зъ своихъ трудовъ пропитаніе имѣетъ, то и прикажи сію провизію отдать ей. Еще я имѣю немалую нужду для дворового расходу въ добромъ догтю, то прикажи мужику Семену Масановцю купить на мой щотъ догтю доброго хорошого одну бочку

---

[1]) Полотно, крашеное узорами.

[2]) Вѣроятно—съ зозулею, т. е. съ кукушкою.

въ 20 вед. и такъ же прикажи изъ Любецкого рибного стану собираемого рибного ряжу (икра?) прислать мнѣ одно вѣдро, ибо и оной здѣсь мнѣ потребенъ. Пріятеля моего и духовного отца протопопы Кошаревского сынъ почмейстеръ Роменской подалъ тебѣ въ почтамтъ прошеніе о прибавки ему, по представленнымъ резонамъ, жалованья и проситъ, чтобъ представлено было о семъ въ главное почтовыхъ дѣлъ правленіе, для того не оставъ, пожалуй, учинить сего представленія, а тамо въ Петербургѣ братъ его находящейся о семъ же, кого надобно попроситъ. Въ прочемъ пребываю... 30 ноября, 1790 года. Гамалѣевка.

9. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое отъ 20-го числа сего мѣсяца, чрезъ Звонка, съ приложеніемъ при ономъ разныхъ бумагъ въ связкахъ, имяно: въ 1, апеляціонное прошеніе и при немъ чистой гербовой листъ бумаги, для подпису моего на бланкетѣ и для написанія на оном вѣрующаго листа, я получилъ сего декабря 23 числа, сполдня въ 9 часу, и оное апеляціонное прошеніе за подписомъ моимъ, такъ же гербовой бумаги чистой листъ, для написанія на оном вѣрующого листа, за подписомъ же и печатью, при семъ прилагаю; а Звонка безъ и малѣйшаго замедлѣнія я зъ симъ писмомъ отправилъ къ тебѣ на другой день, тоесть 24 числа рано, дабы онъ къ тебѣ могъ пріехать самоскорѣйше. Ты же старайся, какъ можно скорѣе отправить оную апеляцію въ С.Петербургъ надлѣжащимъ порядкомъ, ибо кончится указной срокъ апеляціи будущого 1791 года, генваря 31-го числа, и дабы, не дай Богъ, непотерять сроку. А чрезъ кого и какимъ порядкомъ подавать оную, то ты поступи, такъ какъ самъ знаешъ, посовѣтовавшись съ пріятелями, ибо я таковыхъ подачъ не подавалъ и знать не могу, а потомъ пиши къ господамъ съ прошеніемъ—графу Александру Андреевичу, Петру Васильевичу (Завадовскому) и Осипу Степановичу Суденкову, и къ господину Трощинскому, чтобы они учинили милость въспомоществованіе, дабы оная апеляція послѣ подачи приняла надлежащее свое дѣйствіе; чтожъ касается до другихъ двухъ связокъ бумагъ, одной касающейся до иску Лашкевичового и апеляціи на Сосницкой уездной судъ, а другой по дѣлу, находящемуся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею моею и братомъ ея Фидиркевичемъ, за учиненное мнѣ безчестіе, то я оныхъ бумагъ и за скорымъ отправленіемъ Звонка, не могъ разъсмотрѣть и прочитать, а послѣ разъсмотревши, о чемъ надлѣжитъ къ тебѣ писать буду чрезъ почту. Касателно жъ до купца, которой хотитъ покупать у тебя мачтовое древо, о чемъ мнѣ сказывалъ Звонокъ словесно, то вся

сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ вырубкѣ мачтового дерева не было отнюдь никакого браку, ибо я преже сего, незнавши силы въ продажѣ мачтоваго дерева, по вырубкѣ оного получилъ великій убытокъ, да и того, что послѣ вырубки явилось 21 дерево неспособное на машты, которе я по договору принялъ себѣ, а за вырубку съ каждого дерева получилъ толко по 1 рублю; а договоръ надобно дѣлать непремѣно таковъ, чтобы никакого браку не было, а сколко дерева порубитъ мачтового, годное ли оное будетъ или негодное на мачты, долженъ онъ за всякое заплатить по договоренной цѣнѣ, и сколко мачтового дерева по вырубкѣ такъ и при вывозкѣ оного съ пущи испортитъ и поламаетъ протчего разного дерева числомъ, долженъ онъ заплатить за каждое дерево по рублю, и тое испорченное и поломленное дерево должно оставаться при тебѣ, и если контрактъ надлѣжитъ дѣлать урядовой, а покупщикъ мачтового древа, ежели онъ покупаетъ не собственно отъ себя, но имѣетъ на то повѣреніе отъ кого либо, то долженъ оное имѣть токже урядовое и вѣроятное свидѣтелство, а до вырубки дерева долженъ онъ дать тебѣ въ задатокъ третую часть или половину; послѣдние же денги повиненъ онъ отдать по вырубкѣ всего дерева, которое рубить долженъ онъ при твоемъ повѣренномъ, дабы лишняго дерева сверхъ договору не могъ вырубить. Какъ скоро будетъ санная дорога, я бы весма былъ радъ, чтобы Иванъ Якимовичъ пожаловалъ приехать ко мнѣ съ тобою, на малое время. Притомъ пребываю... 23 декабря, 1790 г. Гамалѣевка.

10. Любезній сину мой Григорій! Послѣ отъправленія къ тебѣ Звонка, читалъ я отводъ, поданной отъ стороны твоей чрезъ повѣреннаго въ Черниговской уездной судъ по иску Лашкевичевому, въ которомъ усмотрѣлъ я, что пропущено сказать во ономъ два пункта: первый, что я нынѣшнюю жену Лашкевичеву, бывшую еще въ дѣвкахъ, въ Смячѣ, предъ тимъ временемъ, когда она отъ меня ушла и спряталась, приглашалъ, дабы она пріездила ко мнѣ и матернимъ имѣніемъ раздѣлилась съ тобою при бытности моей, а послѣ того въ скорѣ и ты къ ней писалъ, чтобы она пріездила ко мнѣ для разъдѣлу между вами онаго имѣнія, но она ни на мое приглашеніе, ни на твое писмо не согласилась и пріехать поупрямилась и не захотѣла; а потомъ въ уездномъ Сосницкомъ судѣ меня обжаловала, противъ совѣсти своей, будто-бы я ради покорыстованія имѣніемъ, не отдавалъ оного въ разделъ, вовсѣ ненадлѣжаще и несправедливо и въ томъ я взялся на мою совѣсть; второй, въ вѣновномъ листу, при женитьбѣ моей на умершей твоей матери, написалъ я, что послѣ

роздѣлу имѣніемъ моимъ отческимъ съ братьями моими родными, записую или уступаю третую часть за вино; которого нынѣ весма домагается Лашкевичъ, какъ изъ доказательства его видно, что того третой части имѣется за жизни жены моей, а твоей матери, и по смерти ея, какъ написано въ вѣновномъ листу послѣ раздѣла оного съ братіями моими, я не выдѣлялъ и женѣ моей не отдавалъ, и она не потребовала по смертъ свою и по смерти ея никто другой, чему уже прошло болше двадцати лѣтъ, то естъ двухъ давностей земскихъ, а послѣ узаконеній никакой важности и силы оной вѣновной записъ не имѣетъ чрезъ потерянне права; и сіи оба пункта написаны были въ отводѣ моемъ, который писанъ въ Батуринѣ извѣстнымъ тебѣ человѣкомъ, и весма напрасно пропущены ибо оные имѣютъ свою силу и нужно потребны для написанія въ отводѣ, и какъ немалая важность дѣла состоитъ въ уничтоженіи Сосницкого уездного суда опредѣленія о выходѣ въ замужество, которое учинено въ непринадлежащемъ до ихъ суда въ силѣ высочайшого учрежденія мѣстѣ, и безъ моего отвѣта, о чемъ обстоятелно въ прошеніи моемъ, поданномъ въ Новгородскосѣверское намѣстническое правленіе, показано, то ты всѣми силами старайся и проси въ гражданской тамошнѣй палатѣ, дабы верхняго земскаго Новгородъсѣверского суда рѣшеніе было опровержено, яко незаконо и пристрастно учиненое на великую мнѣ обиду и по важности сего дѣла непремѣнно самъ поезжай и проси ни на кого не полагаясь и проси, кого ты самъ знаешъ, особливо же Ивана Яковлевича, которой знаетъ обстоятелно всю мою тяжкую обиду. Еще я писалъ тебѣ и Ивану Михайловичу Енкѣ, отъ 3-го минувшого декабря, чрезъ почту, о покупкѣ для надобности церковной золотой сѣтки въ 32 аршина и присылкѣ оной ко мнѣ черезъ почту жъ, но толко и по нынѣ ни сѣтки, ни извѣстія объ оной неимѣю. Для того вторично прилагаю при семъ къ Ивану Михайловичу писмо о покупкѣ той сѣтки, которую получивши отъ Ивана Михайловича, пришли безъ замедлѣнія ко мнѣ. Да еще писалъ я чрезъ Звонка къ тебѣ о присылкѣ калѣндаря московского или петербургского на сей годъ, въ которомъ я нужду имѣю, и здѣсъ оного достать и купить вовсе нигдѣ, то такой калѣндарь пришли такъже. Притомъ (на?) наступившей сей новый годъ съ усердія моего желаю тебѣ, съ женою и дѣтми, да благословитъ Богъ во всякомъ здравіи и благополучіи провождать и пребывать... Генваря 3 дня, 1791 года. Гамалѣевка.

11. Любезній сину мой Григорій! За приездомъ твоимъ изъ Петербурга, получилъ я писмо отъ его сіятелства графа Александра Андреевича, также отъ братца Андрея Степановича и отъ тебе, сего сентября 28-го числа, будучи въ хуторѣ, чрезъ г. Самойловского. Касателно до примѣренія въ дѣлахъ съ дочерью моею, съ тещою и братомъ ея Фидиркевичемъ по совѣту его сіятелства равно и братца Андрея Степановича, я принужденъ согласится въ разсужденіи разныхъ обстоятелствъ и затруднѣній, для того и присланные отъ тебя двѣ прошеніи, одно въ правителствующій сенатъ съ вѣрующимъ листомъ, а другое въ уездній Городницкій судъ, съ вѣрующимъ же открытимъ листомъ, на имя Андрея Степановича, а особо тѣхъ вѣрующій-же отъкритій листъ по дѣламъ съ тещою моею и братомъ ея Фридиркевичемъ, на имя жъ Андрея Степановича, которія всѣ приложенія я подписалъ и при семъ чрезъ его жъ г. Самойловского къ тебѣ посилаются, но притомъ совѣтую тебѣ роздѣлку учинить на томъ основаніо и такъ точно, какъ прежде сего до начатия споровъ и тяжебъ положено было и тебѣ есть извѣстно зъ согласіемъ всѣхъ сторонъ, то естъ бабы твоей, сестри, Николая Михайловича Стороженка и твоего, и въ томъ писменное условые учинено за подписомъ и печатью всѣхъ васъ, именно жъ, чтобъ имѣніе матери твоей оставалось за тобой все, такъ какъ я въ опекѣ содержалъ, а сверхъ того деревню Полуботки отъдать тебѣ въ разъсужденіи тамошняго хлѣбопашества, которого въ волости Любецкой не имѣется, къ тому жъ оная деревня близъ города Чернигова для тебя способная; сестрѣ же твоей въмѣсто того отъдать деревнѣ и съ протчіими угодіями изъ числа немалого имѣнія, которымъ владѣетъ баба твоя, напротивъ же того въ ономъ тебѣ участія не имѣть кромѣ деревни Полуботокъ; о чемъ я такъже писалъ къ братцу Андрею Степановичу, а о семъ я тебѣ для того пишу, что ежели ты согласисся мѣстечко Любечъ дѣлится пополамъ, то посему будетъ всегдашвіе разные споры, жалобы, а отъ того и безпокойства, то черезъ прикажчиковъ, то черезъ людей, когда будетъ въ ономъ два владѣлца, что я дѣйствительно примѣтилъ въ многихъ владѣніяхъ, и не будешъ имѣть покоя никогда, а зъ нынѣшними владѣлцами особливо же. О минкахъ споръ разрѣшится, какъ скоро рѣшится дѣло въ сенатѣ по апеляціи моей и будешъ спокоенъ, а хлѣбопашество будешъ имѣть въ Полуботкахъ въ прибавокъ къ Любецкому хлѣбопашеству, какое тамъ имѣется и будешъ доволенъ для того, что какое бы хлѣбопашество ни было не можно обойтится безъ покупки хлѣба для винокуренія. Притомъ будь весма остороженъ при

подачи мировой прозьбы въ Городоницкій уездный судъ, смотры прилѣжно, чтобъ всѣ обстоятелства и отъ всѣхъ сторонъ въ мировыхъ здѣлкахъ написаны были, и особливо отъ дочери моей, чтобы она во всемъ призналась покаяніемъ также отъ тещи и Фридиркевича, ибо со стороны моей ничего не пропущено и весма изъяснено все къ ползѣ ихъ и сіи мировіе здѣлки тогда подать, когда дочь моя, теща и Фридиркевичъ подадуть отъ себя мировіе-жъ, а не прежде, ибо я не вѣрю, знавши доволно Фридиркевича и тещу, а послѣ того и въ Пѣтербургѣ къ подачи въ сенатъ отправить можешъ, что все обяви также Андрею Степановичу. Въ протчемъ пребываю... Сентября 28 дня, 1791 г. Гамалѣевка.

Какъ въ мировыхъ прошеніяхъ написано о раздѣлѣ имѣнія только того, которое по матери вашей наслѣдственно принадлежитъ, для того вилнуй ты сего, чтобъ объ моемъ всемъ имѣніи никакого упоминку ни малѣйше не было, при подачи мировыхъ отъ обоихъ сторонъ, ибо я о семъ ни почему и ни для чево никогда не соглашуся и не согласенъ. За присланный шнурокъ съ кисточками также и пугвицы присемъ посылаю шмуклиру пять рублей денегъ.

12. Любезный сину мой Григорій! Писмо твое минувшого марта отъ 20-го, съ Чернигова, я того жъ марта 28-го числа, получилъ съ приложеніемъ копій съ учиненной бабою твоею духовной на недвижимое имѣніе ею владѣемое и усмотрелъ, какъ она по фалъшивой и безъзаконной уступки онымъ имѣніемъ ненадлежаще владѣла и владѣетъ такимъ порядкомъ и духовной своею росписала, съ совѣтомъ единоутробного братца своего, ни Бога, ни души, ни совѣсти не имущого, злого человѣка, вовси беззаконно и съ великою тебѣ обидою. Вомѣсто того, что баба твоя съ своими братцами и родственниками похитивши чужое добро, которое она разорила, а доходами ползовалися братья еѣ и родственники, слѣдовало бы ей лишится безъзаконного своего влалѣнія, то напротивъ того она тебя лишила, законного наслѣдника Полуботковому имѣнію, безъстыднымъ и безъсовѣстнымъ образомъ угождая злобѣ брата своего, за то единственно, что оны не моглы тебя възбунтоватъ востаты противъ отца своего, такъ какъ учинила твоя сестра, и что ты вступаешся и помогаешъ въ тяжкой и несносной учиненной отъ ныхъ отцу твоему обидѣ. Сіи всѣ и протчіе обстоятелства, основанные и послѣдовавшіе противъ закона божественного и гражданского, не могутъ устоятъ на своей неправдѣ, но за помощію сердцевидца Бога праведнымъ судомъ будутъ разрѣшенны и опровержены. И такъ ты нынѣ неоспоримо законный и

справедлывый резонъ имѣешъ вступится за себя протывъ возставшихъ на тебя и на востающихъ на тебя! Господь Богъ да будетъ помощникъ и поборникъ, всегда и всегда. Аминь. Теперъ тебѣ надобно заразъ, неупуская ни малѣйшого времени, помолясь Богу, съ его помощію, подать искъ на свою бабу съ опроверженіемъ извѣстной тебѣ уступки и надобно заразъ ехать у Батуринъ къ извѣстному тебѣ человѣку, показать ему уступку и всѣ обстоятельства и фалшивости, до нея принадлежащія и словесно поговорить также показать ему и духовную бабой твоею учиненную и просить у его совѣта и наставленія, и чтобы написалъ исковую жалобу, которую съ совѣтомъ также другихъ твоихъ пріятелей подать въ уѣздный судъ, однакъ не въ Городницкій, но въ Черниговскій, ибо въ Городницкомъ судѣ судья корнетъ Яковъ Лизогубъ, съ которимъ я имѣлъ за Гунковку дѣло, а сверхъ того и мало знающій законовъ и судного порядку, а засѣдатель Лисенко дурной совѣсти человѣкъ; въ уездномъ же Черниговскомъ судѣ будетъ тебѣ способнѣе, и имѣніе находится, о которомъ какъ слѣдуетъ. У меня же какія бумаги были и примѣчанія, какихъ ты нынѣ требуешъ въ разсужденіи подложной уступки, то я всѣ тебѣ отдалъ въ бытность твою у меня у Гамалѣевки; а нынѣ при семъ прилагаю давно выписанные права изъ статута и уложенія, а притомъ спросися у гражданской палатѣ гдѣ находится подлинное дѣло въ оной бывшее и рѣшенное съ расколниками; въ томъ дѣлѣ имѣется подлѣнная выпись, данная мнѣ исъ духовной Черниговской дикастеріи въ минувшемъ 786 году, ноября 2 дня, въ которой написано, когда твоя матушка замужъ вышла и умерла, съ которой попроситъ справочной копіи, гдѣ видное доказателство, что она давности десятолѣтной объ отисканіи наслѣдственного еѣ имѣнія, по виходѣ замужъ по смерть не промолчала. До выходу же въ замужье никакимъ образомъ будучи дѣвицею искать не могла: потому что она была въ родной своей матери въ опеки, въ которой она и въ власти и въ домѣ еѣ жила. Сіе примѣчаніе тебѣ весма нужное, что противнаи сторона будетъ всячески защищать уступку, кромѣ протчихъ всѣхъ несправливыхъ своихъ резономъ, и давностію земскою, и сей резонъ они имѣютъ наиважнѣйшимъ, которой они доказать не могутъ. Чтожъ касается до тебя, то ты родился въ 1765 году, генваря 28-го числа, въ наукахъ былъ, съ проѣздомъ въ чужой землѣ, чрезъ восемъ лѣтъ и по сылѣ имяного указа отъ совершеннолѣтства своего и за исключеніемъ по статутовому праву восьми лѣтъ бытности твоей у наукахъ, давности земской десятилѣтней ты не потерялъ, о чемъ всемъ ты можешъ раз-

смотрѣть и съ совѣтомъ своихъ пріятелей. При семъ прилагаю тебѣ для всякого случая и надобности подлѣнный пашпортъ фельдмаршала графа Румянцова Задунайского, данный тебѣ на отъездъ въ Кенизберхъ, 1778-го года марта 20-го числа, по которому ты отъехалъ того жъ году мая 18-го числа исъ Боровичъ. И какъ скоро подаси искъ, то тотчасъ увѣдомъ меня, а ежели между тѣмъ будешъ имѣтъ время, чтобъ пріехатъ ко мнѣ на малое время повидатся, то бы весма было хорошо. Что касается до отправленія жеребцовъ у Бучки и о тамошне припускѣ, о которомъ я писалъ съ наставленіемъ до тамошняго прикажчика Калѣновскаго, то о семъ тебѣ обстоятелно скажетъ словесно Николай Звонокъ; жеребцовъ же я отправилъ у Бучки двохъ: вороного Яничара и гнѣдого Арнаута, а Глаза не посылалъ по причинѣ извѣстной тебѣ его болѣзни, по которой хотя бы и не хотѣлъ, однакъ намѣренъ продать. Въ протчемъ пребываю.... 2 априля, 1791 года. С. Гамалѣевка.

Письма къ Григорію Петровичу Милорадовичу.

13. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Худое состояніе здоровья моего, въ которомъ я нахожусь съ іюля мѣсяца, вытерпѣвъ между тѣмъ тринадцать уже самыхъ мучителнѣйшихъ операцій, причиною, что я долго не писалъ къ вамъ и на многіе ваши письма не отвѣчалъ. Теперь хотя, также еще нездоровъ и лежа въ постелѣ принужденъ писать, однакожъ не хотѣлъ оставить, чтобъ не принестъ вамъ искреннѣйшія благодарности, во первыхъ, за дружеское стараніе къ полезному окончанію извѣстнаго моего дѣла; а во вторыхъ, за участіе, пріемлемое вами по случаю перемѣны чина моего. Дай Богъ, чтобъ я тѣмъ и васъ вскорѣ поздравить имѣлъ удовольствіе. Въ разсужденіи пособія надобностямъ почтамта, вами управляемаго, я всевозможно прилагаю стараніе выполнять представленія ваши, такъ какъ въ числѣ оныхъ и о прибавкѣ чинамъ онаго жалованья. Тутъ включенъ одинъ регистраторъ Кодацкой, который есть подноситель сего письма, и я рекомендую его въ вашу милость, желая чтобъ со временемъ могъ онъ гдѣ либо застуиить мѣсто почтмейстера, когда къ дѣламъ навычку здѣлаетъ. Болѣе писать слабость здоровія воспрещаетъ. Прощайте! желаю вамъ всякаго благополучія и пребываю съ нелестною дружбою и искреннимъ почтеніемъ вашъ покорный слуга Дмитрій Трощинскій. P. S. Обѣщаніе ваше въ раз-

сужденіи извѣстнаго реестра вещей—предано забвенію, хотя вы и въ самомъ первомъ ко мнѣ письмѣ оно подтвердили. Октября 29, 1790 г. С.-Пб.

14. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Несравнено пріятнѣе мнѣ было отвѣчать на всѣ дружескіе письма ваши порознь, такъ такъ я ихъ отъ васъ получаю, нежели извиняться, отвѣчая вдругъ на многія; и извиненіе предъ другимъ было бы для меня затруднительнѣе, но вы, м. г. мой, довольно зная мое обыкновенное положеніе и прибавя къ тому еще настоящія здѣшнія обстоятельствы, тѣмъ удобнѣе можете меня оправдать.

Я начну непріятною для васъ матеріею, т. е. по дѣлу вашему съ Силичемъ въ сенатѣ; оно еще въ бытность вашу здѣсь испорчено было до такой степени, что по употребленіи всѣхъ возможныхъ отъ меня испытаній, кажется уже вовся нельзя его исправить, ни перемѣнить здѣланнаго въ пользу соперника вашего приговора, кромѣ того, что на нѣкоторое время удержится его исполненіе; и въ семъ только одномъ и состоять будетъ возможное содѣйствіе къ пользѣ вашей; о чемъ я по усердію къ вамъ сердечно сожалѣю.

Принимая сладкую посылку вашу, за знакъ дружескаго о мнѣ незабвенія, я сугубо васъ благодарю за благосклонность вашу къ Ильѣ Ивановичу Бажанову, радуясь искренно, что вы нашли его достойнымъ оныя—и для исполненія благонамѣреннаго расположенія вашего къ нему и ко всѣмъ достойнослужащимъ подъ вашимъ начальствомъ. Весьма хорошо вы сдѣлаетѣ, представля правленію о прибавкѣ имъ жалованья, чему я со стороны своей всемѣрно содѣйствовать стану, будучи весьма согласенъ съ мыслями вашими и увѣренъ опытомъ, что безъ ободренія и самое горячее усердіе протываетъ, и способности увядая, становятся безполезными.

Судя по сущности справедливыхъ дѣлъ, кажется и ненужны бы иныя посредства, кромѣ должности судящихъ разсмотрѣтъ его и защитить истину, но пристрастіе мыслитъ и дѣйствуетъ инако; есть ли бы я увѣренъ былъ въ сумнѣніи своего дѣла, находящагося въ тамошней гражданской полатѣ, то признаюсь вамъ, что цѣною неправды выиграть его не желалъ бы; я однакожъ понимаю, съ чувствительнѣйшей благодарностію, дружеское ваше попеченіе къ пользѣ моей и предложеніе ходатайства вашего о немъ. Не говоря вамъ столько о дѣлахъ, кои можетъ быть и никогда получены не будутъ, нельзя не сказать чего нибудь о тѣхъ, кои насъ иногда забавляли. Игра, составлявшая часто наше пріятное времяпровожденіе, перервалась почти

совсѣмъ послѣ отъѣзда вашего, и артельщики наши, потерявши въ васъ главнаго приводцу, занимаются въ празности иными должностями: Обрѣзковъ и Ширай, подобно турецкимъ святошамъ, вертятся и при недостаткѣ бубенцовъ, играютъ одними палочками; Карлъ Ратъ, погребшій великія свои надежды на мавзолей цесарей, отчаевается навсегда видѣть ихъ возродиться могущими когда либо въ примѣрной бережливости Богемской и Венгерской; и дачи на щетъ императора, можетъ быть уже и останутся на щетъ только тѣхъ, у кого они написаны. Кувшкину одному только, какъ кажется, щастье присягнуло служить даже до тѣхъ поръ, пока свернетъ ему голову, великъ и въ великомъ свѣтѣ обыгриваетъ всѣхъ въ великія игры. Николай Петровичъ по прежнему вздыхаетъ, тлѣетъ, чернѣетъ и кажется ненаходитъ пріятнѣе смерти, какъ сгорѣть любовнымъ пламямъ. Иванъ Николаевичъ всіо по старому нахохливается и тонируетъ. Комаскино, не нашедши ни въ Италіи, ни во всякой другой благорастворенной землѣ, здоровѣйшаго для себя воздуху, пріѣхалъ назадъ, чтобы не умереть гдѣ нибудь съ голоду: визжитъ прескареднымъ сопрано: о *dio! benedetto dio, на все цвету не такъ земля какъ на Руссія.*—Я въ свободное время скучаю и воспоминая объ васъ, сожалѣю тѣмъ болѣ, что приближается время жить въ Царскомъ Селѣ или на дачѣ, гдѣ вы знаете, что для меня не очень весело. Я увеселяюсь однакожъ пріобрѣтеніемъ благорасположительнаго дружества вашего ко мнѣ, пребывая всегда съ петинымъ къ вамъ почтеніемъ и искреннѣйшею приверженностію, вамъ, м. г. мой, вѣрно покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. въ С.П.Бургѣ. Апрѣля 18-го, 1790 года.

P. S. Препровождаю при семъ къ вамъ письмо отъ Виктора Павловича (Кочубея). Оно старо, понеже пущено еще до путешествія, которое любопытство побудило его предпріять во Францію и Нидерланды. Изъ обѣихъ сихъ мѣсть получилъ я отъ него весьма примѣчательныя описанія; но что онъ возвратился уже въ Лондонъ, не имѣю еще извѣстія. Между тѣмъ, есть ли вы желаете переписываться съ нимъ, я удовольствомъ представляю себя на услуги вѣрнаго имъ доставленія. Вчера имѣлъ я честь получить послѣднее письмо ваше отъ 2-го сего мѣсяца. Мѣры, кои вы приняли для испытанія своихъ почтмейстеровъ, конечно, оправдаютъ всегдашнее мое заключеніе, что при вѣрномъ отправленіи должностей ихъ и при строгомъ затѣмъ наблюденіи почтамта, доходъ тамошнихъ почтовыхъ конторъ гораздо возвысится и по крайней мѣрѣ будетъ достаточенъ на содержаніе ихъ съ выгоднѣйшими предъ нынѣшнимъ положеніями. Ежелибъ вы

удѣлили еще нѣсколько времени, чтобъ самолично освидѣтельствовать каждаго порядокъ управленія и способности ихъ, то сіе наипаче на пользу дѣлу послужило бы. Прощайте! извините, гдѣ чужою рукой пишу къ вамъ: собственная хотя не отсохла, но часто чувствуя усталь, отказывается отъ повиновенія. Ut in litteris Трощинскій.

15. М. Г. мой Григорій Петровичъ. (*Д. Трощинскаго*).

По причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, я принужденъ былъ прожить въ здѣшнихъ мѣстахъ, гораздо болѣе, нежели чаялъ, какъ получа малое облегченіе, спѣшу къ своему мѣсту, препоручая себя дружеской вашей памяти и прося продолжать ко мнѣ то благорасположеніе, которымъ я всегда имѣлъ удовольствіе отъ васъ пользоваться.—Ежели до васъ относится дѣло, по коему безпокоятся бѣдные сироты Левенцевы, не откажите отъ вашей руки помощи и покровителства по крайней мѣрѣ удержаніемъ разорительнаго для нихъ взысканія до того времени, покуда сіе дѣло, подъ монаршимъ теперь разсмотрѣніемъ состоящее, получитъ высочайшее рѣшеніе, которое конечно незамедлится. Илья Иванотичъ не здѣлалъ мнѣ по сію пору обѣщаннаго чрезъ васъ отзыва, а я единственно изъ искренняго желанія ему добра намѣренъ былъ стараться объ уволненіи его съ выгодою. Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что я часть имъ управляемую нашолъ не въ лучшемъ порядкѣ и что по правиламъ моимъ, вамъ извѣстнымъ, непростительно бы было оставить ея на долго въ нынѣшнемъ состояніи: и честь мѣста, и польза службы требуетъ принять мѣры на приведеніе оной въ лучшее положеніе. Поговорите съ нимъ по сей матеріи еще разъ и не оставте меня безъ извѣщенія о его расположеніи, а мое состоитъ въ томъ, что я всегда былъ и непоколѣбимо пребуду съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ, вашего пр—ва покорный слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

16. М. г. мой Григорей Петровичъ (*Тутолминой, жены Тимофея Ивановича Тутолмина*).

Отъ всего серца поздравляю васъ съ новорожденнымъ; желаю, чтобъ вы дождали сыны сыновъ ево во всякомъ благополучіи. За присланные конфекты, водки—наипризнательнейше благодарю; все прекрасно зделано; такое множество, что я думала вамъ приплачивать, и вы мнѣ еще остатки присылаите. Посланной вамъ весма лобный человѣкъ, онъ очень піокса і берег[illegible] въ совершенной целости, покорно прошу сказать ему за то [illegible] я вамъ скажу нашихъ вестей несколко: что князь Н. В. (Репнинъ) живетъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.